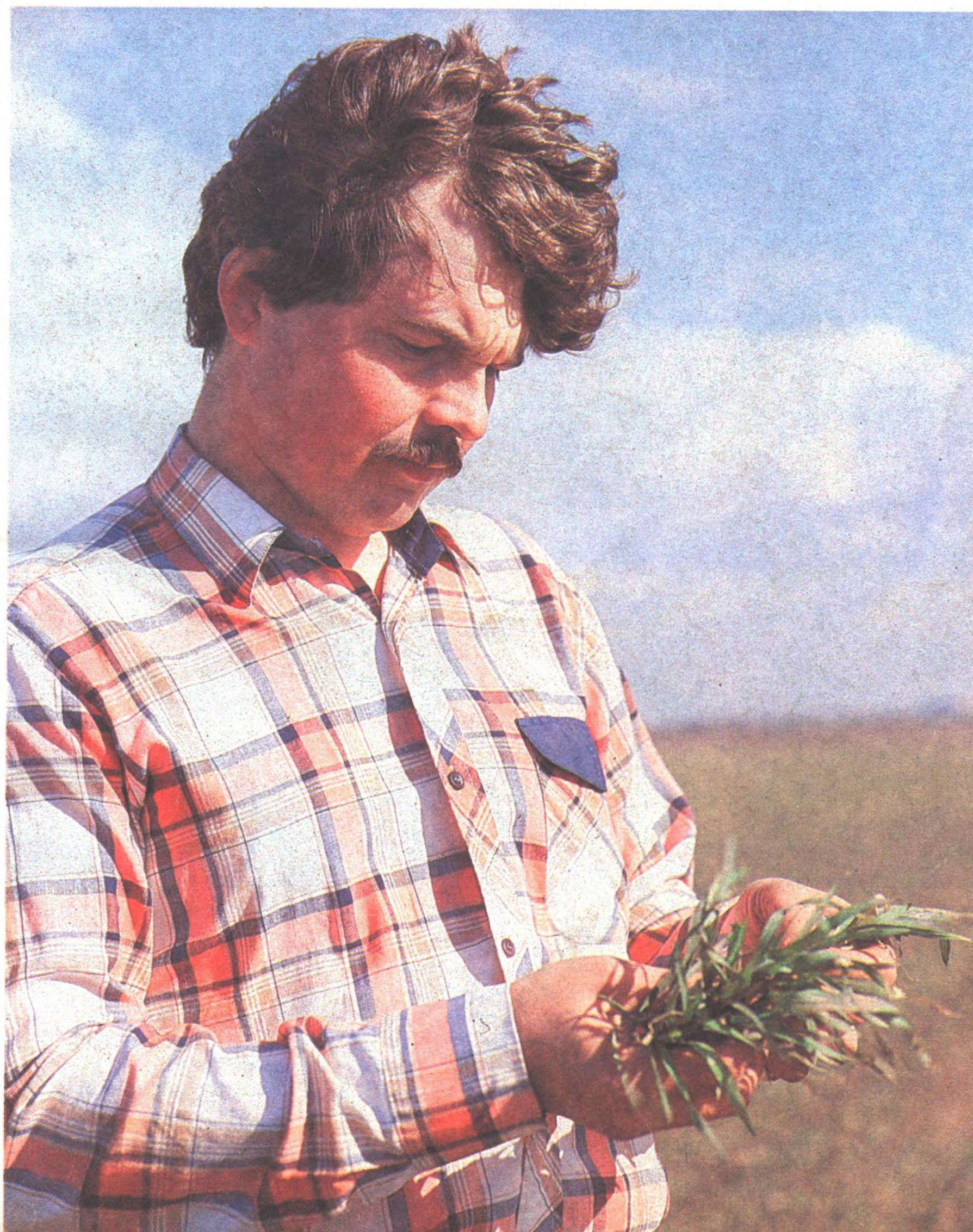

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

6

1990

Председатель Кировского районного народного суда г. Ленинграда Ирина Сергеевна Савельева. Ее опыт, принципиальностьнискали ей заслуженное уважение среди коллег.

Сотни раз приходилось провозглашать ей: «Именем Российской Советской Социалистической Республики...» И всегда она помнила о той высокой ответственности, которая стоит за этими словами,—вершить правый суд от имени народа, государства.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

№ 6 (234). ИЮНЬ 1990. ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1971 ГОДА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА.

В НОМЕРЕ

3

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

- Н. КЕЙЗЕРОВ. Под эгидой права 3
Собственность: новые перспективы. Закон о собственности комментирует кандидат юридических наук В. ПРОЗОРОВ 8
О. КОЗЫРЬ. Первый шаг земельной реформы 14

18

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- Приписан там, где прописан? Беседа с подполковником милиции А. ГУНАЕВЫМ 18
М. КРАСОВИЦКИЙ. Путь к прокурорскому Олимпу 23

28

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- В. ЗВЯГИНЦЕВ. Война и правосудие 28

44

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ НА КОЛЕСАХ И ПЕШКОМ

- Г. КРУГЛОВ. Виноват ли пешеход? 44

- АЗБУКА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ 46

- КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ? 48, 54

- ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 48, 128

- СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА
В. СЛАВИН. Стройка... под арестом 49

- ОТ «А» ДО «Я»
Е. КОМИССАРОВА. Фиктивный брак 51

- КНИЖНАЯ ПОЛКА 22, 53
Из Памятников права 54, 72

- РЕКЛАМА. ОБЪЯВЛЕНИЯ.
ИНФОРМАЦИЯ 55

56

- В. ГОРДЕЕВА. «Не жди меня — мне нет возврата...» Документальная повесть. Окончание. 56

73

СОБЕСЕДНИК

- Нога, занесенная над пропастью. Беседа с писателем В. БУРЛАКОМ 73

С. ТУРЧЕНКО. Убиты не
при исполнении... Записки
военного журналиста 77
Комментирует пресс-центр
МВД СССР 85
Советско-американский се-
минар 89
РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ 17

90

Л. ЗАХАРОВА, В. СИРЕН-
КО. Год дракона. Роман.
Окончание. 90

123

ФЕЛЬЕТОН
М. ХАЗИН. Шереметьев-
ские воры 123

126

КРОССВОРД
Знаете ли вы право? 126

На первой странице обложки

Быть хозяином на земле — об этом Сергей Баландин мечтал давно, еще когда учился в Тимирязевской академии. Однако осуществил свою мечту он только в 1989 году, создав в совхозе «Фаустово» Воскресенского района Московской области арендную бригаду. В бригаде девять человек. Обрабатывают они 310 гектаров земли, возделывая в основном картофель и кормовые травы. Широкие перспективы перед арендаторами открывают новые законы о собственности и о земле.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ,
Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель главного редактора),
В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),
И. В. ИЛЬИН, И. Н. КУЗНЕЦОВ,
В. Д. ПОВОЛЯЕВ, И. С. САМОЩЕНКО,
П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
Е. В. СМЕРНОВА, А. Я. СУХАРЕВ,
А. А. ТРЕБКОВ, А. М. ФИЛАТОВ,
И. Ф. ШИЛОВ.

Технический редактор Е. А. КОЛЕСНИКОВА

Оформление М. Ю. БАЙКОВОЙ

Фото в номере В. ЗИМИНА

ПЕРЕСТРОЙКА:

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

ПОД ЭГИДОЙ ПРАВА

Многочисленные публикации о «железной руке» замыкаются на обосновании некой «необходимости» сегодня, в критической фазе перестройки, диктаторской власти. В принципе «сильной рукой» может быть и коллективный орган, и правовое государство, и закон. Демократически ориентированная часть общественности возлагает большие надежды в деле укрепления законности и порядка на органы народовластия. Эти надежды подтверждает работа сессий Верховного Совета, состоявшиеся выборы в республиканские и местные Советы, принятые и обсуждаемые правовые акты. Власть права сочетает демократизм с достаточной твердостью. Но авторы некоторых публикаций в прессе, а судя по письмам и откликам, и читатели явно тяготеют к диктаторской власти, так сказать, в единственном числе. Все больше разговоров можно слышать о «спасительной» для порядка «неограниченной власти» лидера, диктаторе с чрезвычайными полномочиями.

Дискуссия в Литгазете «Нужна железная рука?» (16 августа 1989 г., 27 декабря 1989 г.) содержала афоризмы и тезисы в этом духе: «путь к демократии лежит исключительно через диктатуру», «демократия нужна лишь для власти лидера» и т. п. Весьма сильные аргументы против авторитаризма сопровождаются своеобразным подтекстом и фоном: «что ни говорите, а авторитарная власть грядет...» Такой неожиданный поворот к авторитарной модели озадачивает. Обоснование неограниченной власти лидера в некоторых публикациях называют изменой демократическим принципам и идеалам, игнорированием исторического опыта. Так оно и есть.

Со времен древнейших демократий известно, что тирания, власть одного попирают закон и права человека. Один из греческих тиранов ознаменовал начало своего правления тем, что приказал поднять законы на такую «необыкновенную высоту» на форуме, чтобы ни один гражданин не смог их прочесть, другой повелел сжечь неугодные правовые акты, третий возвел своего коня в сан сенатора-законодателя и т. д. В новейшее время преступления фашизма против человечества показали непреодолимую враждебность тоталитарной диктатуры и законности. Кровавые преступления сталинизма — звено в цепи неопровержимых аргументов, доказывающих, что законы демократии и злодейство тиранической диктатуры — вещи несовместимые.

Что же произошло? Почему демократы стали авторитаристами, правда, «во благо демократии»? Как объяснить такую неожиданную эволюцию и «смятение умов», парадоксы правового сознания?

Думается, главная причина в запальчивости настроений, иллюзиях и не совсем ясном представлении о предмете разговора — авторитаризме власти. А ведь вещь эта весьма серьезная.

Между тем, у нас охотников порассуждать об этом предмете и даже мимоходом «взять власть» гораздо больше, чем знающих, что она собой представляет, в какой связи находится с социальными нормами, порядком. Поразительный факт: даже в энциклопедиях нет общего определения власти. В рассуждениях же царит поразительная путаница, и не только в головах представителей академической науки. Администраторы же более озабочены, как удержать ускользающую власть, чем спорами вокруг ее общих определений. Но и представители мира искусства стали вникать в терминологические тонкости. Не обошлось без курьезов. Один известный режиссер недавно с восхищением рассказал о «новом прочтении» Мольера, вложив в уста его героя взамен фразы «ненавижу королевскую власть» восклицание в духе времени «ненавижу государственную власть». Но ведь последнее неисторично, это заурядный анархизм, чуждый эпохе Мольера и ему самому, и свидетельствует просто о непонимании, что к чему.

Ненависть и любовь, особенно к власти, тоже должны быть избирательны и точны. Здесь несерьезна «то пылкая любовь, то подлая измена». Зарубежные социологи говорят о некой «квоте власти», имея в виду меру, количественную сторону, строго измеряемый предел правовых полномочий, чтобы она не выродилась в авторитарный диктат и произвол над личностью и законом. Власть действует по принципу «сообщающихся сосудов». Если из одного органа «она уходит, то приходит в другой». «Переливы» власти — сложные процессы, нуждающиеся в серьезном изучении соотношения «власть — закон», продумывании, новом качестве понимания, соответствующем серьезности ситуации.

Пока такого трезвого понимания нет. Зато налицо прискорбная тенденция перенести обсуждение проблем на эмоциональный стиль и уровень, характерный для трактовки «распределительных» функций. Вполне в духе страстей нормирования и дележа дефицита.

Откуда же появляется эта неумемная жажда «сильной руки», готовность идти на жертвы авторитаризма и «наделять» чрезвычайной властью по собственному благоусмотрению высших руководителей — этим воистину «данайским даром»?

Дело, на наш взгляд, в подмене гражданской и правовой культуры мессианской мифологией. Нет понимания, что демократия не может быть «немножко беременна» авторитаризмом, от этого противостественного брака неизбежно родится монстр, развести тоталитаризм и авторитаризм невозможно.

Антидемократизм и правовой нигилизм, авторитаризм и тоталитаризм — синонимы, по своей природе они нерасторжимы. Развести их в долгой истории человечества пока никому не удалось. Попытка некоторых сделать это поражает смелостью, но не результатами.

«Быстрых» результатов в утверждении политической и правовой культуры трудно достичь ввиду слабости гражданского общества в нашей стране, раздавленного сталинским тоталитаризмом. Ренессанс гражданского общества возможен только в условиях реальной и полной демократии, свободы социального творчества масс, раскрепощения всех гражданских сил. Для этого требуется полное преодоление авторитарных поползновений, откуда бы они ни исходили. Авторитарная структура властных отношений «сверху вниз» пока что мало

поколеблена. И спасительность «авторитаризма снизу», диктата толпы в духе пресловутой охлократии видится лишь тем, кто склонен бросаться из огня в полымя. На митингах и собраниях у нас витийствует немало «авторитарных личностей», способных возглавить диктаторский режим в любой «банановой» республике. Но они пока популисты, часто идущие на поводу махровой «разлюли-малины» в духе печально знаменитого «гуляй-поля».

Критицизм сегодня все больше сочетается с авторитарными замашками откровенных демагогов и популистов. Нередкость уже и интеллигент, который умиляется при грозных стальных нотках в голосе. Недавно переводчик Сталина Бережков в интервью заметил не без глубокомыслия, что в ту пору было и хорошее, при жесткой власти снег в Москве убирали. Почти как у Монтескье. Только у того климат влияет на власть, а у нас некоторые мыслители подбивают власть влиять на климат, чтобы показать свою эффективность. А ведь результативность власти при уборке снега зависит не от тяжести репрессий, а от элементарной распорядительности: надо иметь технику, платить, организовывать, контролировать. Мы же очень часто сгоняем муху со лба колуном, а некоторые ищут орудие потяжелее, мотивируя это требованиями перестройки и императивами объективных обстоятельств.

Одна из величайших заслуг обновления — полное и безоговорочное развенчание антидемократизма сталинщины и времен застоя, и как плод горького опыта — решительное неприятие тоталитарной, авторитарной модели развития. Слишком дорого они нам стоили, чтобы мечтать о возврате к ним. Иногда в аудитории можно слышать суждение: «Слишком много говорим о преступлениях сталинщины. Ведь не он один творил черные дела». Верно, не один. Работала машина авторитарной власти, закономерно переросшая в тоталитарную диктатуру. На грани «тонкого баланса» закона и авторитаризма ни один авторитарный режим не удержался: либо он сметал демократию, либо демократия сметала его. Таковы уроки истории, политологии, правоведения.

Каюсь, порой и мне приходила мысль, что за счет сокращения критики сталинизма можно было расширить обсуждение других интересных проблем политической и правовой жизни нашей страны, прошлого и настоящего. Сейчас, после публикаций о желательности «железной руки», буду ратовать за расширение и обострение этой критики, ибо она выполняет роль «заградительного огня», который не дает поднять голову, встать во весь рост и пойти в атаку на демократию и законность. Это сторожевые вехи, ограждающие нас от пропасти авторитаризма и крушения правопорядка.

Существует иллюзия, что авторитаризм «произведет порядок», создаст товарное изобилие. Но созидательна только демократия, обеспечивающая проявление творческих способностей человека на каждом рабочем месте. В этой связи вспоминается суждение одного инженера, который после совещания у руководителя строительной организации с авторитарным стилем сказал: «Если бы дикий крик и сила упрямого нажима что-то создали, то осел и мамонт были бы первыми градостроителями». Прогресс выбрал человека разумного. И демократия, законность тоже.

Политическая история человечества свидетельствует об ущербности авторитарных, антигуманных моделей развития.

Начиная со стажировки в Сорбонне в 1967—1969 годах в последнее время меня занимали метаморфозы авторитарных режимов

«личной власти» в сочетании с демократией в тех или иных пропорциях. В нашей стране президент Франции де Голль был весьма популярен как инициатор разрядки и лидер Сопротивления. Поэтому острокритическое отношение французов к голлизму многим, как и мне, казалось непонятым парадоксом. Может быть, сказалось в этом долгое пребывание в родной авторитарной атмосфере. Широкие же круги французской общественности испытывали глубокую тревогу перед ростом авторитарных тенденций, проявляли органическое неприятие ограничений демократических и конституционных институтов в любой форме, смехотворность притязаний каждого префекта быть маленькой копией «большого генерала».

Для убежденного республиканца авторитаризм в любой упаковке, под любым соусом неприемлем. Демократ убежден в его неэффективности, противоправности, бесперспективности, опасности, гибельности. Исторический и современный политический опыт подтверждает правомерность такого сугубо отрицательного отношения, вошедшего в плоть политической и правовой культуры француза, англичанина. Диктаторские замашки на политической авансцене выглядят как экзотика антиквариата, за которую нации уже уплатили слишком дорого. Даже деятельность такого гиганта имперского авторитаризма, как Наполеон, отмечена чудовищной социальной деструктивностью, трагичностью кровавого апофеоза насилия и военных авантур при всей гениальности их организатора, автора *Code Civile*.

«Кулачное право» надо оставить для феодализма, эффективное, решительное народовластие, силу и власть Закона — для социализма. Самая «сильная рука» — законы демократии с реальным участием каждого гражданина в производительном труде и управлении общественными процессами, в осуществлении власти. Другой, антидемократический, авторитарный и противоправный путь ведет к катастрофе, ущербен по своей сути.

Грустно, что именно эти ноты зазвучали с новой силой, когда встал вопрос о президентстве.

Учреждению поста президента в СССР, как известно, предшествовала бурная полемика в печати, на сессии Верховного Совета СССР. Съезд народных депутатов подвел итоги дискуссии и убедительным большинством голосов высказался за изменение Конституции и за президентскую власть. Первым Президентом СССР избран М. С. Горбачев.

На основе принятых решений происходит реальное перераспределение власти с далеко идущими последствиями и неоднозначными тенденциями. Как можно убедиться из уже высказанных в статье суждений, ее автор непримиримо критически относится к режиму «личной власти», авторитарно-бюрократической системе, «железной руке» и т. д., к любой непоследовательности в этом вопросе. Мне показалось натяжкой, когда по нашему телевидению для аргументации необходимости президентской власти замелькали эпизоды из жизни американских, французских президентов, возник из небытия и долго назидательно маячил на экране характерный профиль «сильного президента» генерала де Голля. При всем значении неких мировых стандартов, общечеловеческого опыта в богатейшей политической лаборатории мира коробил очередной пропагандистский перебор. Особенно когда под сомнение в некоторых публикациях стала ставиться коллективность руководства, коллегиальность. Это не-серьезно.

Необходимость президентской власти в наших специфических ус-

ловнях, а не в мировой практике. Президентская власть будет эффективной лишь при условии, если она станет новым измерением коллективности и демократизма политического руководства, будет опираться на поддержку населения и всей системы выборных органов. Президентство — развитие принципа Советской власти с учетом новой ситуации, необходимости преодоления опасного кризиса. Это отнюдь не навязывание власти «сверху», а достижение гражданской консолидации, подлинно народного консенсуса новыми политическими средствами, в рамках традиционных и новых структур, «перелива» власти от партии к Советам. Это в потенции крупный шаг по пути демократии, в защиту ценностей правового государства, идеалов перестройки, укреплению законности.

Много говорится о вакууме и даже параличе власти, отмечается, что дело дошло до некой критической черты неупотребления власти, замешательства органов управления, бездействия должностных лиц, обострения конфликтов и т. д.

Высказываясь за безусловную и решительную поддержку президента в интересах перестройки и обновления, хотелось бы обратить внимание на практическую сторону дела. Ученые привыкли к абстракциям, в их умозрительных построениях часто власть, должности, кресла как бы витают над землей, в облаках. А жизнь полна противоречий. Забывают, что наша политическая реформа опирается совсем на иную экономическую структуру, нежели западные практически действующие модели. На Западе просто невозможно такое экономическое следствие бурной политической жизни: работники смотрят и слушают дебаты в парламенте и... не работают. Перечень подобного рода «нонсенсов» можно без труда продолжить и в сфере права: есть закон, и он не выполняется. Когда Трумэн сдавал дела победившему его на выборах Эйзенхауэру, он саркастически заметил: новый президент думает, что стоит ему отдать приказ и все, как в армии, бросятся его исполнять. На самом деле ему придется столкнуться с тем, что он будет отдавать приказы и уже никто не будет их выполнять... Даже если исполнительская дисциплина в американской модели управления была бы на столь плачевном уровне, трагедии не произошло бы, поскольку экономика функционирует по своим законам.

Думается, самое главное для нас сейчас — налаживание тонких и сложных механизмов экономической власти, гражданского общества, на которые опирается президентская власть, системы управления и самоуправления, исполнительной и правовой дисциплины, элементарного исполнения законов. Нужен противовес процессам децентрализации и сепаратизма, автаркическим и анархистским тенденциям. Огромная, нужная законодательная деятельность Верховного Совета СССР вязнет, как в трясине, в юридической неисполнительности, слабости механизма правореализации. Левые радикалы озабочены созданием сдержек и противовесов президентской власти. Это — дело нужное. Сила привычки миллионов, писал Ленин, страшная сила. Давление инерции социальной консервативной среды, ее вязкость очень опасны для молодой президентской власти. Опора в этой ситуации на власть закона и активность перестроечных сил способна придать динамизм власти, упрочить правопорядок и дать импульс обновительным процессам.

Н. КЕЙЗЕРОВ,
доктор философских наук,
профессор

СОБСТВЕННОСТЬ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

1 июля 1990 года вступает в действие Закон СССР «О собственности в СССР», принятый Верховным Советом СССР 6 марта 1990 года. Мы обратились к кандидату юридических наук В. ПРОЗОРОВУ с просьбой прокомментировать его.

— **Что дает гражданам Закон «О собственности в СССР»?**

— Этот закон сделал радикальный шаг по передаче в собственность граждан важнейших объектов потребительского назначения. Им установлено, что те члены жилищного, жилищно-строительного, дачного, гаражного или другого кооператива, которые полностью внесли свой паевой взнос соответственно за квартиру, дачу, гараж, иное строение или помещение, предоставленные им в пользование, приобретают право собственности на это имущество (пункт 2 статьи 7). Вне зависимости от того, когда член того или иного из перечисленных кооперативов сделал последний вклад в счет своего паевого взноса,— 10, 20 лет назад либо в этом году, если взнос выплачен полностью, гражданин становится собственником соответствующего имущества с 1 июля 1990 года. У членов кооперативов, которые полностью выплатят свой паевой взнос после 1 июля 1990 года, право собственности возникнет с момента внесения последнего вклада в счет паевого взноса. После приобретения в собственность квартиры, дачи гражданин вправе распоряжаться ими по своему усмотрению: продавать, дарить, завещать, сдавать в аренду, совершать с этим имуществом иные сделки, не противоречащие закону.

— **Какие перспективы открывает для граждан Закон «О собственности в СССР»?**

— Он коренным образом меняет подход к составу объектов собственности граждан и назначению этой собственности. До принятия Закона «О собственности в СССР» законодательство исходило из того, что круг объектов, которые могут принадлежать гражданину на праве личной собственности, ограничивается в основном потребительским назначением этой собственности, предназначенной для удовлетворения материальных и культурных потребностей личности. Теперь же в собственности граждан может находиться не только имущество потребительского назначения (жилой дом, дача, садовый дом, денежные средства, транспортные средства, предметы домашнего хозяйства и личного потребления), но и имущество производственного назначения (средства производства для ведения крестьянского и другого трудового хозяйства, личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества, индивидуальной и другой хозяйственной деятельности, произведенная продукция и полученные доходы). Перечень имущества, которое может быть в собственности у гражданина, данный в статье 7 Закона, не является исчерпывающим.

Однако законами Союза ССР, союзных и автономных респуб-

лик могут быть установлены виды имущества, которое не может находиться в собственности граждан. Совету Министров СССР дано поручение представить в текущем году на рассмотрение Верховного Совета СССР законопроект, определяющий виды имущества, которое по соображениям государственной и общественной безопасности либо в соответствии с международными договорами СССР не может находиться в собственности граждан. Таким образом, все остальное имущество, кроме тех отдельных его видов, которые будут определены специальными законами, гражданин сможет иметь на праве личной собственности. Причем состав и стоимость имущества, приобретенного гражданином за счет своих трудовых доходов и сбережений и по другим основаниям, допускаемым законом (выигрыш в лотерею, по облигации, наследство, дарение и т. д.), не ограничиваются.

До принятия Закона о собственности ведение личного подсобного хозяйства допускалось постольку, поскольку это хозяйство имело прежде всего потребительское назначение, то есть вся или большая часть полученной продукции предназначалась для личного потребления, а не для продажи. И уж тем более ни в коем случае не допускалось, чтобы доход от подсобного хозяйства превратился в основной вид дохода для гражданина. Теперь же за ним законодательно признано право на ведение самостоятельной хозяйственной деятельности на основе собственных средств производства, а также право продажи произведенной продукции и получения дохода.

Законом предусмотрена возможность ведения гражданами самостоятельной хозяйственной деятельности в форме трудового и крестьянского хозяйства.

Трудовое хозяйство — это результат свободного объединения труда и имущества (средств производства) граждан для совместного ведения хозяйственной деятельности. В собственности граждан, объединившихся в трудовое хозяйство, может находиться мастерская, другое малое предприятие в сфере бытового обслуживания, торговли, общественного питания и иных областях хозяйственной деятельности, жилые дома и хозяйственные постройки, машины, оборудование, транспортные средства и другое имущество, необходимое для самостоятельного ведения хозяйства. **Имущество трудового хозяйства**, в том числе произведенная продукция и полученные доходы, является **общей долевой собственностью граждан**, совместно ведущих хозяйство (т. е. с определением доли каждого из них), если сами граждане, совместно ведущие трудовое хозяйство, не договорятся между собой об ином. Владение, пользование и распоряжение общей долевой собственностью членов трудового хозяйства производится по соглашению всех ее участников. Заключение договоров, например купля-продажа имущества, продукции, может быть поручено одному из членов трудового хозяйства, если все остальные члены уполномочивают его на совершение тех или иных договоров в общих для них интересах.

Члены крестьянского и личного подсобного хозяйства могут иметь в собственности жилые дома, хозяйственные постройки, насаждения на земельном участке, продуктивный и рабочий скот, птицу, сельскохозяйственную технику и инвентарь, транспортные средства и другое имущество, необходимое для самостоятельного ведения сельскохозяйственного производства, переработки и реализации продукции. Произведенная в крестьянском и личном под-

собном хозяйстве продукция и полученные доходы являются собственностью соответствующего хозяйства и используются им по своему усмотрению. Имущество крестьянского и подсобного хозяйства принадлежит его членам на праве общей совместной собственности (без определения их долей), если иное не будет предусмотрено законами той или иной союзной или автономной республики.

Таким образом, для граждан открываются новые возможности к повышению своего благосостояния за счет получаемого от ведения самостоятельной хозяйственной деятельности дохода.

Еще одна принципиально новая возможность, предусмотренная Законом, заключается в том, что для граждан регулярным и существенным источником дохода может быть не только их труд в государственном секторе или самостоятельная продажа продуктов своего труда (услуг), но и участие в прибыли на основе денежного или имущественного вклада в хозяйственную деятельность, а также получение процентов (или дивидендов) по ценным бумагам и акциям.

Общее правило заключается в следующем: гражданин вправе с согласия собственника внести денежный или иной вклад в имущество предприятия, иной хозяйственной организации, крестьянского или другого трудового хозяйства, в котором он работает по трудовому договору, и участвовать в распределении прибыли (дохода) такого предприятия (организации) или хозяйства пропорционально размеру своего вклада.

— **Расскажите о ситуациях, в которых гражданин может получать доход на свой вклад.**

— За членами трудового коллектива государственного предприятия сверх получаемых ими денежных средств за оплату труда закрепляется на праве собственности часть полученной предприятием чистой прибыли. Сумма прибыли, принадлежащая члену трудового коллектива государственного предприятия, образует его вклад в этом предприятии. На сумму вклада члену трудового коллектива могут быть выданы акции, на которые предприятие ежегодно выплачивает проценты (дивиденды). Они выплачиваются за счет той части прибыли предприятия, которая передается в собственность трудового коллектива. Конкретный размер суммы прибыли, направляемой на выплату процентов (дивидендов), определяется по соглашению между администрацией предприятия и его трудовым коллективом.

Член трудового коллектива вправе получить сумму вклада (стоимость акций) в порядке и сроки, определяемые совместным решением администрации и трудового коллектива. При ликвидации предприятия сумма вклада выплачивается членам трудового коллектива из стоимости имущества, оставшегося после расчетов предприятия с бюджетом, банками и другими кредиторами.

Аналогичный порядок действует и на арендных предприятиях.

При выкупе трудовым коллективом, например после аренды, всего имущества государственного предприятия или при безвозмездной передаче имущества государством трудовому коллективу образуется коллективное предприятие. Его имущество, продукция и доходы будут общим достоянием коллектива как единого целого. В имуществе коллективного предприятия определяются вклады его работников.

Размер вклада работника в прирост имущества определяется исходя из его трудового участия в деятельности предприятия.

На вклад работника коллективного предприятия начисляются и выплачиваются проценты в размере, определяемом трудовым коллективом, исходя из результатов хозяйственной деятельности предприятия.

Работнику, прекратившему трудовые отношения с предприятием, а также наследникам умершего работника выплачивается стоимость вклада.

При ликвидации коллективного предприятия стоимость вклада выплачивается работникам (их наследникам) из имущества, оставшегося после расчетов с бюджетом, банками и другими кредиторами предприятия.

Законом закреплено, что граждане могут иметь в собственности акции и ценные бумаги. Государственное предприятие может быть преобразовано в акционерное общество путем выпуска акций на всю стоимость имущества предприятия. Такое преобразование осуществляется по совместному решению трудового коллектива и уполномоченного на то государственного органа. Акционерное общество может быть создано и несколькими предприятиями (государственными, арендными, коллективными), кооперативами и т. д.

Держателями акций могут быть работники соответствующего акционерного общества, а также другие граждане, если иное не будет предусмотрено специальными законами СССР, союзных или автономных республик или уставом акционерного общества. Кроме получения дивидендов по акциям (их не следует путать с так называемыми «акциями трудового коллектива»), акции (не именные) можно будет продавать по их реальной рыночной стоимости, которая может весьма существенно отличаться от номинальной стоимости акции.

— Можно ли быть уверенным в стабильности отношений собственности, установленных Законом?

— Да, можно, поскольку согласно Закону государство гарантирует стабильность отношений собственности, устанавливаемых в соответствии с этим Законом. Закреплены и новые, совершенно конкретные правила, обеспечивающие реализацию на практике этой гарантии. Например, установлено, что в случае принятия Союзом ССР, союзной или автономной республикой законодательных актов, прекращающих право собственности, убытки, причиненные собственнику в результате принятия этих актов, по решению суда возмещаются собственнику в полном объеме соответственно Союзом ССР, соответствующей союзной или автономной республикой. Таким образом, даже законом нельзя ущемить интересы собственника.

Что касается возможности нарушения прав собственника противоправным подзаконным актом, то если в результате издания не соответствующего закону акта органа государственного управления или местного органа государственной власти нарушаются права собственника по владению, пользованию или распоряжению принадлежащим ему имуществом, такой акт по иску собственника признается недействительным.

Убытки, причиненные гражданам, организациям и другим лицам в результате издания указанных актов, подлежат возмещению в полном объеме за счет средств, находящихся в распоряжении соответствующего органа власти или управления.

Кроме того, предусмотрено, что прекращение права собствен-

ности в связи с решением об изъятии земельного участка, на котором находятся принадлежащие собственнику дом, иные строения, сооружения или насаждения, или иным решением государственного органа, не направленным непосредственно на изъятие имущества у собственника, допускается лишь в случаях и в порядке, установленных законодательными актами Союза ССР, союзных и автономных республик, с возмещением собственнику в полном объеме убытков, причиненных прекращением права собственности.

При несогласии собственника решение, влекущее прекращение права собственности, не может быть осуществлено до разрешения спора судом, государственным арбитражем или третейским судом. При рассмотрении спора решаются также все вопросы возмещения собственнику причиненных убытков.

Закон содержит исчерпывающий перечень ситуаций, в которых имущество может быть изъято у собственника:

1) в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер, имущество в интересах общества по решению органов государственной власти может быть изъято у собственника в порядке и на условиях, установленных законодательными актами Союза ССР, союзных и автономных республик, с выплатой ему стоимости имущества **[реквизиция]**;

2) в случаях, предусмотренных законодательными актами Союза ССР, союзных и автономных республик, имущество может быть изъято у собственника по решению суда, государственного арбитража или другого компетентного государственного органа (должностного лица) в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения **[конфискация]**;

3) при обращении компетентным органом (судом и др.) взыскания на имущество собственника по его обязательствам (например, по его долгам) в случаях и порядке, предусмотренных законами Союза ССР, союзных и автономных республик.

Таким образом, Закон «О собственности в СССР» не только открывает новые возможности для повышения благосостояния граждан, но и обеспечивает уверенность в стабильности правового режима собственности, защите законных прав и интересов.

— Допускает ли Закон «О собственности в СССР» возможность эксплуатации человека человеком?

— Вокруг этого вопроса велись острые дебаты как при обсуждении опубликованного проекта, так и в процессе его принятия в Верховном Совете СССР. В результате в Закон было включено положение, согласно которому «использование любой формы собственности должно исключать отчуждение работника от средств производства и эксплуатацию человека человеком» (пункт 6 статьи 1). Взятое само по себе, в отрыве от других норм Закона, это положение еще не может служить убедительным доказательством того, что возможность эксплуатации исключена. Но если рассматривать его во взаимосвязи с другими нормами Закона, в единстве с регулированием всей совокупности отношений собственности, то оно окажется концентрированным выражением законодательной регламентации соответствующих отношений.

— Что понимается под эксплуатацией?

— Такое использование наемного труда, когда часть созданного им прибавочного продукта (прибавочной стоимости) поступает соб-

ственнику средств производства. Согласно Закону (пункт 2 статьи 3) результаты хозяйственного использования имущества (продукция и доходы), если иное не предусмотрено законом или договором, принадлежат собственнику этого имущества. Самого вопроса о возможности эксплуатации не возникает, если собственник средств производства сам на них и работает: при индивидуально-трудовой деятельности, в трудовом, крестьянском и личном подсобном хозяйстве, на коллективном предприятии и т. д. На арендном предприятии прибавочная стоимость делится между собственником имущества и арендаторами по договору. Вопрос этот может возникнуть только при найме собственником средств производства рабочей силы. Закон определил, что собственник вправе на условиях и в пределах, предусмотренных законодательными актами Союза ССР, союзных и автономных республик, заключать договоры с гражданами об использовании их труда при осуществлении принадлежащего ему права собственности (пункт 4 статьи 1). Однако продажа своего труда вовсе не является неизбежной. Каждому гражданину принадлежит исключительное право распоряжаться своими способностями к труду, и он волен выбирать, будет ли он осуществлять это право путем ведения самостоятельной хозяйственной деятельности в одной из перечисленных выше форм или на основе трудового договора. В последнем случае, независимо от формы собственности, на основе которой используется труд гражданина, ему обеспечиваются оплата и условия труда, а также другие социально-экономические гарантии, предусмотренные действующим законодательством. Кроме того, следует напомнить о предусмотренном в Законе праве гражданина с согласия собственника внести денежный или имущественный вклад в то предприятие или хозяйство, где он работает по договору, и участвовать в распределении прибыли пропорционально размеру вклада; о передаче части прибыли государственного предприятия в собственность членов его трудового коллектива, о продаже акций работникам акционерного общества и, следовательно, о получении ими части его прибыли, кроме оплаты труда.

Наконец, если говорить о государственных предприятиях, на которых работает пока что большинство трудящихся, то надо учитывать, что и та часть вновь созданной на них стоимости, которая поступает собственнику средств производства — государству, используется в интересах трудящихся: на бесплатное медицинское обслуживание, образование, жилищное строительство, дотации жилищному хозяйству, компенсации низкой квартплаты и т. д.

Может возникнуть вопрос о том, почему положение Закона о собственности, запрещающее эксплуатацию человека человеком, не было отражено в Конституции СССР при внесении в нее (статьи 10—13) изменений и дополнений, вытекающих из названного Закона. Дело в том, что в статье 14 Конституции сохраняется положение о том, что «источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является свободный от эксплуатации труд советских людей». Следовательно, в Конституции отражена наша принципиальная позиция по этому вопросу и нет необходимости специально говорить еще раз о запрете эксплуатации.

ПЕРВЫЙ ШАГ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ

Изменения в экономике, зарождение новых форм хозяйствования настоятельно требовали и соответствующего обновления земельного законодательства. Существовавший до недавнего времени порядок пользования этим важнейшим средством производства привел к отчуждению крестьянина от земли, превращению земельных богатств в «ничейные». Это обернулось губительными последствиями: для земли — ее истощением и запустением, для граждан — пустыми полками продовольственных магазинов.

Год назад первый Съезд народных депутатов СССР признал необходимым изменить законодательство о земле и дал соответствующее поручение Верховному Совету СССР. Подготовка проекта закона о земле, довольно быстрая по прежним меркам (немногим более чем за полгода), была тщательной. Он прошел через неоднократные обсуждения в комитетах и комиссиях, два чтения в Верховном Совете СССР, всенародное обсуждение, продолжавшееся более двух месяцев. Все это позволило найти оптимальные варианты решения ряда острых вопросов, согласовать интересы Союза ССР, союзных, автономных республик, других автономных образований, отдельных граждан и коллективных хозяйств.

И вот с 15 марта 1990 года у нас действуют новые Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле.

«Земля является достоянием народов, проживающих на данной территории», — провозглашает статья 3 Основ.

Согласно этому положению существенно расширены права местных Советов народных депутатов в решении земельных вопросов. Они предоставляют земельные участки во владение и пользование (в том числе в аренду) и изымают их, осуществляют контроль за использованием и охраной земель. В местный бюджет будет поступать основная часть земельного налога и арендная плата за землю. Советы народных депутатов могут прекращать право землевладения или землепользования при нерациональном использовании земельного участка, неиспользовании его в течение определенного срока или использовании способами, приводящими к снижению плодородия почв, их загрязнению. Это позволит им реально влиять на качество землепользования на своей территории.

Основы исходят из разнообразия правовых форм использования земли.

В них введена неизвестная ранее советскому законодательству конструкция **пожизненного наследуемого владения землей** — максимально приближенная к праву собственности. В такое владение земля может предоставляться гражданам СССР для ведения крестьянского и личного подсобного хозяйства, садоводства и животноводства, для строительства и обслуживания жилого дома или дачи,

при получении по наследству или приобретении жилого дома, для традиционных народных промыслов, а также для иных целей, предусмотренных законодательством союзных и автономных республик.

В постоянное владение земля предоставляется колхозам, совхозам, другим государственным, кооперативным, общественным предприятиям, учреждениям и организациям, а также религиозным организациям для ведения сельского и лесного хозяйства.

Землевладелец имеет право самостоятельно хозяйствовать на земле, в том числе использовать общераспространенные полезные ископаемые, торф, лесные угодья, водные объекты, возводить на участке строения и сооружения, в порядке, предусмотренном законодательством, передавать земельный участок или его часть во временное пользование другим лицам. За ним признается право собственности на произведенную сельскохозяйственную продукцию и доходы от ее реализации, а также на посевы и посадки сельскохозяйственных культур. В случае изъятия земли или добровольного отказа от земельного участка он получает полную компенсацию затрат на повышение плодородия земли.

Основы закрепили также обязанности землевладельцев: эффективно и в соответствии с экологическими требованиями использовать землю, осуществлять мероприятия по ее охране, своевременно вносить земельный налог и не нарушать права других землевладельцев и землепользователей.

Наиболее детально регламентирован порядок землеведения граждан, ведущих крестьянское хозяйство. Вопрос о предоставлении им земли разрешается районным Советом народных депутатов. Участок выделяется, как правило, единым массивом с расположенными на нем водными источниками и лесными угодьями. Члены колхозов и других сельскохозяйственных кооперативов, работники сельскохозяйственных предприятий могут выйти из их состава и получить участок из земель соответствующего хозяйства. Качество выделяемого участка должно быть, как правило, не ниже среднего по хозяйству, а при предоставлении земли качеством ниже среднего устанавливаются налоговые и другие льготы. Другим гражданам для ведения крестьянского хозяйства участки предоставляются из земель запаса. Впервые установлен судебный порядок обжалования отказа в предоставлении земли.

Гражданин-землевладелец может передать землю по наследству в порядке, установленном законодательством (этот порядок будет различен в зависимости от условий, традиций, имеющегося земельного фонда в союзных и автономных республиках).

В случае потери трудоспособности или достижения пенсионного возраста гражданин может передать свое право владения земельным участком (либо предоставить участок во временное пользование) одному из членов семьи, ведущему хозяйство совместно с ним, а при отсутствии таковых — иным лицам в порядке и на условиях, установленных действующим законодательством. Продавая имущество крестьянского хозяйства, гражданин вправе требовать возмещения затрат на улучшение качества земли и полной компенсации затрат под урожай от организации или лица, получающих занимаемый им ранее земельный участок.

Уровень защиты земельных и имущественных прав землевладельцев в Основах поднят до уровня защиты прав собственников: запрещается вмешательство в деятельность землевладельцев (за исключением случаев нарушения ими законодательства); полностью

возмещаются убытки, причиненные нарушением их прав; выплачивается компенсация затрат в случае изъятия или добровольного отказа от земельного участка одновременно с возведением на отводимом взамен изымаемого участке всех необходимых построек, установлен судебный и арбитражный порядок разрешения имущественных и земельных споров.

Одновременно Основы исходят из того, что с землей не следует обращаться как с товаром, что необходимо исключить возможность превращения ее в средство наживы и объект спекуляции. В этой связи в статье 53 закрепляется недействительность таких сделок по распоряжению землей, как купля-продажа, залог, дарение, самовольный обмен земельных участков.

Несельскохозяйственным государственным, кооперативным, общественным и религиозным организациям, совместным предприятиям, а также гражданам (для огородничества, сенокошения, выпаса скота и в некоторых других случаях) земельные участки предоставляются в **постоянное или временное пользование**. Этим же субъектам, а также иностранным юридическим лицам и гражданам земля может предоставляться во **временное пользование на условиях аренды**. Арендодателями земли выступают только Советы народных депутатов, по соглашению с которыми устанавливается размер арендной платы. Отношения по аренде земли регулируются наряду с земельным законодательством Основами законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде.

Новые Основы существенно укрепили правовое положение землепользователя. Он имеет право собственности на посевы сельскохозяйственных культур и произведенную сельскохозяйственную продукцию, право получать при прекращении использования земли возмещение стоимости земельных улучшений, произведенных за собственный счет, а также право передавать в установленном порядке во временное пользование земельный участок или его часть.

Наравне с землевладельцем он пользуется судебной защитой своих прав.

Впервые всеобщий характер приобрел **принцип платности использования земли**. Важно то, что непосредственно в законе определен критерий для установления размера платежей. Им являются качество и местоположение земель. Конкретные размеры и порядок налогообложения будут устанавливаться законодательством союзных и автономных республик, а взиматься платежи — непосредственно местными Советами. В их бюджет и станут поступать эти средства, за исключением части, централизованной в республиках для решения вопросов общереспубликанского значения. Предусмотрено установление в республиканском законодательстве льгот по взиманию платы за землю и возможность полного освобождения от нее некоторых категорий землевладельцев и землепользователей.

Обеспечение сохранности и рационального использования народного достояния — земли — сквозной линией проходит через Основы. Специально на это нацелены нормы разделов X — «Охрана земель», XI — «Контроль за использованием и охраной земель», XII — «Государственный земельный кадастр», XIII — «Землеустройство», XIV — «Разрешение земельных споров и ответственность за нарушение земельного законодательства».

Итак, новые Основы законодательства о земле действуют. Однако для реализации на практике ряда их положений требуется законотворчество республик. При этом впервые в земельном законо-

дательстве предусмотрено решение практически всех вопросов, отнесенных к республиканскому ведению, в равной мере союзными и автономными республиками. Им предстоит разграничить компетенцию местных Советов различных уровней в сфере земельных отношений, установить предельные размеры земельных участков, предоставляемых гражданам, разработать форму Государственного акта на владение и пользование землей и порядок его регистрации, закрепить перечень случаев изъятия земель пригородных и зеленых зон, сельскохозяйственных угодий и других ценных земель, установить льготы по взиманию платы за землю и основания освобождения от нее, определить порядок наследования права владения земельным участком и решить ряд других важных вопросов.

Одновременно следует учитывать, что Основы законодательства о земле не могут непосредственно создать равные возможности для развития всех форм хозяйствования на земле. Они лишь содержат правовые и организационные предпосылки для этого. В этой связи Правительству СССР поручено до 1 августа 1990 года осуществить комплекс мер, направленных на реализацию Основ, в том числе разработать специальную программу поддержки крестьянских хозяйств.

О. КОЗЫРЬ,
кандидат юридических наук

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

Наш читатель В. Карпенко из г. Городище сообщил, что Черкасское областное объединение стройматериалов планирует разработку месторождения гранита, не считаясь с тем, что это влечет за собой снос индивидуальных домов, прилегающих к карьере. Собрание жителей микрорайона потребовало наложить запрет на разработку.

В настоящее время исполком Совета народных депутатов г. Городище вынес решение — запретить ведение каких-либо работ до представления соответствующей документации с технико-экономическим и экологическим обоснованием разработки месторождения. Об этом нам сообщил и. о. начальника отдела общего надзора прокуратуры Черкасской области В. Голинько.

* * *

А. Новик, начальник управления народного образования исполкома Минского областного Совета народных депутатов, сообщил редакции о рассмотрении жалобы И. Солдаткиной. Ее дочь, Н. Якименко, жена военнослужащего, выпускница педагогического училища, была направлена на работу по месту службы мужа, однако трудоустроена не была из-за отсутствия прописки. При проверке факты подтвердились. В настоящее время все препятствия устранены. Молодой специалист Н. Якименко работает воспитателем детского сада.

ПРИПИСАН ТАМ, ГДЕ ПРОПИСАН?

В последнее время меняется наше отношение ко многим, казалось бы, незыблемым канонам, в том числе и к паспортной системе. Свидетельством тому служат многочисленные публикации газет и журналов, телепередачи. Причем суждения высказываются самые разные, вплоть до полного отрицания. К примеру, такое — прописка противоречит международным актам по правам человека. Есть ли вообще необходимость в паспортной системе, а следовательно, и в прописке?

Словом, действующая система учета населения не обойдена вниманием общественного мнения. И это объяснимо. Ведь она затрагивает жизненные интересы советских людей.

Какова же роль паспорта в наши дни? За разъяснениями корреспондент журнала А. АНОСОВ обратился к заместителю начальника паспортного отдела МВД СССР подполковнику милиции А. ГУНАЕВУ.

— Анатолий Васильевич, мы не получили паспортную систему с небес. Можно ли ее считать порождением сталинской тирании?

— Я противник крайних, односторонних оценок. Паспорт не наше изобретение. В годы царизма документ использовался для надзора за неблагонадежными. Поэтому сразу же после революции паспорта были отменены, а получение различных удостоверений личности было правом, а не обязанностью граждан.

И лишь постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 года «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» была введена единая паспортная система на всей территории страны. Прописка приобрела характер выдачи разрешения на проживание в данной местности, была введена ответственность за нарушение ее правил.

Характерный штрих. Сельские жители паспортов тогда не получили. Таким образом, паспортная система превратилась для них в разновидность крепостного права. Последующие Положения о паспортах 1940 и 1953 годов сохранили этот порядок.

Новые моменты внесло Положение о паспортной системе в СССР, утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 28 августа 1974 года. В паспортах отменили отметки о социальном положении, приеме на работу и увольнении. Взамен различных по срокам действия паспортов был введен единый, не ограниченный сроком действия. Но разрешительный характер прописки сохранился.

— Нужны ли эти документы сегодня! Ведь многие горячие головы считают их олицетворением тотального контроля за гражданами со стороны государства.

— Опасное заблуждение. Сегодня никто не станет отрицать позитивные сдвиги в общественно-политической жизни страны. Соответственно меняются и многие государственные институты.

Паспортная система в СССР позволяет вести учет движения населения и трудовых ресурсов, дает возможность определить закономерности и тенденции в демографических процессах, исследовать этнический, социальный и возрастной состав граждан.

Кроме того, институт прописки используется в нашей стране различными организациями и учреждениями при предоставлении жилья, решении вопросов пенсионного обеспечения, медицинского и бытового обслуживания.

А взять проблему регистрации и помощи беженцам. Ведь по самым приблизительным подсчетам, их в стране насчитывается около 500 тысяч человек.

Тем не менее положения паспортной системы существенно ограничивают, и мы это прекрасно понимаем, права граждан на выбор места жительства, содержат другие запреты. Повсеместно в городах действуют ограничения на прописку, связанные с нехваткой жилой площади. В нарушение общесоюзных нормативных актов республиканские и местные советские органы принимают собственные решения, ужесточающие паспортный режим.

Сейчас действует такой критерий прописки, установленный законодательством, как минимум жилплощади на человека. Но в некоторых регионах уже предлагаются и дополнительные. Например, оплата за переезд гражданина в город. Причем устанавливается она даже не Верховным Советом республики, а горисполкомом.

Таким образом, прописка используется в качестве административно-командного метода искусственного регулирования миграционных процессов, что уже привело к ряду негативных социальных, демографических и экономических последствий.

Крайними же, как это нередко бывает, оказались органы милиции. Именно им адресуют граждане свои многочисленные претензии.

Думается, чтобы не противоречить Конституции, любые ограничения прав граждан должны исходить только из специально принимаемых законов со строго ограниченными условиями, сроками их действия.

— На мой взгляд, существующий порядок прописки противоречит конституционному принципу равноправия граждан. Он ограничивает свободу передвижения и выбора места жительства. Кстати, в Конституции СССР об этих гражданских свободах даже не упоминается. Между тем эти права установлены основными международными актами о правах человека: Всеобщей декларацией прав человека и Международным пактом о гражданских и политических правах. Как «смотрятся» в этой связи многочисленные ограничения, вызванные пропиской в нашей стране?

— Действительно, законодательством установлены ограничения на прописку граждан в отдельных населенных пунктах: Москва, Ленинград, столицы союзных республик, крупные промышленные центры, курортные города, пограничная зона, санитарная зона вокруг АЭС. Но существующее положение, кстати, не противоречит статье 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого 19 декабря 1966 года. В нем, в частности, говорится, что права граждан на свободу выбора места жительства могут быть объектом ограничений, если они необходимы, в том числе для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

— И все же немало нареканий вызывает одна из основных функ-

ций действующей паспортной системы — прописка по месту жительства.

— Давайте порассуждаем. Как получилось, что в различных житейских ситуациях прописку начали ставить на первое место? Эта проблема имеет свою предысторию. В течение ряда лет различные ведомства, и прежде всего социального обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства и целый ряд других, при выполнении своих обязанностей стали для собственного удобства выдвигать на первый план в качестве обязательного условия прописку. Постепенно она заняла главенствующее положение в сфере общественной жизни, что, на наш взгляд, неправильно. Налицо перекосы, так как порядок выплаты пенсий, медицинское обслуживание, регистрация брака и многие другие социальные вопросы не должны привязываться к прописке, поскольку они разрешаются другими юридическими нормами.

Вот еще один довод из того же ряда. Утверждают, что прописка противоречит праву на образование. Доказательства? В объявлениях о приеме в институты и техникумы часто видим оговорки типа: «Заявления принимаются от граждан, имеющих постоянную прописку». Да не прописка здесь виновата, а отсутствие в учебном заведении обыкновенного общежития для иногородних!

— Ваше отношение к графе национальность?

— Мы получаем десятки заявлений от граждан, которые хотели бы сменить или уточнить свою национальность. Что можно им ответить? Положение о паспортной системе требует: запись о национальности производится в соответствии с национальностью родителей. Если родители принадлежат к разным национальностям, то при выдаче впервые паспорта национальность записывается по национальности отца или матери, в зависимости от желания получателя паспорта. В дальнейшем запись о национальности изменению не подлежит.

Иной подход — при переписи населения. Здесь фиксируется национальность, которую гражданин пожелал указать. Сейчас активно обсуждается третий вариант — вообще не вносить в паспорт запись о национальности. Но здесь надо как следует все взвесить: не ущемляется ли в таком случае национальное достоинство человека? Подобное решение может быть воспринято как ущемление национальной гордости, особенно малых народностей, ослабление национальных традиций, посягательство на их единство, своеобразие, родной язык и культуру.

— Давайте обсудим некоторые проблемы самой паспортной службы. Не так давно обменивал квартиру. До сих пор с содроганием вспоминаю свое хождение по бюрократическим конторам...

— Какой только критике не подвергается сейчас наша служба! В общем-то ничего опровергать я и не собираюсь — что заслужили, то и получаем. Нельзя не согласиться с теми, кто высказывает справедливые претензии.

К сожалению, в паспортной системе накопилась масса недостатков. Судя по всему, у нас никак не дойдут руки до коренного улучшения форм учета населения. Дедовские методы работы вынуждают содержать огромный аппарат в паспортной службе органов внутренних дел, а также в РЭУ. До ЭВМ мы, увы, не доросли. Мощная бюрократическая машина нередко сама порождает беззаконие. Добавляют напряженности и представители жилищно-

коммунальных служб, присваивающие себе полномочия предварительно решать вопросы о прописке и выписке. Нередко отказывают в этом по надуманным причинам.

Первоочередная задача здесь — искоренение канцелярской формалистики. Нашу работу регламентирует около 30 (!) приказов, указаний, инструкций и постановлений. Мыслимо ли рядовому сотруднику упомянуть хотя бы предназначение каждой нормы? И пресловутое формально-бюрократическое отношение иных паспортистов к посетителям в немалой степени порождено, убежден, именно этим безбрежным морем, неимоверной массой инструкций, порой противоречивых, часто запрятанных в сейфы дальних канцелярий. Сократить их в десятки раз можно без всякого ущерба для дела.

— То и дело приходится сталкиваться с утверждением: в цивилизованных странах паспортных систем нет, а прописка вообще сугубо «наше явление»...

— Давайте поищем истину. Как же обстоит дело в действительности? Во многих развитых странах мира уже перешли на информационно-компьютерную систему общегосударственного учета.

Скажем, сведения о каждом американце собираются в 39 государственных информационных учреждениях и в полсотне частных служб. Не только в кабинетах, но и в машинах полиции можно увидеть дисплейные устройства, которые моментально «прочитают» данные с предъявленного удостоверения личности, определяют его подлинность и выдадут все требуемые сведения о проверяемом гражданине.

А как бы реагировала общественность, если бы у всех граждан нашей страны с шестнадцатилетнего возраста брали отпечатки пальцев и закладывали их в электронное досье? За океаном это в порядке вещей.

Удостоверения личности существуют и в странах Западной Европы. Данных в них порой содержится даже больше, чем в наших паспортах. Например, в «аусвайсе» гражданина ФРГ до недавнего времени были все сведения, которые имеются в советском паспорте, включая отметки о прописке и выписке. Более того, в нем указывались такие характеристики, как цвет глаз и волос, рост, форма лица, особые приметы, группа крови, наконец, профессия владельца.

В последних образцах удостоверений личности в ФРГ многие отметки отсутствуют, зато имеется постоянный номер документа (на всю жизнь хозяина). Этот номер закодирован и введен в память компьютера по учету населения. Полицейские или пограничные власти, набрав на своей ЭВМ номер удостоверения интересующего их лица, в считанные секунды получают на экране не только так называемые установочные данные, но и массу другой информации.

Как видим, на паспортную систему денег не жалеют. В этих странах учет населения такой, который нашим гражданам и не снился. За нарушение — весомый штраф.

В той же ФРГ, оформляя прописку или выписку, надо заполнить обширные анкеты (бланки продаются в газетных киосках), ответить на массу вопросов. В том числе о родителях, где и когда они вступили в брак, регистрационный номер соответствующего свидетельства. Если же кто-то из них умер, надо указать номер удостоверяющего документа, место захоронения и т. д. и т. п.

Нельзя слепо копировать практику ФРГ или США. Но в перспективе, видимо, и у нас неизбежен переход с ведомственной на более современную общегосударственную компьютерную систему учета населения, объединение сил и средств, разбросанных ныне по многочисленным организациям и ведомствам.

— Мы затронули проблемы технического переоснащения паспортной службы. А что будет сделано для демократизации самой системы?

— МВД СССР твердо стоит на позиции: положения паспортной системы должны отвечать происходящим в стране перестроечным процессам, содействовать более полному осуществлению советскими гражданами своих прав. То есть в современных условиях назрела острая необходимость в коренной реформе паспортной системы, в ее демократизации, в новом подходе к разработке законодательства в этой области.

Главными задачами этой реформы станут: предоставление гражданам свободы передвижения и выбора места жительства и создание надежных юридических гарантий этой свободы. Необходимо привести эту отрасль советского законодательства в соответствие с международными актами о правах человека, с Итоговым документом Венской встречи 1989 года, следовательно, внести соответствующие поправки и в Конституцию СССР.

Вместе с тем вряд ли целесообразно на данном этапе полностью отказываться от паспортной системы. Паспорт необходим как основной документ, удостоверяющий принадлежность человека к гражданству СССР и его личность. Главное здесь, как, наверное, и при решении любых проблем, идти по пути совершенствования законодательства, а не ломать все бездумно.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«Куропаты: следствие продолжается» — так называется книга Г. Тарнавского, В. Соболева и Е. Горелика, выпущенная издательством «Юридическая литература». Она повествует о расследовании уголовного дела, возбужденного по факту массовых расстрелов в 30-х годах в урочище Куропаты близ Минска.

Используя материалы дела, авторы рассказывают, с чего все началось. Они пытаются ответить на вопрос, кто лежит в могилах и кто стрелял в затылок, определить, сколько жизней оборвалось в урочище. Наиболее волнующи приводимые в книге показания очевидцев — случайных свидетелей расстрелов.

Книга насыщена фотодокументами из материалов уголовного дела.

ПУТЬ К ПРОКУРОРСКОМУ ОЛИМПУ

Может, кому-то покажутся спорными некоторые обобщения. И их свяжут с профессией автора. Этакой деформацией взглядов. Она, мол, непрменный спутник в подобных случаях.

Пусть. Главное, все рассуждения — попытка анализа, хотя, возможно, и усеченного, но общеизвестных фактов. Одна только сторона проблемы, думается, дает ей право гражданства.

...В стране сотни тысяч осужденных. А у каждого из них еще и с добрый десяток (умноженный, разумеется, на сотни тысяч) родных, близких, просто знакомых. Целый общественный пласт, по народонаселению. Как у нас любят сравнивать, поболее Голландии и, уж во всяком случае, Швейцарии.

Трудно даже предположить, что хотя бы треть из них смирились с судебными решениями на той стадии процесса, когда вроде бы опробирована виновность человека или мера наказания, которые отвесила ему на весах (бесконечно далеких по точности от аптекарских) местная, областная или республиканская Фемида.

Но факт есть факт. Приговор вступил в законную силу, так как второй (обычно) по счету суд его утвердил. Вполне «штатная» ситуация. И что теперь, выходит, уже не найти «управы», если все же случилась судебная ошибка?

Вопрос без всякой натяжки сакраментальный.

Но не будем пока драматизировать ситуацию. Итак, по правде, мрачновато глядеть в «обозримые дали» несмотря на то, что процессуальный закон предусмотрел и в этом случае выход: состоявшиеся судебные решения можно попытаться оспорить в порядке надзора — так называется эта стадия уголовного процесса (и речь пойдет именно о ней).

Хотя без обиняков заметим, ох, и не прост, куда как не прост этот «порядок», поскольку буквально рядом с ним хватает очевидных «непорядков»... Может даже голова закружиться, если попытаться враз окинуть их взглядом. А посему не будем слишком торопиться — попробуем разложить все по полочкам. Тем более что некоторые из неурядиц на пути к справедливости пока «освящены» нормативными актами разного ранга и к тому же судебной практикой.

НАДЗОРНЫЙ МАРАФОН ДЛИНОЮ... В 2 ГОДА

Прежде всего о сроках, то есть о времени, окончательного рассмотрения жалоб на этой стадии уголовного процесса...

Их, закрепленных законом, просто нет... Как, впрочем, по сути дела, нет и на предыдущем этапе — кассационного производства, регламентированного для Российской Федерации статьей 333 УПК. Напомним, максимальный срок рассмотрения жалоб, например, Верховным судом РСФСР закон предусматривает один месяц, областным — втрое короче, всего десять суток. Сроки рассмотрения, на мой взгляд, с учетом загруженности «судебной машины» изна-

чально нереальные, и это многократно подтверждает все та же практика.

В надзорном процессе из-за правовой в этой части «анархии» случаются иной раз просто чудеса...

Вот пример, что называется, из собственного портфеля. В 1986 году Калининским нарсудом города Челябинска были осуждены Тринель А., Сыров В. и другие. Но к лишению свободы лишь они двое. Я и мой коллега приняли поручение на ведение дела в надзорном порядке аж... в начале 1987 года... На прокурорский Олимп, то есть в Прокуратуру СССР, после серии отказов наши жалобы попали только... в 1989 году, и лишь в 1990 году заместитель генерального прокурора внес протест в отношении Сырова, благодаря которому ему должны были «скостить» 1 год. Правда, к тому времени, как Верховный суд сократил Сырову срок наказания на 1 год, он, Сыров, уже как полгода (!) «расхаживал по воле». Так распорядился народный суд по месту отбывания им наказания, «обогнав» Верховный и применив к Сырову условно-досрочное освобождение... И получилось, «яичко», увы, не «к Христову дню»...

ПРОКУРОРСКИЙ «ФУТБОЛ»

Но, возможно, дело Сырова не типично, может, просто в этом случае «не сработала» система... С кем не бывает? В том-то и дело, что волокита запрограммирована... аж из самого юридического «поднебесья». Легко в этом убедиться.

Есть во всех звеньях прокуратуры контрольное подразделение — УСО, что в переводе с языка аббревиатуры означает уголовно-судебный отдел. Он разбирает жалобы, дает оценку «доводам», заложенным в них, готовит «на подпись» руководства ответы... Прямо скажем, судьбоносное подразделение!

С каких-то пор (не очень от нас дальних) был издан приказ Генерального прокурора, прямо касающийся УСО. И после его издания пошел, как говорят в таких случаях, форменный «футбол».

Получаете вы, к примеру, «отказ» на свою жалобу за подписью одного из заместителей Прокурора РСФСР. И считаете его необоснованным. Следующее лицо, к кому вы обращаетесь по надзорной субординации, — Генеральный прокурор СССР... Но это только по надзорной субординации. А на деле вы получаете ответ на жалобу, пролежавшую «без движения» 3—4, а то и добрых 6 месяцев в Прокуратуре СССР, на типографском бланке и за подписью зонального прокурора или заместителя начальника УСО, и сводится этот ответ к тому, что ваша жалоба... «опускается» с прокурорского Олимпа пониже — снова в Прокуратуру федерации, откуда вам полгода назад уже пришел первый отказ. При сем вам выдают успокоительный «вексель» в виде заверения, что дело (имярек) находится под контролем Прокуратуры СССР.

Точно такой же «финт» Прокуратурой РСФСР, говоря (раз такая идет игра) футбольным языком, проделывается и на середине пути к прокурорскому «поднебесью» — на стадии обжалования решения областного прокурора. Но вексель этот, поверьте, неплатежеспособен. Никто, разумеется, никого на этот раз не контролирует.

Сравнительно недавно на приеме у первого заместителя начальника УСО Прокуратуры СССР, государственного советника 3-го класса С. Голева я повозмущался «запрограммированной волокитой». Сергей Александрович, «не открывая» до конца «карты»,

ушел от прямого ответа. Заметив, правда, как бы вскользь, что в день на малочисленный штат отдела обрушивается, без шуток, «Ниагарский» водопад жалоб, который они не в состоянии «переработать», и который может «накрыть с головой» весь коллектив, куда как больший, чем УСО, где на каждого зонального прокурора, между прочим, каждый день «накатывает» не менее 10 жалоб. А в месяц? А в год? Арифметика простая, да и немудрено вычислить ситуацию, при которой не то чтобы дать анализ доводам жалобы, а, наверное, и вникнуть в фабулу дела просто не «с руки»... Вот и закладываются в ответы, и отнюдь не редко, аргументы из «доводов» предыдущих прокуроров, а те, в свою очередь, «не мудрствуя лукаво», тоже весьма нередко «перелопачивают» выводы судебных решений без всякой их критики (разумеется, автор имеет в виду необоснованные приговоры). Словом, цепочка, вернее, круг, и вовсе не заколдованный, крутится вовсю. И время вместе с ним от начала и до конца надзорного марафона растягивается на долгие месяцы, а то и годы. Неужели тупик?

Никоим образом. Выход прост — нельзя экономить на правосудии, тем более на контроле за ним, так же, как, скажем, на пенсионном обеспечении.

И здесь, и там — судьбы... люди... И здесь, и тут в конце концов в банкротах оказывается все общество. И поэтому штат УСО необходимо по крайней мере утроить. Надо, хоть тресни, хотя и казна наша беднее, чем можно себе представить. В противном случае разговоры о правовом государстве просто останутся «сотрясением воздуха» и ничем другим.

И ЧИСЛОМ... И... ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Но одними количественными изменениями дело не поправишь. Есть тормоз на пути к истине в надзорном производстве, который, на мой взгляд, так же заложен в самой структуре УСО, а конкретнее — в самом функционировании института зональных прокуроров. Сначала пример...

Надзорное дело В. Шляпцева... Бывший летчик ни с того вроде бы ни с сего взял и зарезал двух неизвестных ему парней. Сам сознался, получил свои 15 лет, а потом писал и продолжает писать во все инстанции, что «сознательные показания» с него буквально выбили в день задержания. И к тому же, пишет Шляпцев, что «сознаться» ему помогла, кроме следователя, не кто-нибудь, а родная мать. Именно она перед судом уговорила сына сознаться и доверительно поведала, что некто обещал, что, если он будет «умницей», через пару-тройку лет дело пересмотрят и статья будет «заменена». И вот теперь «доверчивая» женщина стучится «во все двери», утверждая, что уплатила за то, чтобы сын избежал возможного по этой статье расстрела, изрядную сумму с четырьмя нулями...

Конечно, не исключен и оговор. Ведь мать может пойти на все! Однако обвинение Шляпцева строится на одних лишь показаниях заинтересованного лица и на его «саморазоблачении». Немаловажно в этой самой связи, что и по тем доказательствам, что легли в основу судебных решений, очень серьезно мог встать вопрос о превышении Шляпцевым пределов необходимой обороны, о неверной квалификации действия Шляпцева. А это, в свою очередь, подтверждает показание его матери о выданном ей обещании... по поводу переквалификации преступления.

И вот защита получает ответ на свою жалобу за подписью С. Голева и невольно сопоставляет его с ответом В. Блиновой, тоже заместителя начальника УСО, только служебной лестницей пониже — Прокуратуры РСФСР.

Ответы двух коллег, заместителей начальников УСО, словно сделаны «под копирку» — те же аргументы: «признательные» показания Шляпцева и показания второго осужденного Пономаренко, лица, как следует из дела, исключительно заинтересованного в оговоре Шляпцева. Такое впечатление, что оба этих высококвалифицированных юриста «позабыли» очень важный постулат доказательственного права: «Показания, от которых обвиняемый отказался, не подтвержденные другими доказательствами (кроме показаний Пономаренко), не могут лечь в основу приговора».

Вот «попрекнул» и Голева и Блинову... И тут же подумал: если на рядового сотрудника УСО ежедневно устремляется поток жалоб по поводу часто объемных и, по сути, очень сложных дел, то разве руководство отделом или, скажем, Прокуратурой СССР физически может хотя бы проверить главные тезисы жалобы, не говоря уже о второстепенных. Я как-то невольно вспомнил при этом, как С. Голев, поддерживая обвинение против секретаря ЦК КП Узбекистана Р. Абдуллаевой, глубоко разобрался в деле и занял единственно верную позицию — просил суд оправдать обвиняемую. Вот что значит, когда юрист вплотную занимается непосредственно конкретным делом! А тут все складывается, к сожалению, иначе.

Единственный, кто реально «на ты» с жалобой, все тот же зональный прокурор. К нему стекаются жалобы из канцелярии УСО, но только по «его епархии». Скажем, из Ставропольщины и Ростовской области. Он их изучает, подготавливает проект решения, дает его на подпись руководству УСО. Но годами зональный прокурор «обслуживает» определенный регион страны, республики, области, города. Он нередко выезжает в этот регион в командировки и, естественно, встречается с тамошними должностными лицами прокуратуры или других правоохранительных органов. Словом, хочет зональный прокурор или нет, а с годами налаживаются контакты, хотя и не обязательно дружеские. Однако, бесспорно, подготавливаемый им проект решения, я имею в виду проект протеста, — это выявление грубой или случайной ошибки подконтрольного ему должностного лица, а вот отказ в подготовке протеста — это положительная оценка того же должностного лица. Такая вот диалектика!

Буквально как «манны небесной» ждут адвокаты самого главного, — чтобы авторы ответов внимательно изучали надзорную жалобу и, если не согласны с доводами, аргументировали отказ именно контрдоводами, как и предписывает закон, в частности статья 381 УПК РСФСР. Ну, а пока авторы ответов фактам вопреки, наперекор закону ограничиваются формальными отписками... Да и не удивительно это. Прямо скажем, щепетильное положение у зонального прокурора, когда на одной чаше весов доводы адвоката, а на другой — объективность аргументов нижестоящего прокурора, с которым он знаком по работе, возможно, уже не один год... И уж, если не лукавить, о каком в этом случае объективном решении в смысле «всякое сомнение в пользу...» может идти речь?

Конечно, у моих оппонентов есть «железный» контраргумент: вы что — за ликвидацию института зональных прокуроров — лиц, лучше которых никто не знает криминогенную обстановку в подопеч-

ном регионе? «Категорически да!» — отвечу без колебаний. Вспомните в этой связи хотя бы то, что многие народные депутаты, когда утверждали членов Верховного суда СССР, вполне, на мой взгляд, аргументированно ставили вопрос об их временном выходе из рядов КПСС. Чтобы исключить всякое давление, всякую зависимость. Уж больно велика ставка в нашей ситуации — свобода, честь, судьба в конце концов гражданина!

Думается, именно поэтому исключительно судьбоносна контрольная роль прокурорского УСО. И пусть прокуроры этой службы не «прикипают» к своему региону. Это как раз то, что требуется. Нивелирование районов «обслуживания» — одна из очень серьезных гарантий справедливой и объективной работы с жалобами и особенно на последнем этапе их прохождения — в Прокуратуре СССР. Впрочем, и в нижестоящих звеньях также. К слову, и судебная цепочка надзора с ее «постоянными составами» «по своим» регионам не менее консервативна, на мой взгляд. Но это тема отдельного разговора.

И еще. Мне думается, всякий раз, когда готовится окончательный отказ, перед тем как его подпишет Генеральный прокурор или его заместитель, должно быть выслушано возражение защиты. Если, конечно, не фикция состязательный процесс «на всех стадиях судопроизводства», записанный в нашем законе. Сейчас же попытка пробиться в высший эшелон Прокуратуры страны адвокату практически куда сложнее, чем достать билет в Большой театр!

Так что надзорные «традиции» живучи, как черепахи в пустыне. Мне, наверное, могут заметить: по-настоящему конструктивный разговор — прерогатива самых высоких эшелонов власти. Потому как речь идет о судьбе наших сограждан. И хотя автор, разумеется, имеет в виду тех, кто невинно, необоснованно осужден, таких бедолаг наберется не один десяток, а сотни. А их количество должно максимально стремиться к «нулю». И если надзорная практика препятствует этому центробежному стремлению, ее нужно менять. И чем быстрее, тем лучше!

Вот такие мои соображения, как говорят, на полях тетради.

М. КРАСОВИЦКИЙ,
адвокат МОКА,
член Союза
журналистов СССР

ВОЙНА И ПРАВОСУДИЕ

Несколько лет назад по телевидению был показан советско-американский телесериал «Неизвестная война». Тогда считалось, что за океаном ее совершенно не знают. В отличие, разумеется, от нас. По этой причине всеми отмечался удачный выбор названия фильма. Сегодня очевидно, что и советские люди, особенно мы, невоювавшие, судят о ней однобоко. Многие страницы фронтовой летописи искажены усилиями сталинско-брежневской идеологической команды до неузнаваемости. Долгие годы принимались на веру взятые с потолка цифры о числе плененных и погибших людей.

Среди неизвестных величин назовем и число граждан, подвергшихся необоснованным репрессиям. Ведь конвейер произвола и беззаконий никто в июне сорок первого не останавливал.

Среди непрочитанных страниц есть и такие, которые повествуют о заградительных отрядах и отделах контрразведки «Смерш», о штрафных ротах и батальонах, военных трибуналах и военно-полевых судах.

Раньше, в юбилейные и праздничные дни, принято было показывать парадное лицо нашей военной юстиции. В доклады и статьи включалась трафаретная фраза о выполнении ею возложенных задач «в строгом соответствии с законом». При шлифовке материалов терялось главное — мысль, которая могла натолкнуть на размышления о правомерности самой постановки вопроса: а всегда ли можно в годы войны действовать по закону? Было ли вообще правосудие на войне? Совместимы ли эти понятия? Ведь еще два тысячелетия назад Цицерон изрек: «Когда гремит оружие, законы безмолвствуют».

Вопросы далеко не простые, и, думаю, эти заметки не дадут на них исчерпывающих ответов. Это скорее попытка найти к ним подступы на основе изучения подлинных документов и воспоминаний непосредственных участников тех событий — военных судей Великой Отечественной войны. Иногда, чтобы показать характерность того или иного факта для военного времени вообще, мы будем перемещаться на поля других сражений — с белогвардейцами гражданской, душманами афганской...

Заметки, наверное, не лишены субъективизма. Судьям привычнее выслушивать и оценивать свидетельские показания. Здесь же они сами будут свидетельствовать об увиденном и пережитом, а возможность оценивать, опираясь на «законы военного времени», предоставим читателю.

«...ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ»

В первый же день войны вступили в действие два Указа Президиума Верховного Совета СССР, имеющие прямое отношение к во-

енным трибуналам. Этот факт говорит о многом. Прежде всего он свидетельствует — тогдашнее руководство относило вопросы расширения полномочий военных судов к наиболее важным, решаемым в первоочередном порядке при переводе страны на военные рельсы.

Первый Указ назывался «О военном положении». Он предусматривал, что, «в изъятие из действующих правил о рассмотрении судами уголовных дел, в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, передаются на рассмотрение военных трибуналов». Далее уточнялось, что военным властям предоставляется право передавать в трибуналы и любые другие дела.

С этого момента прежнее законодательство имело силу только для тыловых трибуналов, дислоцировавшихся в тех местах, где военное положение не вводилось (Заволжье, Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия). Для остальных же военно-судебных органов устанавливался особый режим работы. Он регламентировался вторым Указом от 22 июня 1941 года, утвердившим «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий».

Среди немалого числа изъятий из общих правил, установленных Положением, назовем слушание дел по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения и упразднение кассационного порядка обжалования приговоров.

После объявления мобилизации началось развертывание большого числа новых военных трибуналов Красной Армии и Флота. Одновременно расширялась сеть трибуналов войск НКВД. Отряд военно-судебных органов существенно пополнился также за счет линейных судов железнодорожного и водного транспорта. Постановлением ГКО от 14 декабря 1941 года их преобразовали в военные трибуналы.

Аналогичным образом военное командование реорганизовало и некоторые областные и городские суды в прифронтовой полосе. Например, постановлением военного совета Западного фронта от 28 октября 1941 года при объявлении Москвы на осадном положении Мосгорсуд был переименован в военный трибунал города Москвы.

К началу войны в стране функционировало 298 военных трибуналов, а число судей равнялось 766. По состоянию на 1 марта 1942 года было сформировано еще 823, а численность оперативных работников (без секретарей) составила 3735 человек.

Из дел, рассмотренных военными трибуналами Красной Армии в течение первого месяца войны, преобладали дела о дезертирстве с поля боя — паническом бегстве бойцов, политруков и командиров. Так, подводя итог первому месяцу боев, начальник политуправления Юго-Западного фронта докладывал Мехлису: «С 22 июня по 20 июля задержано 75 тысяч 771 человек военнослужащих, в том числе много командиров... Осуждено военным трибуналом 627 военнослужащих, в том числе начсостава — 48, младшего начсостава — 60, рядовых — 519. Из 627 осужденных военнослужащих приговорены к расстрелу 411 человек...»

Известно, что «право» в переводе с латинского означает справедливость. Отвечали ли в этом смысле своему предназначению применяемые трибуналами законы военного времени? Вряд ли. Скорее наоборот. Они связаны в нашем сознании с несправедливостью, вынужденной, неизбежной, но все же несправедливостью, навязан-

ной войной, которая сама по себе является попранием всех законов цивилизованного общества.

В. И. Ленин писал: «Раз война оказалась неизбежной — все для войны, и малейшая распушенность и недостаток энергии должны быть караемы по законам военного времени».

Что практически означало введение таких законов и что они из себя представляли? Об этом сегодня помнят разве что те, кто испытал в той или иной степени их действие на себе, а знают всего несколько специалистов, занимавшихся изучением вопроса. Законов таких немало. Поэтому, опасаясь утомить читателей их перечислением, остановимся только на некоторых.

Во-первых, по законам военного времени, многие действия сразу переводились в разряд преступных только потому, что началась война. В годы Великой Отечественной это было, к примеру, распространение ложных слухов (от 2 до 5 лет лишения свободы по Указу от 6 июля 1941 г.), самовольный уход с предприятий (от 5 до 6 лет — по Указу от 26 декабря того же года), уклонение от всеобщего воинского обучения, нарушение правил светомаскировки и др.

Во-вторых, законы военного времени применялись в упрощенном порядке, что приводило к возрастанию вероятности судебных ошибок. Необходимость оперативного реагирования неизбежно сопровождалась сужением процессуальных гарантий.

Немалое число документов того времени обязывало сокращать сроки расследования дел и рассмотрения их в судах. Начиная с первого — приказа Наркомюста № 106 от 29 июня 1941 года «О перестройке работы судебных органов и органов юстиции на военный лад», требовавшего усилить «меткость и быстроту» судебного воздействия. Как это выглядело практически?

Свидетельствует генерал-майор юстиции в отставке Б. И. АЛЕКСЕЕВ (военный прокурор Керченской переправы):

«По приказу маршала Ворошилова К. Е. моим помощником по следствию Скомороховым П. И. с бригадой военных следователей в течение ночи было закончено следствие по делу о неисполнении боевого приказа командиром одного из батальонов. Утром следующего дня дело было рассмотрено военным трибуналом армии... В тот же день о приговоре было доложено в Ставку».

«Скорострельность» была правилом, а не исключением. Обратимся к статистике военных судов 2-го Белорусского фронта. В январе — феврале 1945 года они рассмотрели в срок до 2 дней с момента поступления в суд 96 процентов дел. Вряд ли в этой связи могут претендовать на объективность другие слова генерала Алексева, следующие за только что приведенными: «Как в следственной работе, так и в судебной, во время войны не допускалось упрощенчества».

Добавим к сказанному, что Указ «О разрешении привлекать в состав военных трибуналов в необходимых случаях заседателей» был принят только 27 июня 1942 года. А до того дела слушались в составе трех постоянных судей. Вернее, должны были слушаться, что реально не всегда получалось. Война есть война. Она не бывает без жертв. Поэтому, как рассказывал генерал-лейтенант юстиции в отставке **С. С. МАКСИМОВ** (длительное время был начальником Управления военных трибуналов, а в начальный период войны член военного трибунала 51-й Перекопской дивизии), в состав суда по его первому фронтовому делу был включен вместо убитого военного судьи политрук.

Еще опыт гражданской войны показал, что упрощение судопроизводства расширяет возможности для беззаконий, подталкивает людей, у которых совесть не стала их высшим законом, к произволу.

Председатель Реввоен трибунала Южного фронта Чикколини приговоры по целому ряду дел, рассмотренных в выездных сессиях, в том числе и с «высшей мерой социальной защиты», писал мелом или углем на стенках товарных вагонов, находившихся на железнодорожных путях в местах проведения судебных заседаний. После того, как однажды Чикколини единолично приговорил нескольких работников железной дороги за неисполнение ими какого-то распоряжения к расстрелу, РВТ Республики немедленно отстранил его от должности и самого предал суду военного трибунала.

Но как же невероятно трудно в таких же самых условиях было судьям честным и совестливым, которых, думаю, было большинство.

Вот что писал по этому поводу В. И. ВАСИЛЬКОВСКИЙ, встретивший Великую Отечественную войну в должности председателя военного трибунала корпуса:

«Иногда приходится слышать от молодых судей о том, что во время войны осуществлять правосудие было легко, так как процессуальный порядок был несколько упрощен. Подобные суждения ошибочны. Обстоятельства, на которые ссылаются сторонники этой точки зрения, как на облегчающие судебную деятельность, наоборот, усложняют ее и в первую очередь из-за резко возрастающей ответственности. Никакие ссылки судьи на войну, на ее особые чрезвычайные обстоятельства не снимут с его совести неправосудный приговор».

И еще об одной, главной, особенности «законов военного времени» — ужесточении карательной практики. Кривотолки о ней идут до сих пор. Поэтому, чтобы оставаться на объективных позициях, приведем несколько конкретных цифр.

В условиях военного времени практика назначения наказаний не могла не измениться. Наряду с новыми законами стали реально применяться санкции целого ряда статей Уголовного кодекса, которые предусматривали повышенную ответственность за совершение воинских преступлений в боевой обстановке. Значительно чаще из уст военных судей звучало оглушающее, как выстрел, слово «расстрел».

Однако в структуре мер наказания он все же не преобладал. За первый, самый тяжелый, год войны высшая мера наказания (ВМН) была применена трибуналами к 17,5 процента осужденных в основном за так называемые «контрреволюционные» деяния. Но об этом следующая — отдельная страница. В целом же за весь период войны смертная казнь применена в отношении 8 процентов осужденных трибуналами.

Конкретных установок на расширение применения ВМН не было. Здесь скорее сработало «революционное правосознание» — раз война, значит, никаких послаблений. Некоторые судьи по этой причине в начальный период войны огульно применяли максимальные санкции. Не случайно 14 декабря 1942 года Народным комиссаром юстиции и Прокурором СССР была издана специальная директива «О недопущении применения в качестве меры наказания расстрела в отношении лиц, социальная опасность которых не требует применения ВМН».

Все это, увы, было — перекосы, перегибы, грубейшие ошибки, граничившие с произволом. Да, был и произвол. Тем не менее трудно

согласиться с А. И. Солженицыным, обрисовавшим работу всех трибуналов одной лишь черной краской.

При чтении «Архипелага ГУЛАГ» создается впечатление, что они в годы войны только и занимались тем, что проштамповывали обвинения, что судьи при принятии решений вообще не имели собственного мнения. В частности, он пишет: «Удручающе похожи друг на друга заседания трибуналов. Удручающе безлики и бесчувственны судьи — резиновые перчатки. Приговоры — все с конвейера».

Со всей ответственностью могу заявить, изучив не одно дело тех лет, что Александр Исаевич далек от истины. Подтверждений тому читателю будет представлено немало. Хотелось бы только, чтобы люди не связывали эти заметки со стремлением обелить трибуналы, оправдать их ошибки, а посчитали попыткой разобраться в этом запутанном вопросе.

Солженицын, несомненно, талантливый, крупный писатель современности. Однако события тех лет запечатлел в книге не только как художник, но и как человек, несправедливо, безвинно репрессированный.

Да, творил кровавые злодеяния В. Ульрих, которого Солженицын справедливо назвал «судьей-убийцей». Но далеко не все были такими, как Ульрих и подобные ему приспособленцы, сознательно чинившие произвол. Если писать полную правду о правосудии военных лет, то надо писать и о тех военных судьях, которые не шли на компромисс со своей совестью, не смирились с «узаконенными» на самом верху массовыми нарушениями законности, не полагались слепо на выводы следственных органов.

Об одном таком деле, рассмотренном осенью 1941 года военным трибуналом Ворошиловградского гарнизона, рассказал **полковник юстиции в отставке А. СЕНЧИН**.

Подсудимому Барсукову, летчику 4-го штурмового полка, вменялась в вину измена Родине. Фабулу особый отдел сформулировал кратко: являясь выходцем из семьи священника(?), умышленно посадил на оккупированной противником территории самолет Ил-2 и передал его гитлеровцам, а затем, получив шпионское задание вражеской разведки, перешел линию фронта и возвратился в часть.

Непросто было трибуналу устанавливать истину. «Место преступления» занято врагом, там же остался и самолет. Техническое его состояние не проверишь. Как не установишь и наличие связи с немцами.

Судьям пришлось решать судьбу Барсукова на основании критической оценки имеющихся материалов и показаний самого подсудимого. В итоге все обвинения в его адрес были отвергнуты и дело прекращено.

Подобные дела не являлись исключением. Их были сотни. Хотя перегибов и ошибок было все же неизмеримо больше. Хорошо, если они исправлялись «своевременно». Смысл, вкладываемый в это слово, думаю, понятен. Справедливости ради отметим, что вышестоящие военно-судебные органы работали в этом направлении весьма активно. Упразднение кассации в определенной степени компенсировалось усилением судебного надзора. Действовал такой порядок — практически все копии приговоров, а затем и дела направлялись в военные трибуналы фронтов. И это был не формальный момент. Серьезные коррективы вносились по многим делам. К примеру, военный трибунал 1-го Украинского фронта в течение первого года своей деятельности заменил каждому третьему расстрел на более

мягкое наказание. Главным образом на лишение свободы с отсрочкой исполнения приговора.

Порой непоправимость ошибки предотвращало военное командование. Наделенное в годы войны правом утверждения приговора с высшей мерой наказания, оно не всегда соглашалось с такими решениями. В подтверждение приведем отрывок из воспоминаний члена военного трибунала Северо-Западного фронта **Ф. И. ПЕЛЕВИНА**:

«Память удержала случай, когда приговор с высшей мерой наказания не только не был санкционирован Военным советом фронта, но и по существу дела им была высказана противоположная приговору точка зрения. Суду был предан ополченец-москвич, добровольцем пошедший защищать Родину. С первого дня пребывания на фронте он вел дневник. В дневнике среди прочих имелись и негодующие записи по поводу наших неудач на фронте, обвинения «всех и вся» в плохом командовании и т. п., в довоенном «шапкозакидательстве» и т. д. Член Военного совета, усомнившись в приговоре, потребовал дневник и все дело, а затем распорядился доставить к нему осужденного... Кончилось все тем, что дело было полностью прекращено».

Несколько слов о других видах наказания. Наиболее распространенное из них в годы войны было лишение свободы, поскольку направление в дисциплинарные батальоны практически не применялось — Указом от 12 августа 1941 года почти все они были расформированы, а содержащиеся там солдаты направлены на фронт. Однако и в места лишения свободы военнослужащие реально попадали редко. Дело в том, что большинству из них в соответствии с примечанием 2 к статье 28 УК РСФСР предоставлялась отсрочка исполнения приговора до окончания военных действий с направлением осужденных в войсковые части.

Отсрочка применялась довольно широко. Это, пожалуй, главная отличительная особенность карательной политики военных лет. Так, во втором полугодии 1941 года трибуналы осудили к лишению свободы около 66 процентов военнослужащих. Из них отсрочку предоставили 42 процентам. В 1942 году эти цифры составили соответственно 80 и 54, а в 1943 году — 88 и 61 процент.

Сохраненные для армии солдаты, как правило, в короткий срок искупали свою вину. Нередко буквально в день суда. К примеру, военный трибунал 2-й дивизии народного ополчения Ленинградского фронта осудил с применением отсрочки двух солдат. Пока слушалось дело и объявлялся приговор, «судебный зал» батальона был отрезан немцами от частей дивизии. Осужденным выдали оружие, и они вместе с конвоирами и судьями выбили группу немцев из населенного пункта, соединившись с основными силами. После боя трибунал снова заседал: было решено освободить осужденных от наказания за мужество и находчивость, проявленные в схватке с врагом.

На первых порах осужденные с отсрочкой продолжали служить в обычных частях. В то же время после появления приказа Наркома обороны № 227 от 28 июля 1942 года, известного как приказ Сталина «Ни шагу назад», были сформированы штрафные батальоны (для офицеров) и штрафные роты (для рядовых). Незавидный правовой статус «штрафников», а точнее, полное отсутствие такового, определялось специальными положениями об этих частях, утвержденными приказом НКВД № 298 от 28 сентября того же года.

Парадокс заключался в том, что право направлять военнослужащих в «штрафбаты» предоставлялось только командованию. Но трибуналы его не имели. Поэтому появился еще один приказ НКВД № 323 «О направлении в штрафные части военнослужащих, осужденных военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны».

С этого момента характер «отбывания» отсрочки резко изменился. Как «великие стройки коммунизма» постоянно подпитывались бесплатной рабочей силой, имеющейся в избытке у ГУЛАГа, так и командование стало латать дыры в обороне или направлять в прорыв на наиболее опасные участки фронта «штрафников», которых регулярно «поставляли» военные трибуналы.

«...СЧИТАТЬ ИЗМЕНОЙ РОДИНЕ»

Одна из неизвестных страниц и ранее закрытых тем — деятельность трибуналов в годы войны по рассмотрению дел о так называемых контрреволюционных преступлениях. Основная их масса прошла через разного рода несудебные органы — печально известные «двойки», «тройки», «Особое совещание» и т. п. Но и трибуналы участием в массовых репрессиях запятнали свой исторический формуляр. Еще 10 июня 1934 года ЦИК СССР принял постановление, в соответствии с которым Военной коллегии Верховного суда СССР и военным трибуналам округов (флотов) стали подсудны расследуемые аппаратом НКВД, в том числе войсковыми особыми отделами, дела об измене Родине, шпионаже, терроре, диверсиях, совершенных кем бы то ни было, а не только военнослужащими.

В 1941—1945 годах процент прохождения таких дел через трибуналы был высоким — каждый пятый-шестой человек был осужден по контрреволюционной статье. Причастность военных судов к репрессиям безвинных людей — факт бесспорный. Хотя и не изученный. Вместе с тем справедливости ради надо заметить, что тогда существенно изменился сам характер контрреволюционных деяний. Война наконец-то дала сотрудникам НКВД фактический материал для приложения своих мощных сил. Появились реальные шпионы и диверсанты, вредители и террористы, предатели и изменники.

Чаще в трибуналы поступали дела об измене Родине (статья 58¹ УК РСФСР), составляя половину, а в 1944—1945 годах две трети от всех контрреволюционных преступлений. Основная мера наказания по ним — высшая.

Кого же конкретно включало тогда это понятие — изменник Родины?

Особняком стоят лица, действительно перешедшие на сторону фашистов и уничтожавшие своих сограждан. Впервые они представили перед военными трибуналами в 1943 году, за три года до Нюрнберга.

19 апреля 1943 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

Этот закон предусматривал для наиболее отъявленных палачей смертную казнь через повешение, а также каторжные работы сроком от 15 до 20 лет.

В соответствии с Указом для рассмотрения подобных дел спе-

циально учреждались военно-полевые суды. Здесь надо сделать небольшое отступление, поскольку в нашем сознании деятельность этих органов ассоциируется с временами столыпинской реакции. А о военно-полевых судах 1943—1945 годов практически ничего не известно. Между тем они действовали при дивизиях и корпусах Красной Армии. В их состав входили председатель военного трибунала, начальники политического и особого отделов. Военно-полевые суды рассматривали дела немедленно после освобождения занятой противником территории.

В архивах центральных органов военной юстиции сохранились материалы об их деятельности. Так, по докладу председателя военного трибунала 1-го Украинского фронта, военно-полевые суды этого фронта рассмотрели за 2 года (с мая 1943 по май 1945-го) 221 дело на 348 человек. Первое по войскам фронта дело слушалось 16 октября 1943 года в селе Рудня военно-полевым судом 3-го гвардейского танкового корпуса. Перед судом предстали тогда обер-лейтенант Лейпель, лейтенант Вайс, обер-ефрейтор Цилмерман и ефрейтор Кайпер, разоблаченные в поджоге сел Сумской и Черниговской областей.

Всего, как видно из доклада, военно-полевые суды фронта рассмотрели дела в отношении 43 немецких военнослужащих, из них 5 осуждено во время боев в Германии. Остальные — изменники Родины и пособники фашистов из числа советских граждан.

Документы свидетельствуют, что в целом деятельность военно-полевых судов не получила широкого распространения. По той, видимо, причине, что в период форсированного наступления все части, дивизии или корпуса находились практически постоянно на колесах. Реально рассматривать в такой обстановке можно было лишь дела в отношении карателей и их пособников, задержанных, что называется, с поличным, когда их преступные действия были столь очевидны, что не нуждались в специальном расследовании. В тех же случаях, когда требовалось более или менее основательное расследование, те же лица передавались в военные трибуналы. Право применения трибуналами Указа от 19 апреля 1943 года было предоставлено им Указами от 8 сентября 1943 года и 24 мая 1944 года. Однако повешение обязательно следовало заменять расстрелом. На практике это не всегда соблюдалось.

Первым судебным процессом, на котором разбирались зверства немецко-фашистских оккупантов и их прихвостней, был Краснодарский процесс. Военный трибунал Северо-Кавказского фронта заседал с 14 по 18 июля 1943 года в кинотеатре «Вулкан», где ежедневно присутствовало около 3000 человек. В суде было бесспорно установлено, что по приказу генерал-полковника Руофа гестаповцы под руководством полковника Кристмана, несколько офицеров и врач-фашисты Герц и Шустер (всех их осудили заочно) в течение более полугода систематически истребляли мирное население Краснодарского края. Активно помогали им в этом находившиеся на скамье подсудимых Тищенко, Речкалов, Ластовин, Пушкарев и другие палачи, предавшие Родину. Они участвовали в расстрелах и удушении 700 тысяч ни в чем не повинных советских людей отравляющими газами, которые вырабатывали специально оборудованные автомашины — «душегубки».

Возмездие было суровым. Восемь преступников трибунал приговорил к смертной казни через повешение, троих — к каторжным работам сроком на 20 лет каждого. Приговор приводился в исполне-

ние на городской площади Краснодара. По материалам процесса был снят кинофильм «Приговор народа», в котором отражен весь ход судебного разбирательства, включая саму казнь. Кроме того, на русском, английском и немецком языках были выпущены специальные брошюры, освещавшие процесс военного трибунала фронта.

Аналогичные суды состоялись в Харькове, Смоленске, Киеве, Минске, Николаеве, Орловской, Брянской областях, в Прибалтике и других местах.

Характер дел, обстановка на процессах были необычными. Слишком много страданий пришлось вынести нашему народу на оккупированной территории, хлебнуть лиха через край. Все дела слушались при скоплении большого числа людей, требовавших сурового наказания палачам. Тем не менее, как вспоминают судьи, приходилось тщательно разбираться и вникать в подробности каждого дела, ибо «Смерш» по привычке работал с «перехлестом». Иногда штамповал материалы, даже не обращая внимания на суть показаний обвиняемых.

О двух таких случаях из своей практики рассказал А. БЕЛОВ, в годы войны член военного трибунала 58-й армии.

В городе Ейске в этот трибунал поступило дело в отношении гражданки СССР, немки по национальности, которая во время оккупации работала переводчицей у железнодорожного коменданта. Не отрицая этого, обвиняемая утверждала, что действовала по заданию командира партизанского отряда, поддерживала с ним связь и сообщала о передвижениях немецких воинских эшелонов. Отдел контрразведки «Смерш» ее объяснений не проверил, поскольку командира в живых не было, а кого-либо из партизан она не знала. Военный трибунал неоднократно откладывал судебное разбирательство, разыскивая участников партизанского движения. Наконец удалось найти комиссара отряда, который подтвердил в суде показания переводчицы. Она была полностью оправдана.

Вскоре в том же городе трибунал начал рассмотрение дела в отношении граждан, работавших в железнодорожной полиции. Все четверо полностью признавали себя виновными. В ходе разбирательства выяснилось, однако, что подсудимые в штаты полиции не входили, а лишь привлекались в качестве сторожей для охраны шпал, которые местные жители растаскивали на дрова. Дело также было прекращено.

Вопрос о квалификации подобных действий не был однозначным. Вряд ли последнее решение трибунала соответствовало духу и букве постановления Пленума Верховного суда СССР от 25 ноября 1943 года. В нем разъяснялось, что лица, выполнявшие задания немецких захватчиков по сбору фуража, продовольствия и вещей для нужд германской армии, по восстановлению предприятий промышленности, транспорта и сельского хозяйства или оказывавшие им иное активное содействие, подлежат ответственности как пособники по статье 58³ УК РСФСР. Эта статья предусматривала расстрел в качестве основного наказания за «сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством» (?!).

Многие действия фантастическое воображение законодателя прямо относило тогда к контрреволюционным. В годы войны круг таких деяний разрастался как снежный ком. Назовем некоторые.

Сталинский приказ «Ни шагу назад!» устанавливал, что командиры и политработники, «отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины».

31 июля 1942 года Нарком юстиции СССР и Прокурор СССР спустили в трибуналы директиву № 1096. В ней предлагалось:

1. Действия командиров, комиссаров и политработников, привлеченных к военному суду командующими и военными советами фронтов за самовольное отступление с боевой позиции без приказа вышестоящих командиров, квалифицировать по ст. 58¹ «б» УК РСФСР (измена Родине, совершенная военнослужащим, санкция — расстрел.— В. З.).

Расследование по этим делам производить в срок 48 часов.

2. Действия лиц, преданных суду военного трибунала за пропаганду дальнейшего отступления частей Красной Армии, квалифицировать по ст. 58¹⁰ ч. 2 УК РСФСР (контрреволюционная пропаганда и агитация в военной обстановке, основное наказание — расстрел.— В. З.).

Из других подобных документов можно назвать постановление Пленума Верховного суда СССР от 23 марта 1944 года. В нем давалось указание: «Самовольный переход линии фронта гражданскими лицами рассматривать как акт измены Родине, если он совершен с целью оказания содействия врагу, либо хотя бы и без прямо поставленной такой цели, но из враждебных побуждений к Советской власти». Когда же самовольный переход был лишен и этих расплывчатых признаков, действия подпадали под ту же статью 58³ УК РСФСР. Вот уж действительно — куда ни шагни, все равно окажешься затянутым в «болото контрреволюции». Впрочем, «контрреволюционерами» тогда становились, даже не делая никаких шагов. Достаточно было наличия родственной связи.

Мы уже говорили, что параллельно военным судам действовал конвейер внесудебных органов, вклад которых в дело «укрепления государственной безопасности» был намного весомее. Приведем, без каких-либо особых комментариев руководящее для них постановление Государственного комитета обороны от 24 ноября 1942 года «О членах семей изменников Родины». В нем говорилось, что «применение репрессий в отношении членов семей перечисленных в пп. 1 и 2 лиц (следует длинный перечень.— В. З.) производится органами НКВД на основании судебного приговора судебных органов или решений Особого совещания при НКВД СССР». Иными словами, кроме состоявшегося решения в отношении ранее репрессированного лица, больше ничего не требовалось для применения репрессий к его родственникам. Они перечислялись в том же постановлении: отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья, сестры...

Но самый, пожалуй, чудовищный из всех ведомственных актов подобного рода — приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года, запрещающий сдаваться в плен и предписывающий карать родственников плененных бойцов. Пункт 1 приказа гласил: «Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров».

Все это действия (или бездействия), которым контрреволюционная окраска придавалась Указами Президиума Верховного Совета СССР, приказами НКЮ, постановлениями ГКО или Верховного суда СССР.

Но было немало и таких уголовных деяний, которые облекало в контрреволюционные одежды воображение сотрудников НКВД.

Осенью 1942 года в военный трибунал 2-й резервной армии поступило дело по обвинению женщины-фельдшера в измене Родине. Она обвинялась в том, что, попав под Харьковом в окружение, сдалась в плен и в октябре 1941 года была завербована немецкой разведкой для выполнения шпионского, а также диверсионного задания. Способ диверсии — вывод из строя командных кадров путем заражения венерической болезнью. Собственное признание медработника подкреплялось показаниями потерпевших, указавших на нее как на единственный источник заражения. В течение двух часов она подробно, со множеством ярких подробностей, рассказывала обстоятельства пленения и вербовки, заражения и переброски через линию фронта, а в последнем слове просила ее строго не наказывать и направить в свою часть для продолжения дальнейшей службы.

Трибунал вынес приговор — высшая мера наказания. После суда, разговаривая с председателем суда Шадриним, военфельдшер неожиданно привела ему факт, опровергавший все обвинения, — она только в декабре 1941 года была призвана в армию. Запросили Ашхабадский горвоенкомат и получили подтверждение ее словам. Затем представили дело в Военную коллегия, которая также проверила дату призыва осужденной и отменила приговор. В адрес оперативного работника особого отдела НКВД армии Сидельникова было вынесено частное определение о привлечении его к уголовной ответственности за фальсификацию материалов.

Мы вынуждены по соображениям, которые уже назвали, приводить больше примеров, когда судьи оказывались на высоте своего положения.

В жизни же по таким же делам, подчеркнем это еще раз, было значительно больше примеров иного рода. Демократические принципы правосудия в 30-е годы практически выхолостили в судах, в том числе военных. После чего они мало чем стали отличаться от органов внесудебной репрессии. И все же суды, уже изначально задуманные как демократичные, зачастую не устраивали следственные органы — оставалась какая-никакая процедура, многие дела слушались в присутствии личного состава, в ходе судебного разбирательства не всегда удавалось оказать какое-то воздействие на подсудимых... На подготовку публичных судебных фарсов требовалось значительное время. Да и «режиссеры» нужны были высокого ранга, а их явно не хватало. Поэтому «сырые» дела предпочитали направлять, если имелась такая возможность, в Особое совещание при НКВД СССР. Поэтому некоторым делам, которые, даже по мнению «особистов», были «шиты белыми нитками», годами не давалось хода. Арестованные офицеры и генералы, не признававшие необоснованных обвинений, бессрочно содержались в застенках. Генерал-лейтенант И. А. Ласкин, известный тем, что предъявлял ультиматум фельдмаршалу Паулюсу и лично доставил его командующему 64-й армии, был арестован в конце 1943 года за «связь с разведорганами врага» и в течение 8 лет содержался в заключении без суда. Генерал-майора Ф. Н. Романова арестовали в январе 1942 года за то, что будто бы вел антисоветские разговоры. Следствие тянулось десять лет. Оба генерала были необоснованно репрессированы Военной коллегией в 1952 году.

По делам о контрреволюционной агитации и пропаганде военные трибуналы допустили больше всего ошибок. Многое здесь можно объяснить (но только не оправдать) тем, что в основе обвинения по этим делам находились те или иные имевшие место в действитель-

ности факты, которые оценивались и законом, и общественным мнением как преступные антисоветские проявления. Именно так были восприняты в начальный период войны случаи хранения солдатами и матросами фашистских листовок, заброшенных противником в расположение наших войск. Такие действия квалифицировались по ст. 58¹⁰ УК РСФСР, хотя подбирали порой эти листовки даже не из любопытства, а для использования их в качестве курительной бумаги или для других бытовых нужд. Перекосы и ошибки, допущенные по этим делам, вскоре исправили. По другим — они исправляются до сих пор.

Так, по приговору военного трибунала 101-й стрелковой дивизии от 29 сентября 1944 года Демьяненко был осужден к высшей мере наказания за то, что, «являясь активным врагом Советской власти, в 1941—1944 гг. проводил антисоветскую агитацию — написал и хранил стихи контрреволюционного содержания...» Далее события развивались следующим образом. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 5 декабря 1944 года наказание Демьяненко было смягчено: расстрел заменен лишением свободы на 10 лет с поражением политических прав на 5 лет. И только через 45 лет пришло время для отмены ранее состоявшихся судебных решений и полной реабилитации человека. В постановлении № 81—89 Пленума Верховного суда СССР от 24 апреля 1989 года говорится, что «Демьяненко действительно в течение ряда лет сочинял стихи..., однако они отражают лишь субъективное восприятие осужденным происходивших в стране политических и экономических процессов, имевших место массовых репрессий, тяжелого материального положения колхозного крестьянства, неудач на фронте и не содержат призывов к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти либо к совершению контрреволюционных преступлений и поэтому не могут рассматриваться как антисоветская агитация».

Работа судов по реабилитации необоснованно репрессированных продолжается.

«...В КАЧЕСТВЕ БОЕВОГО ОТРЯДА»

Любой трибунал в военное время не только суд, но и боевая единица, малая частица единого воинского организма. Хорошо это или плохо — вопрос теоретический. На практике по-другому не было ни разу. Ни на одной из войн. Когда мы в наши дни узнали, что какое-то дело рассмотрел военный трибунал Н-ской войсковой части, то понимаем, что добавление чисто условное, диктуемое необходимостью обеспечения режима секретности. А в годы войны трибуналы действительно являлись боевыми отрядами, принимали участие в боевых действиях и задача обеспечения в войсках правопорядка подчинялась главной — достижению победы над врагом. К сожалению, делалось это нередко не без ущерба для законности.

Анализируя работу революционных военных трибуналов времен гражданской войны, **К. Х. ДАНИШЕВСКИЙ**, председатель Реввоен-трибунала Республики, писал в 1920 году:

«Очень часто революционным военным трибуналам приходится действовать в обстановке, где трудно даже определить, действует ли трибунал в качестве такового или же просто в качестве боевого отряда. Нередко... происходит параллельно работа в зале заседания трибунала и на улице».

Первые реввоен-трибуналы имели в своих штатах следователей и даже выполняли, если пользоваться современной терминологией,

оперативно-розыскные мероприятия. Например, в октябре 1919 года военному трибуналу 15-й армии была поручена поимка дезертиров и изъятие оружия у населения с последующим рассмотрением дел на месте.

Иногда работники трибуналов сами же приводили в исполнение приговоры, действовали в составе заградительных отрядов.

Ветеран реввоен трибуналов **А. Н. ЧУВАТИН** в своих воспоминаниях о гражданской войне писал:

«21 сентября 1919 года работникам выездной сессии и заградительному отряду революционного военного трибунала Западного фронта пришлось... восстанавливать порядок среди начавших отступать с позиций некоторых войсковых подразделений».

Опыт заградительных отрядов Сталин, как известно, использовал и в годы Великой Отечественной войны. Они были созданы на основе уже упомянутого приказа НКО «Ни шагу назад!». Правда, на этот раз ни один из заградительных отрядов в состав трибуналов не входил. Хотя иногда судьи участвовали в их формировании, как это было, к примеру, в танковой армии П. С. Рыбалко. По его приказу председателю трибунала Н. Г. Андрианову вместе с другими военными юристами пришлось весной 1943 года образовывать заградительный отряд в районе города Мерефа, чтобы остановить отступающих в панике солдат.

С оружием судьи не расставались и при рассмотрении уголовных дел. В сложной, подчас экстремальной ситуации от них требовались не только познания в юриспруденции. Особое значение приобретали выдержка, самообладание и личная храбрость. Судебные процессы проводились зачастую на переднем крае, в непосредственной близости от противника, в перерывах между боями. Трибуналам не раз приходилось откладывать судебное разбирательство и вместе с присутствовавшими на процессе солдатами, а подчас и в одном окопе с подсудимыми отражать нападение противника.

Опыт прошедших войн показал, что многие судьи проявили себя в те годы как военные юристы, а не юристы, надевшие форму. Они не уклонялись от открытых схваток с врагом, не отсиживались в тыловых обозах. Они были бойцами, защищавшими Родину. Правда, на судебную деятельность это не могло не накладывать своеобразного отпечатка. Ведь бойцам сподручнее пользоваться не пером, а оружием.

Г. Н. Александров, начальник следственной части для подготовки материалов к Нюрнбергскому процессу, а в годы гражданской войны следователь военного трибунала 1-й Конной Армии, вспоминал, что они большую часть времени «находились в конном строю дивизии, которой командовал герой гражданской войны Александр Пархоменко».

А. Н. Чуватин в очерке «Первые трибуналы» описал один из многих тяжелых боев — бой с врангелевцами летом 1920 года у села Большая Каховка, где храбрость проявили бойцы «сводного отряда, срочно сформированного из работников политотдела, революционного военного трибунала и особого отдела дивизии».

Если обратиться к событиям недавних дней, то они во многом схожи. В июле 1986 года член военного трибунала А. И. Васнев, ныне преподаватель военно-юридического факультета Военного института, следовал в Афганистане в составе автоколонны к месту рассмотрения уголовного дела. Колонна подверглась нападению душманов. Ведя огонь из автомата, капитан юстиции Васнев прикрыл выход машин из зоны обстрела, за что награжден орденом. В боевой

обстановке нелегко было выверять истину. Порой в этих целях приходилось применять и оружие, опровергая утверждения мыслителей древности о том, что закон не может торжествовать, когда гремят пушки. В ходе рассмотрения одного дела у судей трибунала возникла необходимость провести следственный эксперимент в тоннеле Дара—Саланг. Когда они продолжили процесс внутри тоннеля, боевому охранению, прикрывавшему вход, пришлось вступить с душманами в бой. И все же эксперимент состоялся. По делу был вынесен правосудный приговор.

Однако вернемся к главным героям заметок — военным судьям Великой Отечественной войны. Многие из них показали в сражениях с фашистами образцы мужества и героизма.

Трибуналам не раз приходилось в числе первых идти на прорыв, вырываясь из окружения, как это делали в сентябре 1941 года судьи военного трибунала Юго-Западного фронта, выполняя один из последних приказов командующего этим фронтом М. П. Кирпоса. Председатель военного трибунала 43-й армии диввоенюрист Г. Я. Подойницын 6 августа 1941 года при выходе из окружения собрал группу красноармейцев и организовал ночью нападение на штаб немецкого батальона в деревне Муринка. Выбив из этой деревни фашистов, группа захватила штабную машину и четыре пушки.

Но выбраться из вражеского кольца удавалось далеко не всем. Один из старейших судей В. А. Иванов, встретивший войну в должности председателя трибунала Киевского гарнизона, при отходе с частями Советской Армии был контужен и попал в сентябре 1941 года в окружение. Проживая в Переслав-Хмельницком районе Киевской области под видом сапожника Иваненко, он организовал партизанский отряд, влившийся впоследствии в 8-е партизанское соединение имени Чапаева, и громил оккупантов в составе этого соединения до сентября 1943 года, пока Киевская область не была освобождена.

Многие из руководителей военных трибуналов сложили головы, защищая Родину. Среди них — председатели военных трибуналов армий В. Ф. КОСТИКОВ, П. А. КУЗНЕЦОВ, Д. Я. ЖУКОВ, И. Е. НИКОЛАЕВ, И. А. ФОМИН; председатели трибуналов корпусов Н. В. ВАСИЛЬЕВ, Л. И. ФРУМКИН, М. А. ИСАКОВ, П. Я. БЕЛОУСОВ, Г. В. ДЕМИН; председатели военных трибуналов дивизий и бригад В. В. ЗАЙЦЕВ, Л. Т. ЧИСТУХИН, Ф. И. ПОПОВ, К. Е. РОМАНОВ и другие.

Из личного состава трибуналов Ленинградского фронта погиб каждый пятый. Велики были потери и на других фронтах. Не будем приводить этот длинный печальный список рядовых судей, павших смертью храбрых. Подтверждений тому, что военные суды действительно являлись боевыми отрядами, более чем достаточно. Но мало ограничиваться констатацией этого обстоятельства. Надо посмотреть, как оно сказывалось на отправлении правосудия. Прямо скажем, не лучшим образом.

Начнем с того, что, вступая в открытые схватки с врагом, судьи в то же время не всегда имели возможность посмотреть в глаза подсудимым. Широко практиковалось заочное осуждение. Правосудием такие процессы можно назвать лишь условно. Были, например, распространены заочные суды над лицами, причем зачастую не достигшими совершеннолетия, за самовольный уход с предприятий. Одновременно объявлялся их розыск, по результатам которого нередко выяснялось, что люди призваны в армию и находятся на фронте. Тем не менее возникал вопрос: как с ними быть? Верховный суд

СССР 23 сентября 1943 года решил дать специальное разъяснение о том, что такие приговоры подлежат отмене, а дела — прекращению.

Известен и такой факт.

В августе 1941 года Сталину доложили о том, что генерал-лейтенанты В. Я. Качалов и П. Г. Понеделин добровольно сдались в плен немцам и «работают» на них. Сталин наложил на докладной резолюцию: «судить».

Вскоре обоих осудили заочно и приговорили к расстрелу с конфискацией имущества. Между тем Качалов героически погиб 4 августа 1941 года от прямого попадания снаряда, а Понеделин попал в плен, будучи тяжело раненным. Его судьба оказалась более трагичной — четыре года гитлеровских лагерей и пять — советских, а затем в 1950 году еще один неправый суд, расстрел, приведенный в исполнение.

На войне размываются не только состязательность, устность, непосредственность и другие основные начала судопроизводства. Война подрывает главное, что отличает суд от каких-либо других органов — его беспристрастность и независимость. Трудно оставаться беспристрастным, когда идут бои, льется кровь, разрушаются города и села, гибнут родные и близкие. Критерии суждений и оценок здесь иные. Основной из них — не заодно ли ты с врагом? Отсюда поляризация, на которую мы обратили внимание: с одной стороны, — расстрел, с другой — отсрочка исполнения приговора. Отсюда вопрос о виновности подсудимого тесно увязывался с другим: по чью он сторону баррикад? Подчас недостающие доказательства, которые позволяли расставить все точки над «i», подсудимые получали при неожиданном нападении фашистов.

Военный трибунал под председательством Н. Тимченко следовал в полном составе на «газике» в расположение части, где должен был состояться судебный процесс по делу Демиденко. Согласно обвинению, он проявил трусость во время боевых действий. Пока ехали, часть передислоцировалась и трибунал оказался на ничейной территории. Внезапно машину обогнал немецкий мотоциклист и, наставив автомат, приказал сдаться. Успели выпрыгнуть и залечь. Фашист отбежал за угол сарая и дал оттуда очередь. Завязалась перестрелка. В это время подсудимый Демиденко, у которого не было оружия, обежал сарай с другой стороны, бросился на врага и обезоружил его. Через несколько часов трибунал в судебном заседании принял во внимание смелые действия подсудимого и применил к нему отсрочку исполнения приговора, а вскоре снял и судимость.

Говоря о статусе трибуналов как «боевых отрядов», нельзя умолчать о том, что командование зачастую своеобразно интерпретировало это обстоятельство — рассматривало военных судей в качестве «карманных» юристов, а военные трибуналы считало структурными подразделениями своей дивизии, армии или фронта. Проявлялось это на всех уровнях, начиная с Верховного Главнокомандующего. Военная коллегия Верховного суда СССР нередко лишь облекала в процессуальную форму его единоличные решения. Доходило до того, что Сталин просматривал и даже редактировал проекты отдельных приговоров Военной коллегии, как это было, к примеру, по делу группы генералов из Западного особого военного округа во главе с его командующим генералом армии Д. Г. Павловым, осужденных через месяц после начала войны. (Павлов полностью реабилитирован в 1957 году.)

Аналогичную линию проводили командующие фронтами, пытаясь распространять свою власть соответственно на судебную деятельность военных трибуналов фронтов. Но это не означает, что все председатели трибуналов беспрекословно выполняли указания военачальников.

Внизу — в звене бригада — дивизия — вмешательство командиров в работу судов носило еще более распространенный и предметный характер. Поэтому и судьям намного чаще приходилось конфликтовать, отстаивая право на независимое суждение. Порой доходило до курьезов.

Полковник юстиции Я. МАРОН, в годы войны секретарь военного трибунала, рассказал об одном таком случае:

«Вспоминается инцидент в армейском танковом полку, где трибунал 63-й армии под председательством капитана юстиции Михайлова судил одного солдата. Когда состав суда уходил на совещание для вынесения приговора, командир полка — майор провожал судей до самой землянки, отведенной под «совещательную комнату». Вначале председательствующий счел это любезностью со стороны командира, но потом с тревогой увидел, что командир вместе с судьями вошел в землянку и удобно расположился, явно готовясь принять участие в написании приговора. Судья долго не начинал совещание, выразительно посматривая на майора, но тот не думал уходить и, больше того, начал излагать свои соображения о том, какое следует назначить наказание подсудимому. Пришлось деликатно намекнуть ему и разъяснить закон.

Командир изумился:

— Как! Моего человека вы будете судить без меня?!

И ушел глубоко обиженный».

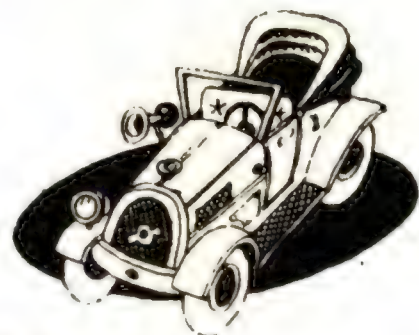
Да, обиженные были даже со стороны командования. Хотя неизмеримо больше их было среди необоснованно репрессированных людей. Тем не менее вряд ли это достаточное основание для огульного очернительства всех военно-судебных органов, сравнения их работы с «бездушным конвейером», а судей — со слепыми исполнителями чужой воли, как нельзя и списывать все ошибки лишь на войну. Она во многом повинна в них. Она существенно увеличила силу прессового давления на правосудие, деформированное еще до ее начала. Она привела к тому, что не только на полях сражений, но и в судебных залах цена человеческой жизни упала крайне низко. Ужесточение законов, упрощение процедуры, усиление зависимости снижали диапазон судейского усмотрения. Кому-то действительно это «облегчало» работу. Но эти же чрезвычайные меры значительно осложняли деятельность тех людей, которые оставались судьями в полном смысле этого слова. Давайте помнить, что они тоже были. Отдадим должное их мужеству. Облачившись вместо судейских мантий в военную форму, они делали свое дело в невероятно тяжелых условиях — были и бойцами, и судьями, не запятнавшими своей совестью.

В. ЗВЯГИНЦЕВ,
военный юрист

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ:

ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НА КОЛЕСАХ И ПЕШКОМ

ВИНОВАТ ЛИ ПЕШЕХОД?

Последствия дорожно-транспортных происшествий для человека, идущего по улице и дороге пешком, почти в два с половиной раза тяжелее, чем для водителя. Самыми опасными для пешеходов считаются ноябрь, декабрь, январь и май, а наиболее тяжкие дорожно-транспортные происшествия с ними случаются в воскресенье (наименее тяжкие — в среду). Чаще всего несчастным случаям на улицах и дорогах подвержены дети 4—9 лет (преимущественно мальчики) и люди старше 60 лет. Вероятность участия в дорожно-транспортных происшествиях мужчин более высокая, чем женщин. Пешеходы с правами водителя рискуют попасть в аварию в три-четыре раза меньше, чем остальные. Знакомство с местностью не уменьшает, а, как ни странно, увеличивает вероятность аварии. Исследователи объясняют это ослаблением бдительности пешеходов на знакомой им территории. Большой процент дорожно-транспортных происшествий случается вблизи жилья пострадавших. Видимо, причина та же. По-прежнему бесспорной является прямая зависимость между количеством выпитого алкоголя и опасностью происшествия. Таков международный анализ. В отдельных регионах статистика может быть иной, но это не меняет общих закономерностей.

Мы достаточно широко осведомлены об особенностях и сложностях труда водителей, но почти ничего не знаем о себе как о пешеходах. Да, опасно садиться за руль в нетрезвом состоянии, нельзя утомляться за рулем, страшны чересчур высокие скорости автомобилей, недисциплинированность их хозяев и т. д. и т. д. Иными словами, мы знаем, что ведет к беде водителя, но редко задумываемся над тем, что ведет к беде пешехода.

Казалось бы, каждый знает, чем грозит ему столкновение с машиной. И уже одна боязнь последствий должна сдерживать нас от неосмотрительных действий на улице. Почему же не сдерживает? Что руководит сознанием пешехода в бурных уличных водоворотах, мешает ему быть осторожным, трезво оценивать обстановку? Что, наконец, толкает его сделать рискованный, порой роковой шаг навстречу мчащейся лавине автомобилей? Вопросы трудные, но давно требующие ответа.

И отечественная, и зарубежная практика свидетельствует, что не-

дисциплинированных пешеходов больше всего среди молодых мужчин. Наверняка вы сами видели, как лихо некоторые из них ведут себя на улице. Ограждения вдоль кромки тротуаров преодолеваются, словно барьеры в легкоатлетическом кроссе. Рядом подземный переход, «зебра», призванные обеспечить безопасность пешеходов, так нет же — не нужна им безопасность, им опасность подавай! Кстати, по данным исследований, в 50 метрах с одной и другой стороны от обозначенного перехода, не оборудованного светофорами, опасность несчастного случая с пешеходом является максимальной. Красный сигнал светофора не внушает никакой тревоги. Проезжая часть — место единоборства: кто кого одолеет — машина пешехода или он ее. Пешеход если и выходит победителем в этой схватке, то только за счет других: спасая жизнь разине, водитель сворачивает в сторону, врежется в дерево, в столб, в стену, сбивает ни в чем не повинных людей... А ведь так мало требуется от них, пешеходов, чтобы обеспечить и собственную безопасность, и безопасность других! Требуются лишь желание и элементарные усилия.

Самые распространенные среди пешеходов нарушения — переход улицы и дороги в неустановленном месте, пересечение перекрестка при запрещающем сигнале светофора, игнорирование подземного перехода, выход на проезжую часть из-за стоящего транспорта. Почему рискуют пешеходы? Обычно этот риск объясняется дефицитом времени. На первый взгляд вроде бы так. Как показывают исследования, в утренние часы «пик» без малого половина всех пешеходов переходят улицу при запрещающем сигнале светофора. После спада часов «пик» число пеших нарушителей правил движения снижается до 10 процентов, и этот уровень сохраняется на протяжении всего дня. После 17 часов, когда большинство людей возвращаются с работы, вновь появляется на улице тот самый каждый второй статистический нарушитель. Вот откуда взялось объяснение о дефиците времени. Но следующая строка статистики в пух и прах разбивает подобные оправдания нарушителей правил движения: и поздно вечером, когда, кажется, нет достаточно веских мотивов, оправдывающих недисциплинированных пешеходов, когда интенсивность движения составляет лишь 10—15 процентов дневной, количество нарушений не только не уменьшается, а даже несколько увеличивается. Мнимый дефицит времени оборачивается своим истинным лицом, беспечностью, пренебрежением к правилам движения, их сознательным нарушением, что, в свою очередь, свидетельствует о недостаточной воспитанности и культуре поведения на улице и дороге.

На явный риск оказаться под колесами пешеходы идти не торопятся. Установлено, к примеру, что за секунду до появления автомобиля на перекрестке ни один человек не рискует перейти улицу. Зато за 10 секунд проезжую часть переходят все, даже старики. А что такое 10 секунд на дороге, особенно мокрой и скользкой?

Вероятность проявления риска в значительной мере зависит от условий, в которых живет человек. Городские жители более импульсивны и потому чаще при переходе улицы идут на риск. Существует, однако, другая сторона вопроса — более сложная и менее известная участникам дорожного движения. Но об этом — в одном из следующих выпусков нашей рубрики.

Внешние световые приборы. О них мы начали рассказывать в статье «Ближний свет фар» («Ч и З» № 5, 1990), упомянув раздел 19 ПДД, в котором излагаются общие правила пользования В. с. п. С этим разделом мы еще будем встречаться в связи с комментарием к правилам пользования габаритными огнями, дальним светом фар. Кроме раздела 19, о В. с. п. упоминается в связи с запретом загораживать их грузом во время перевозки (23.2).

Внештатные сотрудники милиции. Не все водители, пешеходы и пассажиры представляют себе полномочия внештатных сотрудников милиции. Между тем они имеют право в установленном порядке регулировать дорожное движение (1.4), требовать у водителей для проверки удостоверение на право управления транспортным средством и другие путевые документы (3.1), а также предоставления транспортного средства для оказания безотлагательной медицинской помощи, когда требуется доставка нуждающихся в ней в ближайшее лечебное учреждение (3.4).

Водители. ПДД определяют: «Водитель — лицо, управляющее каким-либо транспортным средством». При этом, правда, выделяются велосипедисты, водители мопедов, гужевых повозок, погонщики животных, для которых, помимо общих, введены и дополнительные требования (раздел 24). Но есть и иные категории водителей, для которых ПДД имеют свои особенности. Назовем некоторые из них.

В., прибывшие из другой страны (также граждане СССР, выезжающие за границу). Они обязаны иметь при себе регистрационное удостоверение на транспортное средство и водительское удостоверение, отвечающее требованиям международной Конвенции о дорожном движении, а кроме номерного знака транспортного средства, еще и отличительный знак государства, в котором оно зарегистрировано (3.2). В нашей стране выдачей таких документов и знаков занимаются органы Госавтоинспекции.

В.-инвалиды. Им труднее, чем остальным. Поэтому для В.-инвалидов на их автомобилях предусмотрен специальный опознавательный знак, с описанием которого можно познакомиться в п.26.10 ПДД (там же дается порядок установки) и в Приложении 1 к ПДД. В. автомашин с этим знаком разрешается не пользоваться ремнями безопасности в населенных пунктах (3.3), отступать от требований дорожных знаков, запрещающих движение, остановку и стоянку (3.5). Могут быть организованы специальные стоянки, предназначенные лишь для В.-инвалидов, и тогда к информационно-указательному знаку 5.15 «Место стоянки» прибавляется табличка 7.17 «Инвалиды». А табличка 7.18 «Кроме инвалидов», установленная вместе с запрещающим знаком, отменяет его действие в отношении В.-инвалидов.

Глухонемые В. не являются в полном смысле слова инвалидами. Но для них, по понятным причинам, предусмотрен свой опознавательный знак на транспортном средстве в форме трех черных кругов, вписанных в желтый (26.9).

В. автомобилей связи, оперативных служб и такси вынуждены часто высаживаться и вновь садиться за руль. В населенных пунк-

ктах им и их пассажирам по этой причине и для обеспечения быстроты действий разрешается не пользоваться ремнями безопасности. Вне населенных пунктов исключение утрачивает силу (3.3).

В.-врачи имеют право установить на транспортном средстве, которым управляют, специальный опознавательный знак в виде красного креста в белом круге, вписанном в синий квадрат (26.11).

Сравнительно недавно в ПДД введено ограничение для **В.**, имеющих стаж до 2 лет. Учитывая, что они сами и их пассажиры чаще остальных становятся жертвами дорожно-транспортных происшествий, для **В.** этой категории вне населенных пунктов определена сравнительно невысокая предельная скорость — 70 км/ч; эта цифра повторяется на специальном опознавательном знаке (26.13).

Вред. Понятие **В.** шире, чем понятие просто материального ущерба, нанесенного какими-либо действиями кого-либо из участников дорожного движения другим лицам. Общее требование по предотвращению вреда («не причинять... государственным, общественным организациям и гражданам») содержится в разделе «Общие положения» ПДД и, следовательно, касается всех. С этим требованием участники дорожного движения и иные лица обязаны согласовывать свои действия (1. 6).

Встречный разъезд. О нем целесообразно подробно говорить, обсуждая требования к водителям, находящимся на пересечении дорог. Что касается **В. р.** на одной и той же проезжей части, когда ему мешает сужение дороги или препятствие, то вступает в силу п.12.5 ПДД — преимуществом пользуется едущий по свободной стороне, а на уклонах — тот, кто едет на подъем. Иной порядок разъезда устанавливают дорожные знаки приоритета под индексами 2.6, 2.7 (Приложение 1 к ПДД).

Второстепенная дорога. Понятие о **В. д.** содержится в контексте термина «Главная дорога» (раздел 2 ПДД). Водитель, движущийся по **В. д.**, обязан предоставить преимущество проезда тому, кто следует по главной. Должен считать себя находящимся на **В. д.** водитель в том случае, если она грунтовая и выходит на дорогу с твердым покрытием (небольшой участок твердого покрытия на грунтовой дороге перед перекрестком не имеет значения), а также в том случае, если из-за темноты, дождя, загрязнения проезжей части и т. п. не может определить наличия покрытия на своей либо пересекаемой дороге (14.13). Знаком, предупреждающим водителя о необходимости уступить дорогу, может быть одноименный под индексом 2.4 «Уступите дорогу» либо знак 2.5 «Движение без остановки запрещено» (Приложение 1 к ПДД).

Между собой водители, едущие по **В. д.**, разъезжаются в соответствии с правилами проезда перекрестков равнозначных дорог (14.12).

В. ЕРЕМЕЕВ,
майор милиции

СТРОЙКА...

ПОД АРЕСТОМ

Наступило лето. И у Гражданкиных появились новые заботы. Надо было отправлять Леночку с детским садом на дачу: проходить медкомиссию, собирать вещи и метить их... В общем, хлопот у Виты и Семена хватало. Но, как ни говори, это были все-таки приятные хлопоты.

А вот у знакомых Виты — Ольги и Вадима Власенко положение было гораздо хуже. Были они педагоги, и полагался им большой, почти два месяца, отпуск. А провести его было негде. Даже ребенку своему не могли достать путевку в пионерлагерь. Поэтому Вита как-то сказала Семену:

— Сеня, а что если мы наш дом в деревне сдадим на лето Вадиму и Ольге? Плату за проживание брать не будем. А попросим подремонтировать дом и построить на участке туалет. И ребятам хорошо, и за домом уход. А то стоит заброшенный, сырой...

— Это ты сама придумала? — полюбопытствовал Семен.

— Да нет. Мне сегодня Ольга звонила. Вадим предлагает отремонтировать крышу и построить туалет.

— Ну, что ж, решено, пусть живут.

— Только тебе придется поехать с ними в деревню, все им показать, с соседями познакомить. Согласен?

Через неделю Семен уехал с Олей и ее мужем в деревню. Вите Семен пообещал вернуться через два дня, в воскресенье. И был точен — в воскресенье к вечеру он ввалился в квартиру усталый, но посвежевший на деревенском воздухе.

— Ну, как там, все в порядке? — поинтересовалась Вита.

— В порядке, в порядке... — успокоил ее Семен. — Познакомил их с соседями, все показал. В сарае есть доски и брус — вполне хватит на строительство туалета. Наметили на участке место, где Вадим выроет яму.

Однако через неделю Гражданкины получили из деревни телеграмму. Ее текст обескуражил и взволновал их: «СЕМЕН ПРИЕЗЖАЙ НЕМЕДЛЕННО ТЧК СТРОЙКА ЗАПРЕЩЕНА ТЧК ОЛЯ».

— Ума не приложу. Что там могло случиться? Завтра же первым рейсом автобуса едем в деревню, — заволновалась Вита.

— Что бы там ни случилось, в деревню отправлюсь я. Ведь завтра на даче у Леночки родительский день. Ко всем детям приедут родители, а к Леночке нет? Представляешь состояние дочки?

Вита согласилась с мужем. В деревню Семен поехал один.

Вернулся он ровно через два дня вечером. И вот что рассказал:

— Пока мы с Вадимом прошлый раз таскали из сарая доски, выбирали место, где поставить туалет, сосед Иван Павлович неприветливо как-то смотрел на нас. Это же возле его забора. Он даже про разрешение у нас спрашивал. Ну я-то не придавал значения этому вопросу, подумал: зачем, мол, разрешение, подумаешь, какой объект возводим... А когда Вадим стал копать яму возле забора, но на моем участке, Иван Павлович подошел к нему и еще раз

спросил: «Что ты роешь тут?» Тот ответил — яму выгребную, мол, здесь туалет будет стоять. Иван Павлович опять к нему с вопросом: «А разрешение сельсовета у вас имеется?» Разрешения-то не было, мы не обращались. Ну, Иван Павлович удалился. А через некоторое время пришли люди из сельсовета. Комиссия. И стройку запретили. Да еще Вадиму прочли статью из Кодекса РСФСР об административных правонарушениях о том, что самовольное строительство гражданами хозяйственных и бытовых строений и сооружений влечет наложение штрафа в размере до пятидесяти рублей. Ясно?

— Яснее не бывает. Значит, опять мы без денег останемся. Да что это у нас за судьба такая — какой шаг ни сделаем, обязательно в какой-нибудь конфликт попадаем. Да что же это получается — на своем участке нельзя даже туалет поставить? — причитала Вита.

— Я тоже так сказал в сельсовете, а мне вежливо разъяснили: строить можно, но для этого надо идти законным путем. Написать заявление, в котором указать, что мы хотим соорудить и где. Комиссия рассмотрит наше заявление и установит, что наше сооружение не будет мешать никому из проживающих рядом жителей. Иван Павлович ведь жалобу накатал: против, мол, подобной стройки на границах с моим участком.

— Значит, не разрешили?

— Разрешат, наверное. Но ставить сие сооружение будем в другом месте — подальше от участка Ивана Павловича. За сараем... А прежнюю яму закопали. Заявление я написал. Думаю, теперь возражений не будет. Если же придет отказ, то решение жилищно-бытовой комиссии исполкома сельского Совета мы можем обжаловать в райисполкоме. Но надеюсь, делать этого не придется. Мы договорились с Вадимом: когда будет дано разрешение, он за недельку закончит строительство и будет ждать меня.

— Зачем?

— Затем, моя дорогая супруга, что это сооружение надо будет узаконить. А это может делать только хозяин домовладения, то есть я. Надо будет написать еще одно заявление, теперь уже в Бюро технической инвентаризации (сокращенно БТИ) при райисполкоме, взять справку из сельсовета, что сооружение строилось на основании решения жилищно-бытовой комиссии, и тогда БТИ внесет этот объект бытового назначения в план нашего участка.

— Господи, сколько хлопот из-за какого-то несчастного туалета. Выходит, и конуру для собачки, и скворечник без сельсовета поставить нельзя? — вздохнула Вита.

— Конуру и скворечник можно ставить без разрешения — я спрашивал, — ответил Семен, — а постройки хозяйственного и бытового назначения возводить на участке без разрешения сельсовета нельзя. Таков закон.

— Ох, сколько у нас законов. И шагу без них нельзя ступить...

— Но ведь закон для нашего блага написан. Представь, если рядом с нашим забором, но на своем участке Иван Павлович задумает построить свинарник. Нам ведь это тоже не понравится... И мы можем протестовать, обращаться в сельсовет. И ему укажут, где надо строить свинарник, чтобы он нам не мешал. Разве это плохо?

— Что ж, это, наверное, правильно... Свинарник с нашим забором, конечно, неприятно. Ладно, а вообще-то Оля не жалеет, что решила провести лето в нашем доме?

— Что ты, она очень довольна. Сказала, что иметь дом в деревне — ее голубая мечта. И места им с Вадимом очень нравятся. Они собираются каким-то образом купить дом. В деревне есть несколько пустующих изб.

— Это, наверно, тоже очень сложно оформлять?

— Вот еще разок съезжу в деревню к ним, узнаю, что и как надо для этого делать, тогда и расскажу тебе...

В. СЛАВИН

ОТ «А» ДО «Я»

Ф ФИКТИВНЫЙ БРАК

Не успела Женя Егорова захлопнуть входную дверь, как сразу же, будто почувствовав, что хозяйка вернулась с работы, зазвонил телефон.

— Привет, подруга, — раздался в трубке голос приятельницы Тамары Васильевой. — Куда пропала? Почему не спешишь рассказать о днях, проведенных в славном городе Ленинграде?

— Ой, Тамарка, у меня такая новость! Я, наверное, скоро перееду в Ленинград, — радостно закричала в трубку Женя.

— То есть как это переедешь? Кто тебя там ждет?

— Жених, — выпалила Егорова.

— Насколько мне известно, твой жених живет здесь, в Тайшете, — язвительно заметила Тамара.

— Вечно ты меня перебиваешь, — возмутилась Женя. — Я хочу рассказать тебе все по-порядку. Короче, люди, у которых я гостила в Ленинграде, познакомили меня с парнем. Он втюрился в меня по уши и сделал предложение. Я же, естественно, согласилась стать его женой.

— Что значит «его женой»? А как же Леха? Ты что же, разлюбила его? — изумилась Тамара.

— Вовсе нет. Я, как и прежде, безумно его люблю. Просто хочу, чтобы мы оба, я и Леша, перебрались из этого медвежьего угла в Ленинград. А сделать это не так уж сложно. Я выхожу замуж за Братченко — это фамилия ленинградского жениха. Раз. Прописываюсь у него. Два. Развожусь. Три. Размениваю его квартиру. Четыре. И, наконец, пять — снова выхожу замуж, но теперь уже за любимого Лешеньку. В результате мы оба ленинградцы, а дети наши уже будут коренными ленинградцами. Правда, грандиозный план?! — чувствовалось, что Женя в восторге от своей затеи.

Однако ее «грандиозному плану» не суждено было осуществиться. После того как Женя подала в суд иск о расторжении брака и разделе жилплощади, обманутый Братченко подал в народный суд встречное исковое заявление о признании брака недействительным как фиктивного и выселении Егоровой из квартиры. Его иск суд удовлетворил.

Рассмотрим же подробнее, что такое фиктивный брак и какие правовые последствия он порождает.

Фиктивным признается брак, который регистрируется без намерения создать семью и приобрести супружеские права и обязанности. В данном случае преследуются другие цели. Например, получить право на жилплощадь, на прописку, на пенсионное обеспечение после смерти супруга, получить наследство, освободиться от направления на работу после окончания учебного заведения и т. д.

Фиктивность брака является основанием для признания его недействительным. При этом не имеет значения, один или оба супруга при вступлении в брак предполагали незаконно получить права или льготы, предусмотренные законодательством для лиц, состоящих в браке.

Фиктивный брак может быть признан недействительным только в судебном порядке (ст. 44 КоБС РСФСР, аналогичные статьи КоБС других союзных республик).

Право обращаться в суд с иском о признании брака недействительным предоставлено супругам; лицам, права которых нарушены заключением этого брака; органам опеки и попечительства; прокурору (ст. 44 КоБС РСФСР, соответствующие статьи КоБС других союзных республик).

Вопрос о признании брака недействительным ввиду его фиктивности решается в зависимости от установленных судом конкретных обстоятельств дела. Суду должны быть представлены доказательства, подтверждающие, что при вступлении в брак супруги (или один из них) не имели намерения создать семью. Такими доказательствами могут быть различные письма, записки, заявления, показания свидетелей и другие данные.

Об отсутствии намерения создать семью может также свидетельствовать конкретное поведение супругов после регистрации брака, например, обострение отношений, предъявление претензий одним из супругов на жилую площадь, прописку.

Иногда одним из доказательств фиктивного брака является раздельное проживание супругов после вступления в брак. Однако если у супругов было намерение создать семью, их раздельное проживание в силу определенных обстоятельств само по себе не может служить основанием для признания брака недействительным как фиктивного. Брак не может быть признан фиктивным и тогда, когда лица, зарегистрировавшие такой брак, до рассмотрения дела судом фактически создали семью (ч. 2 ст. 43 КоБС, соответствующие статьи КоБС других союзных республик). Факт создания семьи должен быть установлен при рассмотрении дела судом.

Фиктивный брак, признанный недействительным, считается таковым со времени его заключения (ч. 1 ст. 46 КоБС РСФСР, соответствующие статьи КоБС других союзных республик).

У лиц, состоявших в браке, признанном недействительным, никаких прав и обязанностей супругов не возникает, личные и имущественные отношения между супругами аннулируются. Однако закон охраняет права и интересы добросовестного супруга. Ему предоставляется возможность сохранить фамилию, избранную им при регистрации брака.

Имущество, приобретенное на общие средства лицами, состоявшими в фиктивном браке, признанном недействительным, утрачивает режим общей совместной собственности супругов. Оно распределя-

ется между ними не в равных долях, а с учетом средств, внесенных каждым из них на его приобретение.

Признание брака недействительным не влияет на права детей, родившихся в таком браке (ч. 6 ст. 46 КоБС РСФСР, соответствующие статьи КоБС других союзных республик).

При вступлении в законную силу решения суда о признании брака недействительным копия этого решения направляется судом в органы загса по месту регистрации брака (ст. 44 КоБС РСФСР, соответствующие статьи КоБС других союзных республик). Органы загса на основании данного решения обязаны аннулировать соответствующую актовую запись о регистрации брака в книге актов гражданского состояния.

Граждане и организации в случае признания фиктивного брака недействительным вправе требовать восстановления нарушенных прав, например, перераспределения молодого специалиста без учета семейного положения, если ранее он был направлен по месту жительства другого супруга; выселения лица, чей брак признан недействительным, если оно поселилось на занимаемую жилую площадь на правах супруга; аннулирования прописки; признания свидетельства о праве на наследство недействительным и т. п.

Отметим, что брак может быть признан судом недействительным также при нарушении условий, установленных статьями 15 и 16 КоБС РСФСР (соответствующими статьями КоБС других союзных республик), а именно при отсутствии взаимного согласия лиц, вступивших в брак; недостижения лицом брачного возраста; при наличии другого нерасторгнутого брака; при вступлении в брак с лицом, признанным недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия, либо родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, внуки, дед, бабушка), братьев и сестер, имеющих общих родителей или одного из них, а также усыновителей и усыновленных.

В этих случаях наступают такие же правовые последствия, как и при признании брака недействительным по мотиву его фиктивности.

Е. КОМИССАРОВА,
старший консультант
Верховного суда СССР

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ»

Издательство «Юридическая литература» стало практиковать проведение у себя «круглых столов» с участием видных ученых и специалистов-практиков, по результатам которых оперативно выпускаются книги серии «Проблемы, дискуссии, предложения». Одна из последних называется «Организованная преступность».

В сборнике обсуждаются малоисследованные вопросы. Есть ли организованная преступность в СССР? Как соотносится она с про-

фессиональной и так называемой экономической преступностью? Учитываются ли данные о наличии и состоянии организованной преступности при совершенствовании законодательства? Каковы стратегия и тактика борьбы с организованной преступностью?

Авторы сборника — доктора юридических наук С. Вицин, А. Долгова, С. Дьяков, Н. Стручков, Г. Хохряков и другие ведущие ученые — юристы и экономисты, а также практические работники правоохранительных органов считают, что сегодня с ответами на затронутые ими вопросы медлить нельзя, поскольку тенденции в развитии организованной преступности крайне неблагоприятны. Сколько-нибудь заметных успехов в борьбе с ней пока не наблюдается, а опубликованный для всенародного обсуждения проект Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, по их мнению, не только не создает правовой базы для борьбы с организованной преступностью, но и делает определенный шаг назад по сравнению с действующим законодательством.

Последнее время в печати появляется много публикаций, посвященных мафии, однако нередко в них преобладают чисто эмоциональные моменты. Авторы предлагаемого сборника приглашают читателя к серьезному и взвешенному разговору о проблемах борьбы с организованной преступностью.

С. СИДОРОВ

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «КАК БЫ ВЫ ПОСТУПИЛИ?»

1. Разрешается (пункт 9.5 Правил дорожного движения).
2. Только водителю легкового автомобиля (пункт 7.4).

ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА

XII таблиц установили смертную казнь за небольшое число преступных деяний и в том числе считали необходимым применение ее в том случае, когда кто-нибудь сложит или будет распевать песню, которая содержит в себе клевету или опозорение другого.

Если причинит членовредительство и не помирится с потерпевшим, то пусть и ему самому будет причинено то же самое.

Если рукой или палкой переломит кость свободному человеку, пусть заплатит штраф в 300 ассов, если рабу — 150 ассов.

Если совершавший в ночное время кражу убит на месте, то пусть убийство его будет считаться правомерным.

По XII таблицам, за тайное истребление урожая назначалась смертная казнь ... более тяжкая, чем за убийство человека.

В XII таблицах предписывалось, чтобы никто не устраивал в городе ночных сборищ.

**Законы XII таблиц
Древний Рим (451—450 гг. до н. э.).**

реклама : объявления

ИНФОРМАЦИЯ

«ЮСИС»

Новые возможности для юристов, руководителей предприятий и широкого круга практических работников будут реализованы с приобретением **ЮРИДИЧЕСКОЙ СПРАВОЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ — «ЮСИС»**, разработанной кооперативом «СОЦИАЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА».

ЮСИС представляет собой программное обеспечение с управляемой базой данных по ведению картотеки о принятых нормативных актах, научно-практическом комментарии к ним, судебной, арбитражной и нотариальной практике.

ЮСИС функционирует на персональных компьютерах типа IBM XT/AT и совместимых с ними.

Справки по телефону в Москве: 312-51-54.

К СВЕДЕНИЮ КОНЦЕРНОВ

Научный центр правовой информации (НЦПИ) Министерства юстиции СССР извещает руководителей концернов, ассоциаций, арендных предприятий (объединений) о том, что в НЦПИ можно получить справки о реквизитах и содержании законодательных актов Союза ССР, носящих нормативный характер или имеющих общее значение.

Аналогичная информация может быть предоставлена и о нормативных решениях Правительства СССР, опубликованных в официальных изданиях, о дате вступления их в силу, сроке действия, содержании, последующем изменении, дополнении, распространении действия, об отсылках к ним в других актах, признанных утратившими силу.

В НЦПИ можно получить также тематические перечни таких законодательных актов Союза ССР и нормативных решений Правительства СССР и их тексты. Тематические перечни по трудовому законодательству содержат также информацию о решениях Верховного суда СССР и Верховного суда РСФСР, статьях КЗоТ РСФСР.

Справки будут выдаваться на основании заключенного договора на информационно-правовое обслуживание — соглашения между НЦПИ и потребителями информации (концернами, ассоциациями, арендными предприятиями).

Для получения тематических перечней и текстов законодательных актов и нормативных решений потребители информации могут обратиться в НЦПИ с гарантийным письмом.

Справки по телефонам: 459-30-47, 459-30-38, 450-32-60.

Адрес НЦПИ: 125438, Москва, Михалковская ул., д. 65, корп. 1.

„НЕ ЖДИ МЕНЯ- МНЕ НЕТ ВОЗВРАТА..“

II УЗНИЦА № Щ-270,
или ДОЛГАЯ БИТВА С ПОЛЯРНОЙ СОВОЙ

*«Ох, как горько нам, девчата,
Зимою дерево пилить.
Еще горше, дорогие,
В неволе Родину любить...»*

Чудо произошло, как и положено, на Пасху. А началось оно точно по Библии: за два дня до праздника. «...Тогда была пятница перед Пасхою, и час шестый», — сообщал в своем Евангелии, в своей доброй вести — так переводится это слово с греческого, — один из последователей Христа, проповедник его учения апостол Иоанн.

Евгения Дмитриевна красила в тот вечер яйца и с грустью вспоминала, как ловко делала это мама в Смоляном садке, в их охристо-рыжем домике под соломенной, совсем не от бедности, крышей, сохранявшей зимой тепло, а летом прохладу.

Яйца у нее всегда получались нарядные, веселые, с замысловатым рисунком. А четырехгранная, с выпуклыми крестиками на каждой стороне творожная пасха, напоминавшая египетские пирамиды из учебника истории, выходила нежной, маслянистой и так аппетитно пахло корицей и еще какими-то пряностями¹.

Однажды, в Зиминской обители, в предпраздничный апрельский вечер, Женя вспомнила маму-покойницу, и до того ей стало тоскливо, что девочка спустилась с холма, на котором стоял монастырь, и, сев под плакучую иву, стала в голос рыдать и причитать, благо никто ее не видел.

Но в этом она ошибалась: ее заметила с балкончика своей кельи мать Евгения, монашка-схимница, и послала к ней молоденькую послушницу, тоже Женю. Когда отроковицы приблизились, коротко приказала сверху:

— Обе Евгении, поднимитесь ко мне!

Старушка, давно принявшая обет-схиму, уже полностью отключившаяся от земных дел и сознательно готовящаяся к переходу в мир иной, не могла все же остаться равнодушной к горю сироты. Она внимательно выслушала зареванную девчонку. А потом, обласкав, утешив, перекрестила и благословила.

Может, именно поэтому Женя уцелела «под синим небом, на земле, в фашистском Равенсбрюке», как сама написала в своих безыскусных стихах? Или причина все же в чисто немецких чертах характера? В их педантизме, например? Ведь тихого, вежливо-

го Рамдора интересовало только одно: не помог ли переправить письмо Шарлотты кто-то из лагерной охраны, нарушив тем самым свои обязанности.

Женю, то есть Эрику, конечно, наказали: она больше не ходила на завод, за зону, а была назначена блоковой, у которой огромное количество хозяйственных забот. Но и Клара Кульвич, непосредственная исполнительница «преступной» акции, уцелела: ее просто перевели в другое место. А вот что стало с Шарлоттой — неизвестно. Вряд ли она вышла из Равенсбрюка... Уж слишком сильный был у нее враг — отец ее детей, Хельги и Люца, всемогущий рейхсляйтер Мартин Борман!

Итак — чудо... Пятьдесят пятый год. Приполярный город Инта, выстроенный в основном заключенными... Пятница накануне Пасхи... «Час шестой»...

Евгения Дмитриевна возится на кухне, когда к мужу, отбывшему тут свои десять лет «от звонка до звонка» и оставленному здесь же «на вечное поселение», навещается товарищ по несчастью, такой же, до недавнего времени, «враг народа», как и Юрий Павлович.

К нему обычно приходило много людей — он был ас в радиоделах. Так что Евгения Дмитриевна далеко не всегда общалась с гостями, не обращала особого внимания на доносящиеся до нее голоса, занятая неизбывными домашними делами.

А тут, услышав короткое «до свидания», сказанное кем-то у входной двери, вдруг насторожилась: что-то напомнил ей этот голос, а что — не могла понять...

Он всплыл в голове вновь на Пасху, в воскресенье, и уже не давал покоя.

— Кто это к тебе приходил в пятницу? — неожиданно спросила она мужа.

— Один из наших. Анатолием зовут.

— А как фамилия?

— Ларионов, — Юрий Павлович удивился настойчивости обычно не любопытствующей жены.

— Отчество у него — Максимович?

— Да.

— Он... Идем к нему немедленно! — и, лихорадочно собираясь, все еще не смея до конца поверить в случившееся, Евгения Дмитриевна рассказала мужу удивительную историю их встречи. Если, конечно, это можно назвать встречей...

Она была на свободе лишь двадцать четыре дня. Тридцатого апреля их, группу «равенсбрючек», которых фашисты гнали в сторону Ростока, к морю, наверное, чтобы утопить, отбили советские войска. Так Женя оказалась в расположении 160-й стрелковой дивизии, где сразу же стала переводчицей: необходим был контакт с местным населением.

А двадцать четвертого мая по указанию командования она поехала в деревню Кладрум, что неподалеку от города Варин, где находилась армейская разведка: только там могли выдать документ на право продолжать работать в дивизии.

Туда она прибыла в фэтончике, а вышла из помещения особого отдела — с солдатом за спиной, которому был отдан недвусмысленный приказ «Взять под автомат!» после нескольких часов допроса, тема которого была страшна своей нелепостью: почему оказалась в немецком концлагере, кем завербована, за какие такие

заслуги была старостой барака, и вообще кто такая... А в ответ на все ее искренние разъяснения — одна и та же фраза:

— Будешь тут нам сказки рассказывать!

Семь суток просидела Женя в пустом коровнике, среди гнилой соломы и навоза, охраняемая часовыми. Днем о ней словно забывали. А вот ночью таскали на допросы. Именно тогда девушка поняла, что все черные дела делаются ночью...

Молодые конвоиры сочувствовали Жене. Один ухитрился поцеловать ей руку через крошечное оконце: подбадривал так. Другой раздобыл для нее где-то байковое солдатское одеяло.

— Бери — пригодится...

А что еще могли они сделать?

Через неделю — команда: «Собирайся!» И повели ее, пешком, снова под дулом автомата, в город Штернберг, в настоящую тюрьму. Там, в одиночке, досыта наплакавшись в тишине, Женя и услышала голос, который, оказывается, помнила десять лет: «Девушка! А девушка?» Он доносился из соседней камеры сквозь незастекленное окно, забранное толстой решеткой.

Так, не видя друг друга, лишь переговариваясь, они познакомились: недавняя узница фашистского концлагеря и недавний военнопленный, родом из Алма-Аты...

А потом Анатолия повели на суд. Женя еле дождалась его возвращения. Но парень молчал. Долго молчал! Лишь час спустя глухо произнес:

— Десять лет дали... За что? За что?

К кому тогда с великим отчаянием обращался невидимый собеседник? Сам не знал, вероятно. А вот Женя, с ее монастырским образованием, вновь тотчас вспомнила Екклесиаста. «Бывает время, когда человек властвует над человеком во вред ему...» И другое: «Еще видел я под солнцем место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда...»

Она тогда не представляла, через что ей самой суждено пройти: считала, ошибка, днями будет исправлена. Не знала, что не раз потом снова вернется памятью к мудрому проповеднику, просвещавшему народ. «...И увидел всякие угнетения, какие делаются под солнцем: и вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет; и в руке угнетающих их — сила, а утешителя у них нет...»

На четвертые сутки Женю отправили — через Германию, через Польшу, чаще своим ходом — в Волковыск, в проверочный лагерь НКВД: начиналась ее собственная Голгофа. Больше она никогда не слышала голоса Анатолия, не видела его самого. А он все эти десять лет провел в Инте, рядом с Юрием Павловичем! А два дня назад был в их восьмиметровой комнатке!

Когда они вошли к Анатолию Максимовичу, тот несколько растерялся: не ожидал. А когда неестественно спокойная в тот миг Евгения Дмитриевна сказала ему: «Ну, давайте узнавать друг друга», — совсем растерялся. И лишь после наводящих, как школьнику, вопросов («В Германии были?», «В тюрьме города Штернберг сидели?», «Девушку Женю из соседней камеры помните?») все понял, обрадовался и от этого еще больше растерялся.

Высокий, сильный человек, в возрасте Христа, возродившийся для Евгении Дмитриевны точно на Пасху... «Скажите, ... что Он воскрес и предваряет вас в Галилее: там Его увидите», — поведал людям о таинстве, произошедшем с распятым сыном божьим, Матфей в своем Евангелии.

Анатолий Максимович Ларионов, практически тоже «смертью смерть поправ»: ведь лучшие годы его жизни погибли. Но его Галилея, где он, не ведая того, «предварял» человека, первым принявшего его несправедный приговор, оказалась на Крайнем Севере и мало напоминала благодатную провинцию древней Палестины — место основной пропагандистской деятельности бога-человека.

Не до проповедей тут было. Полностью бы пайку заработать. Да в БУР — барак усиленного режима — или, того хуже, в карцер не загреметь...

«...Неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное», — писал апостол Иоанн. Вот это, пожалуй, больше, чем Галилея, походило на Инту. С ее сорокаградусными морозами. С ее никогда не заходящим летом — с пятнадцатого мая по пятнадцатое августа — солнцем, горящим на небе, словно безумный глаз циклопа, и лишь на ночь слегка прижмуривающимся у горизонта...

А потом снова в зенит: чтобы легче, очевидно, было присматривать за армией эков, барахтавшихся в проволочных, под током, силках, о которых даже во всеохватной, планетарной Библии ничего не сказано...

После этой неожиданной-негаданной встречи с Анатолием и без того неважный сон Евгении Дмитриевны совершенно разладился. И дело было даже не в раздражающем, беспардонном, словно око надзирателя, производящего шмон, солнце, от которого не защищали самые плотные шторы. А в том, что нахлынули воспоминания.

Те, которые она постоянно гнала от себя все эти годы. Те, что накрепко спаяны с неполным месяцем ее личной свободы, закончившейся на исходе мая, примерно в то время, когда рухнула мечта прадеда и коммуна в Париже, за которую он, иностранец, сражался, пала, загубленная предательством. Воспоминания... о Саше.

Весна сорок пятого была в Германии очень ранней. Стояла удивительная теплынь: все цвело, зеленело... И Мекленбург воспринимался уже не как ад, где сладковатым дымком курились две трубы крематория, где в специальном бараке разбирали на «запчасти» для стопроцентных арийцев несчастных «кроликов», а как истинный рай, где вокруг так красиво, романтично, словно на старинном гобелене.

Дворец графа фон Вицлебена, куда по приказу командира дивизии Голубенко Женя прибыла вместе с капитаном Тихоновым, чтобы произвести тщательную ревизию имения и всего огромного хозяйства, увешанный гобеленами ручной работы, сам будто сошел с одной из уникальных шпалер.

Трехэтажный дом с колоннами стоял в роскошном парке. Сзади — сад, пруд, полный рыбы... Конюшня: верховые лошади — отдельно, ломовые — отдельно... Огромное стадо сытых, гладких коров... Сотни овец с шелковистой, ухоженной шерстью... От двадцатого века — лишь собственная электростанция... И все — в идеальном порядке.

Это поражало. Ведь не начало войны, когда немцы воевали на чужой территории, а тут, естественно, царила благодать. Самый конец ее, трагический для местного населения конец, еще неделю назад — истинное пекло!

Поражало и другое. Хозяин давным-давно куда-то убыл, но обслуга не только не разбежалась, не растащила имущество, а скрупулезно делала свою привычную работу. И управляющий... И пова-

риха с двумя поварятами... И горничные... И медсестра... И парикмахерша... И куча другой челяди...

Женя снимала на кальку план имения, когда к ней постучалась пожилая повариха:

— Чем вас кормить, фройляйн?

— А что есть? Война ведь!

Тогда женщина молча повела девушку в погреба. И тут вчерашняя «равенсбрючка», три года евшая лишь дважды в день в основном овощную баланду, увидела все, о чем только можно мечтать. Чего она не едала и в мирное время, а с интересом рассматривала лишь на репродукциях с аппетитных голландских натюрмортов, всегда потрясающих людей обилием продуктов, их первосортным качеством и, конечно же, экзотикой. Все это имелось у Вицлебена в неограниченном количестве!

Демократка по натуре, Женя вместе с капитаном ела вначале внизу, с обслугой. Но вскоре попросила кормить их вдвоем наверху, в огромной столовой. Подавали на фамильном серебре, с торжественной сервировкой. И Женя с сочувствием наблюдала за тем, как мается с многочисленными ножами, вилками, ложками простой саратовский паренек Яша Тихонов. Сама-то она была в этой обстановке как рыба в воде: обучалась этикету с детства! Умела не только правильно есть, но могла и сама накрыть стол, как надо, и обслужить на высшем уровне... Фрау Кикебен всегда была ею довольна.

Но позволить, чтобы поверженные «агрессоры» кривили губы, глядя на красное лицо и испарину на лбу офицера-победителя, девушка не могла. Вот и решилась «принимать пищу», так обычно говорят в лагерях, в графской столовой: там, без постоянных свидетелей, капитану было полегче.

А сама Женя, годами недоедавшая, блаженствовала! Блаженствовала она и тогда, когда к ней в комнату регулярно наведывалась парикмахерша со всеми своими атрибутами: феном, шампунями, бигуди, щеточками... Когда приходила по утрам медсестра — справиться о здоровье «личной переводчицы господина капитана», назначенного комендантом имения, взятого под охрану Советской Армией и ставшего отныне военизированным... Отчего-то градусник в узком серебряном футлярчике всегда дрожал в ее пальцах...

Но что эти радости по сравнению с той, которую испытала девушка, когда прискакал верхами нарочный и объявил о победе? Как, плача, обнимали друг друга верные слуги фон Вицлебена! Как кинулись они целовать Женю и Яшу, который от смущения так покраснел и взмок, будто вновь чинно сидел в необъятной графской столовой за неоглядным столом, уставленным серебряной посудой и хрусталем, доводившими его до исступления...

Через неделю, полностью справившись с порученным ей делом, девушка вернулась в дивизию. Тут-то она и повстречалась с Сашей — высоким светлоглазым шатеном. Старший лейтенант Дрыжак был натурой тонкой, лирической. И не столько оттого, что учился до войны живописи, сколько по сути своей. Ну, а Женя всегда считалась «поэткой» и действительно видела мир несколько в ином свете, чем другие.

Оттого они и потянулись друг к другу. К тому же молодость, буйная весна, долгожданный мир... Что еще нужно для возникновения чувства?

Но особысты, словно Монтекки и Капулетти, о которых они вряд

ли ведали, разлучили влюбленных. А из сердец друг у друга вытравить не сумели. Гораздо позже Жене дали ознакомиться с показаниями Саши «на нее». Ни одного дурного слова не прочла она там о себе! Только самые хорошие и высокие.

Прошла ли пареньку безнаказанной такая честность? Ведь от него, конечно, ждали и требовали совсем другого. Как в дальнейшем сложилась его судьба? Не разделил ли он участь своей любимой? Никакой до сих пор ясности...

А Женя в Штернберге, в тюремной одиночке, все время думала о Саше и бормотала стихи, которые сами собой складывались в голове.

— Не жди меня — мне нет возврата...

Потом она тихонько в рифму рассказывала ему, до чего ей страшно, до чего плохо:

— Какой здесь мрак! Как я боюсь!

И все же под конец пыталась утешить сердечного друга:

— Но ты — молись: я, может быть, вернусь...

Откуда появились эти слова о молитве? Разве старший лейтенант Дрыжак был верующим?

Если иметь в виду белобородого старичка на перламутровом облачке, то, конечно, нет. Саша верил в другое: в могучую силу своего чувства, хоть побывал недавно в настоящей церкви и там даже поклялся. Впервые. Неумело. Но так истово: что самый глухой старик в самой дальней дали должен был бы услышать его...

Не услышал. Но зато услышала Женя. И запомнила эти слова навсегда.

...Однажды, выкроив минутку, они оказались на горе, покрытой изумрудной зеленью, усыпанной яркими цветами. И никого вокруг! Только Он и Она — будто Адам и Ева. Даже змей-искуситель со своим подлым яблоком не прополз рядом... Настолько чисты были их помыслы. Она знала: его измучила война. Он знал: ее едва не сгубил концлагерь.

Весело смеясь, они словно маленькие, бегали по склону, когда неожиданно увидели священника, стоявшего в дверях скромной деревенской церкви и молча любовавшегося этой неожиданной пасторалью. Смутившись, девушка вдруг попросила разрешения зайти внутрь кирхи:

— Конечно! Пожалуйста! Натe, дети, ключ,— благожелательно откликнулся пастор, с удовольствием вслушиваясь в отличный немецкий.— Потом занесете его в тот дом.— Он показал рукой на одну из черепичных крыш недалекого поселка.

В церкви было пусто и гулко. Саша зажег две толстые, каждая с руку, свечи: сразу стало светло, уютно. Потом взял Женину ладонь в свою и, подойдя к алтарю, внезапно опустил на колени, увлекая за собой притихшую девушку. Глядя вверх на распятого Христа, он взволнованно произнес:

— Видит Бог, я люблю тебя!

Сказал очень тихо. Но прозвучали эти слова громко и торжественно: сработала отличная акустика.

Отчего не помог Всевышний этим молодым, но уже столько испытывавшим людям? Пареньку с Украины в выцветшей военной форме и девушке из Западной Белоруссии в чужом платье с рюшами, раздобытом для нее солдатами на трофейном складе взамен ее полосатого, с номером на левом рукаве, и такой же куртке: тут номер — прямо на сердце, чтобы не промахнуться?

Ведь не имелось на них никакого греха! Неужели они должны были держать ответ за тех, кто властвует над человеком «во вред ему»? За тех, которых ни за что нельзя прощать, как считал гуманнейший Иосиф Волоцкий — русский подвижник, непротивленец, причисленный к лику святых, но не щадивший мысленно людей, достигших в своих бесчеловечных делах, в своем нравственном падении, пороговой величины, на исправление которых уже нет надежд?

В общем, Бог наказал в тот раз не виноватых, а правых. Наверное, за то, что, как и многие, все терпели... Все позволяли... За то, что забыли своих вождей — Пугачева, Разина, забыли декабристов, забыли французских революционеров, коммунаров... И покорно шли за мучителями — словно бычки на веревочках... Прямиком на заклание!

Так, неприметные дивизионные особисты в первый же мирный месяц сорок пятого, добросовестно выполняя «план по валу», разлучили одну из миллионов счастливых пар: Женю и Сашу. Такая была у них многотрудная работа, которую контрразведчики делали в большинстве своем вдохновенно, с полной отдачей сил и за которую им платили весьма своеобразно: кому — тучными червонцами и различными льготами, кому — пулей в затылок, чтобы помалкивали. И тут древние подсказали: каждому — свое.

Да, этих двоих разлучили навсегда. А вот надежду убить — не сумели. «Но ты — молись: я, может быть, вернусь...»

Куда там! Женю уводили, уводили — от Саши, от провинции Мекленбург — все дальше и дальше, пока она не пересекла Государственную границу и не оказалась в Западной Белоруссии, в знакомых местах.

Сколько раз вспоминала Женя щедрую графскую повариху, которая всего лишь за неделю хорошенько подкормила ее! Иначе после лагеря не пережить этот этап... Свалилась бы на дорогу как те двое, которых походя пристрелили охранники...

Так что, упавши она без сил на немецкую или польскую дорогу, пристрелили бы недрогнувшей рукой! И это неважно, что схватили ее без суда и следствия. Жене ведь уже объявили:

— Мы все равно найдем, где ты совершила преступление.

В Волковыске, в проверочном лагере НКВД, девушка стала потихоньку умирать: подполковник Беляев, речь которого состояла из сплошного мата, явно переусердствовал, заточив Женю на девять суток в сырой каменный мешок. К тому же ежедневные ночные допросы с особым пристрастием... В общем, сердце у нее уже почти не работало, началась водянка.

Как-то утром зашел солдат и задал стандартный вопрос:

— На opravку пойдешь?

— Надо бы... Да вот встать не могу, — прошептала узница.

Солдат перепугался и побежал за врачом. Женя тоже испугалась. Теперь уже перекинутое через огромную яму бревно, на которое, как куры на насест, усаживались женщины, а совсем рядом, на таком же бревне, пристраивались мужчины (еще одна пытка, придуманная подполковником: чтоб обязательно видели друг друга, чтоб было стыдно и унижительно), бревно это казалось ей мечтой. Но встать Женя так и не смогла...

Ее спасла лагерный доктор — Васильева. Она пошла к Беляеву и сказала, что девушка проживет еще дня два-три, не больше.

— Ну и х... с ней, пусть подыхает!

Васильева не успокоилась и потребовала на своем рапорте визы

Беляева: предупредила, мол, пусть берет ответственность на себя. Подполковнику это не понравилось. Но, вновь сказав: «Да х... с ней!», он все же разрешил забрать девушку в изолятор.

Доктор раздобыла где-то трофейные химические грелки, которые немецкие солдаты прикладывали в морозы к мочевому пузырю, и стала согревать ими Женю. Тепло, кое-какие лекарства, а главное, сочувствие этой немногословной женщины, вступившейся за совершенно чужую ей девчонку, спасли Женю. Так что к новому этапу была уже почти здорова.

Но вот когда после семидневного пути она прибыла в Сталиногорск, то вновь разболелась, застудившись в «столыпинских» вагонах, в открытых машинах, и попала в лазарет, который обслуживал двадцать один лагерь для интернированных.

Именно тут, в Сталиногорске, будущем Ново-Московске, повторилась волковысская история: медицина — против НКВД. Но в более «пикантном» варианте. Жена, начальник лазарета, — против мужа, начальника местного управления внутренних дел.

Дома между собой у них, видно, было все нормально. Но вот в служебное время... Он методично охотился за Женей, пытаясь во что бы то ни стало заполучить ее назад: дело из-за болезни притормозилось. Она под любыми предлогами не отдавала девушку в тюрьму: лишь через полгода разрешила следователю навестить ее.

А пока Женю тщательно лечили. Та же в ответ на заботу не только вязала всем изумительно красивые шерстяные вещи, но и выполняла обязанности переводчицы: при обходах, на перевязках, в операционной...

Как-то, шатаясь, пришел немец и вынул из кармана отрезанную на лесопилке кисть, которую пять километров бережно сохранял, надеясь, что русские врачи пришьют ее. А когда узнал, что это невозможно (жизнь бы спасти!), очень горевал, хотя Женя всячески его утешала.

— Что я, юрист, буду делать без правой руки?..

А другой, уже в агонии, с закрытыми глазами все просил девушку:

— Гиб мир ди летцте Кюсс!

Кого, умирая, видел он перед собой? Жену? Невесту? Кого просил дать ему «последний поцелуй»?

Сколько можно, даже сверх того, жена-врач не возвращала мужу-энкаведешнику несчастную жертву. Но силы, конечно, были неравными: пришлось уступить.

И вот тринадцатого сентября сорок шестого года, после долгого и совсем доброжелательного разговора со следователем о том, кем все же Женя себя считает — русской, полькой, белоруской, — она подписала бумагу, что считает себя русской: в семье говорили по-русски, кто верил — был православным... Она не знала, что практически подписала себе тем самым приговор.

Белосток в ту пору вновь отошел к Польше, и девушку с большой группой жителей тех мест должны были отправить на родину, то есть за границу. Все вскоре уехали. А Женя осталась. Решили, что нельзя выпускать Врублевскую за рубеж: слишком много ее мучили здесь.

Тринадцатого, колеблясь, она подписала ту злосчастную бумагу... («Но у меня же там столько родственников?» — «Ничего, будете часто ездить к ним: у нас с Польшей прекрасные отношения!»), а шестнадцатого...

Когда ее вызвали из камеры «с вещами», она обрадовалась: все, разобрались, наконец-то выпускают... Конвоир завел девушку в маленькую комнатку и сдал под расписку человеку, лениво копавшемуся в бумагах на столе. Потом он поднял голову и, уточнив по ритуалу фамилию, имя, отчество, произнес не спеша:

— Так слушай, что читать буду...

Женя слушала и ничего не понимала. «Врублевскую... Евгению Дмитриевну... арестовать...»

— За что?

— Как — за что? За измену Родине! Ты теперь — советская гражданка, — он показал ее подпись, — и будешь отвечать по нашим законам. Есть санкция прокурора на твой арест.

Так кончилась Женина «госпроверка», длившаяся год и почти четыре месяца, так начался новый — законно арестантский — период ее жизни.

Девушку посадили в бывший сортир, где стояла узкая скамейка и совсем не было света. Даже есть приходилось в полной темноте, на ощупь, не видя, что кладешь в рот. А потом, в кабинете следователя, яркая, до слез, лампа в лицо.

— Признавайся! Признавайся, туда тебя и сюда!..

Она запомнила не только это, но и их неприятельные, даже симпатичные фамилии. Колокольчиков... Прокофьев... Ковалев...

Женя ни в чем не призналась. Да ей и не в чем было признаваться! Но это ничего не меняло. Через три с половиной месяца бесконечных истязаний тридцать первого января сорок седьмого года ее повезли на суд.

В небольшой комнате в этот раз сидело трое мужчин. Опять:

— Слушай, что будем читать...

В конце перечня ее «шпионских» дел (легендарная Мата Хари позавидовала бы такой успешной деятельности) равнодушный вопрос:

— Признаешь себя виновной?

— Не признаю! Я ничего не совершила!

Тут же, будто и не слыша этих слов, почти слепой девушке зачитали приговор:

— Десять лет исправительно-трудовых лагерей... Пять лет поражения в правах... С конфискацией имущества...

Нажали кнопку в столе. Вошел конвой. Женю повезли назад. А в голове почему-то крутились нелепые слова про конфискацию. Какое у нее имущество?

Вскоре ее вызвал начальник тюрьмы. Он жалостливо смотрел на совершенно больную девушку и все уговаривал ее написать кассационную жалобу. Предлагал даже вызвать в тюрьму адвоката... Но Женя устало сказала:

— Если вы — человек и добрая душа, отправьте меня в лагерь.

Так она попала на этап и вскоре оказалась в Москве, в пересяльной тюрьме. В двадцатиметровой камере она была... сто девятой. Но перед этим, как и в Волковыске, с той ямой, с теми бревнами, ее не преминули унижить. Почему-то потребовалось обязательно снять на теле волосяной покров, и занимался этой «гигиенической» операцией... молодой парень, ловко орудовавший механической машинкой.

Когда Женя попыталась оказать сопротивление («Такого не было даже в Равенсбрюке! Эсэсовцы заглядывали только в рот — в

поисках золота!»), женщина-надзирательница, присутствовавшая при сем, с улыбкой разъяснила:

— Будешь брыкаться — свяжем...

Именно после этого ее, сто девятую, встретила жужжащая, словно улей, камера, набитая уголовницами.

— Статья? Срок? Имя? — посередине, руки в боки, стояла старшая урка.

— Пятьдесят восьмая. Десять лет. Евгения Дмитриевна.

— О-о,—протянула уважительно староста камеры.— Ладно, размещайся.

И тут где-то на верхних нарах началась дикая драка. Женя, притулившаяся на полу у чьих-то ног, вся съежилась. А потом вдруг решилась:

— Да хватит вам, девочки, бузить! Хотите, я что-нибудь расскажу?

— А ну, шушваль, тишина! — скомандовала старшая.— Евгения Дмитриевна рассказывать будет!

Но убедившись, что Женю почти не видно и не слышно, вновь приказала кому-то наверху:

— Ну-ка, сука, слезай!

Так Женя примерно на неделю стала Шахерезадой, а в камере воцарились покой и тишина. Зато отправлялась она в свои дальнейшие странствия совсем охрипшей...

Если с блатарками у нее особых хлопот не было, то вот блатари чуть было ее не сгубили.

Не успела Женя и еще одна «политическая» — евангелистка Маша Клопова, небольшая, с горбиком — прибыть на станцию Шерстки, перед тем как попасть наконец в лагерь, что под Горьким, в женский барак на одном из лагпунктов вломились трое урок — огромных, страшных — в поисках «птичек» (так называли политических), которых только что привезли и над которыми — само начальство намекнуло — можно безнаказанно поизмываться.

Выручили Женю и Машу заключенные монашки, затолкавшие их под лавку, на которой сидели плотным рядком, и прикрывшие подолами длинных подрясников. Татуированные амбалы метались по бараку, орали на сухоньких, без возраста, женщин:

— Где новые девки? Мы знаем, что двух привезли!

— Да Господь с вами...— дружно крестились монашки.— Вот все — тут!

«Все», которые «тут», уголовников не интересовали. А молоденькие «птички» куда-то упорхнули... Но они их обязательно найдут! И так случалось не раз, пока девушки не добрались до огромного, многотысячного концерна под названием «Буреполом», что находился километрах в восьми от Шерстков.

Он имел несколько зон: женскую, мужскую, больничную, зону кормящих матерей, несовершеннолетних преступников. Остальное — производственная зона. В нее входили две лесопилки, столярный цех, дегтегонный и литейный заводы, мельница, электростанция.

Основным делом считался лесоповал. Но были и другие работы. Катали валенки, например, в шерстобитной мастерской... Делали для Кузбасса сборно-щитовые домики... Мастерили деревянные миски и ложки... Но Жене, с ее пятьдесят восьмой, думать о легкой работе не приходилось: только лесоповал.

Так и вышло. Но уже через несколько дней, потеряв последние силеньки, она оказалась в санчасти. Молодой врач из-под Вильню-

са — такой, как и она, политический — положил ее в больницу:

— У тебя, девочка, очаги в легких...

Это была весна сорок седьмого года, самое голодное время за все десять лет ее отсидки. Давали горсть чечевицы в кипятке и черный хлеб с такими остями, что рот раздирало. Люди кругом мерли пачками. По десять — пятнадцать человек в день: пеллагра косила. В основном — прибалты, не привыкшие к подобной жизни...

Когда Женя чуть-чуть оклемалась, доктор Жохов, некогда морской врач, а ныне — зэк, дал ей записку к своему приятелю, тоже заключенному. Так девушка попала на электростанцию, к главному ее инженеру Эссену, милейшему человеку. В короткой записочке Василия Васильевича было всего несколько строк: «Георгий Васильевич, устрой у себя эту девочку».

Потом Женя познакомилась и подружилась с еще одним прекрасным «политическим»: Петром Кирилловичем Савельевым. Они не только дали девушке посильное дело, но и тактично подкармливали ее: Женя ведь в отличие от многих ни от кого не получала посылок.

Вскоре она, окончив курсы электриков, стала работать дежурной по щиту. В ее руках был свет всего лагеря! Именно это взял на вооружение вольнонаемный инженер Кислицин, безуспешно пристававший к Жене.

— Ее, контру, поставили на щит? Да я дойду до начальника лагеря! — бушевал незадачливый поклонник.

От греха подальше пришлось направить Женю на другие курсы: связи. И начала она, выучившись, ремонтировать радио, телефоны. Работа тонкая, требующая большой аккуратности. Но у девушки были чуткие пальцы, которые очень выручали ее еще в Нойебранденбурге, когда она ловко выводила из строя небольшие мембранки.

В мае сорок восьмого — приказ: «Пятьдесят восьмую — только на лесоповал!»

Походила, поорудовала лучковой пилой, снова лишилась последних сил. И объявила своей напарнице: — Пойду добровольно в карцер. Лучше там умереть, чем в лесу. По крайней мере все узнают!

Три дня, не выходя на развод, Женя получала кружку воды и триста граммов хлеба в сутки. Потом ее вызвал начальник лагеря и, выслушав «отказницу», предложил:

— А кирпичи делать пойдешь?

— Если научат — пойду.

В первый день Женя пайку, конечно, не выработала. Во второй — дала норму. А потом — и перевыполняла. Но только вошла во вкус и ритм работы — снова этап.

Куда их везут, никто не знал. Через щели в забитых досками окнах мелькнул Киров, затем Котлас. Начальник конвоя бегал на остановках вдоль состава с большим пакетом в руках. И вот кто-то разглядел на нем адрес «Печ. ж/д, ст. Инта, спецлагерь № 1 НКВД СССР». Так стало ясно, что везут их чуть ли не к Полярному кругу.

Увидев первые интинские бараки, Женя ужаснулась: на уничтожение привезли, раз на окнах решетки... Потом оказалось, что ночью бараки запираются, что параша стоит внутри... Все как в тюрьме!

Такую и встретил ее Юрий Павлович: опухшую от слез, в шинели, раздобытой в «Буреполоме», метущую большой метлой дорожку к столовой. Он что-то сказал приятелю по поводу партизанской внешности девушки... Потом подошел, заговорил...

А через день, нигде не найдя Женю, узнал, что она упала, потеряв сознание, что если бы ей не сделали укол кофеина, сердце бы просто остановилось, что положили в стационар.

Юрий Павлович подошел к санчасти, и они немного поговорили через форточку. Он рассказал девушке про себя — московский инженер, та же пресловутая пятьдесят восьмая, — про то, что жена от него сразу же отеклась, показал фото маленькой дочери...

До того как их развели по мужскому и женскому лагерям, ему удалось еще раз навестить Женю. Он принес ей яркий пушистый василек, и она вспомнила своего любимого Апухтина, который наряду с Пушкиным и Лермонтовым был в домашней библиотеке отца: в рыжем домике под соломенной крышей. «Да, васильки, васильки, много мелькало их в поле...»

Тут, в этих суровых приполярных местах, васильков мало. Тут много иван-чая, похожего на герань. Но где-то Юрий Павлович все же выискал этот среднерусский цветок, который Женя бережно положила на нары!

Чувствуя, что они скоро расстанутся, Юрий Павлович дал девушке адрес своей мамы — напрямую они не имели права переписываться — и как залог их будущей дружбы вручил свой талисман: фото светлоглазой Наташи, которое Женя пронесла через все этапы, через все лагерные обыски.

Потом наступил день прощания. Юрий Павлович, увидев Женю у столовой, подошел к ней, взял обе ее ладони в свои, поднес их к лицу, на миг прижал, потом бережно поцеловал — одну, другую, не стесняясь, у всех на виду — и пошел к своим: мужчин уже уводили.

Эта короткая встреча, эта короткая разлука определили всю дальнейшую жизнь девушки. Она поняла, что судьба наконец-то улыбнулась ей, сведя с таким человеком. Пусть и старше ее на десять лет! Ни липкой назойливости. Ни ранящей бестактности. Лишь искреннее участие, полнейшее понимание. И бездна нежности, которая так была нужна измученной Жене и которой она лишилась с детства, со смерти матери...

Почему из огромного числа женщин, прибывших на этот пересыльный пункт, Юрий Павлович заметил именно Женю? Такую нелепую — в шинели, с метлой в руке? Такую заморенную? Такую несчастную? Может быть, как раз поэтому?

А потом он регулярно писал ей — кружным путем, через Москву, хотя находились они совсем рядом... А потом, когда был уже на поселении, слал посылки: таким же образом... В первую, кроме всяческой снеди, положил ампулы с глюкозой.

— Это как раз то, что вам нужно! — обрадовалась докторша в Лемью, на одном из интинских лагпунктов, и начала регулярно колоть истощенную до предела Женю.

А один раз у них даже состоялось свидание... Юрий Павлович, еще заключенный, возглавляя на девятой шахте телефонную станцию, время от времени проверял состояние проводов и столбов вне зоны.

Однажды Женя, что-то рывшая под охраной в вечной мерзлоте, неподалеку от той шахты, спросила «начальника поверхности» Моисея Израилевича Пустынского — уже вольного, но еще поселенца, — не знает ли он инженера Егорова. Оказалось, знает. Вот Моисей Израилевич и устроил это фантастическое по лагерным меркам свидание, шепнув как-то Жене:

— Если все удастся, Юрий Павлович сегодня пройдет здесь...

В тот день она без всякого усердия копала дренажные канавы и все поглядывала в ту сторону, откуда должен был появиться ее друг. Наконец, на горизонте показались две фигуры. Он и солдат сзади. Все ближе... Ближе...

Женин конвой на этот раз оказался хорошим — ленинградским: отвернулся, как только те двое приблизились. Это не то что вологодский, известный заключенным повсюду не только своей жестокостью, но и собственной фразой, ставшей крылатой:

— Вологодский конвой шутить не любит!

Женя шагнула навстречу Юрию Павловичу, и они обнялись. Оба в темных нескладных бушлатах, с черно-белыми номерами на спинах, под воспаленно-красным недреманным оком майского солнца. Но тотчас разомкнули руки, подстегиваемые тревожным шепотом сопровождающего Юрия Павловича:

— Быстренько... Быстренько...

И поплелся первоклассный специалист Егоров, с вооруженным солдатом за спиной, вперед, вдоль телефонной линии, которая, как все в его хозяйстве, была в идеальном порядке. А Женя, поблагодарив тихонько своего конвоира, Бориса, вспомнила, как тоже помогла ему однажды, когда тот был в паре с вологодским: тем, что «шутить не любит».

Борис тогда пожаловался Жене, бывшей бригадиром, на своего напарника — жмота и фискала, и они решили его проучить. Пока тот привычно что-то жевал в одиночку, Женя подобралась к нему сзади и, схватив винтовку, прислоненную к пеньку, передернула затвор.

— Встать! Руки вверх!

Вологодский, совершенно обалдев, встал, вытянулся в струнку, поднял обе руки... И тут на него налетел Борис, старший в паре: как посмел оставить оружие? Все будет доложено начальству! И так далее и тому подобное... Короче, Женя тогда помогла торжеству справедливости, и Борис этого не забыл.

Конвой конвою действительно был рознь. Как-то Женя вместе с другими долбила едва поддающуюся лому, кайлу, клину, кувалде землю, нафаршированную с трудом пробиваемыми вручную минералами: недаром все пункты вокруг Инты назывались «Минлагом».

Когда смена кончилась и женщины, выстроившись пятерками, уже отошли быстрым, как всегда, шагом от места работы, кто-то вспомнил, что оставил в канаве лом.

— Да черт с ним! — сказала Женя, а охранник принял эти слова на свой счет.

— Выходи из строя! — бешено заорал он.

Женщины немедленно крепко взяли Женю под руки и плотно сцепились сами друг с другом. Понимали: возможна любая провокация, вплоть до имитации побега. Он орал, срывал с плеча винтовку, пытался выдернуть Женю из шеренги — все это на ходу, на марше...

Но женщины не отдавали подругу, которая могла бы и не приговаривать судорожно: «Держите меня, девочки! Держите!», сделавшись буквально монолитом, наподобие того, с которым они только что сражались своими примитивными инструментами.

Так у подонка ничего и не вышло: не сумел он, как ни ярился, разорвать короткую цепочку женщин, разметать стайку измученных «птичек»...

Близился час освобождения, и Женя уже не сомневалась, что им с Юрием Павловичем на роду написано быть вместе. Саша — это первое романтическое чувство, овеянное ветром свободы. Да и что они успели узнать друг о друге за такое короткое время? Ну и — самое главное: прошло десять лет, у Саши, конечно, семья. Если для него все обошлось...

Так что пусть он остается символом того мекленбургского вольного мая сорок пятого, а Юрий Павлович, ждавший ее и за колючей проволокой, и на поселении целых семь лет, заслужил теплый семейный дом, который со всем своим не востребованным до сих пор умением поведет она, Женя. Теперь, правда, в свои тридцать два года для многих — Евгения Дмитриевна.

Двадцать седьмого января пятьдесят пятого года, уже в сумерки, она подошла к лагерным воротам, солдат равнодушно пробубнил ей постановление об освобождении, и Женя шагнула за зону: в теплом платке, в бушлате и валенках, с фанерным чемоданчиком в руке — за десять лет скопилось кое-какое «имущество».

В конторе, где ей выдали сто рублей старыми (после разоблачения Берии заключенным перепадали кое-какие копейки за их труд), спросили, будет ли она сдавать валенки. Порядок тут был такой: уезжаешь — сдавай, и тогда тебе купят билет.

Женя сказала, что она остается, поэтому валенки не сдаст: без них в лютые морозы пропадешь. Сотрудники конторы удивились: человек освобожден вчистую, а не уезжает... Но не вдавались в подробности. Да Женя и не стала бы им объяснять, что не может предать Юрия Павловича, который столько ее ждал, поддерживал и у которого тут — «вечное поселение». Как же она после всего уедет?

Когда он вечером после работы привел ее в свою восьмиметровую комнатку, что на Железнодорожной улице — их первый вольный адрес! — сразу же весело спросил очень смущавшуюся Женю:

— Ты где ляжешь: на тахте или на раскладушке?

И она, не скрывая, словно ребенок, чувств, радостно откликнулась:

— Конечно, на раскладушке! Я очень люблю раскладушки!

Хотя никогда раньше не спала на них, а любила все последние тринадцать лет верхние нары: всегда старалась занять местечко именно там.

Так было целую неделю. И все эти ночи Женю мучили кошмары: она во сне стонала, скрипела зубами, неумело ругалась по-черному, плакала... А Юрий Павлович успокаивал ее, давал попить.

...То ей мерещился этап в Абезь, в инвалидный лагерь: это, когда она совсем дошла... Их кормили в поезде очень соленой селедкой, а о воде — «забыли». Женщины начали требовать пить. Она — громче всех.

Тогда конвоир с лязгом открыл железную загородку, точно в вольере для зверей, молча схватил Женю за волосы, поволок в туалет и стал методично бить лицом о фаянсовый унитаз. Потом, не выпуская волос, потащил обратно, за решетку.

Когда они прибыли на лагпункт, лицо у Жени было — один сплошной кровоподтек. Позже выяснилось, что молоденький солдатик, комсомолец, наверное, сломал ей носовую перегородку и она с трудом дышала, пока, годы спустя, уже на свободе, не сделала операцию...

...То на нее надевают смирительную рубаху, спеленывают по рукам и ногам, несут в тайную, о которой раньше никто не знал, ком-

нату, обитую изнутри железом, привязывают к кровати, обливают водой... Это когда у Жени минул период тупого терпения и она начала вести в бараке открытую пропаганду. Взыграла мятежная коммунарская кровь.

...То, оказавшись в БУРе за очередной «невыход» на лесоповал, она крушит все вокруг — нары, парашу, которые превращает в доски и щепки... И откуда только силы взялись? Ее из-за дверей уговаривает начальник режима Лепешкин, прибывший со свитой, прекратить «дебош». Но Женя с палкой, утыканной гвоздями и занесенной над головой, кричит в ответ:

— Ну, заходи!

А из соседней камеры слышится торжествующий смех Лены Семеновой, дочери атамана Семенова, которая рухнула вместе со своими нарами, державшимися на одних штырях с Жениными, проходившими через стену, прямо на пол:

— Ломай им все, Врублевская, к такой-то матери!

Эта Лена не раз сочувственно внушала женщинам:

— Вы все сидите ни за что. Я одна — за дело.

Она, конечно, пошла по стопам отца, принципиального противника Советской власти, которого повесили в сорок шестом году, в здании нынешнего ГУМа: пролетарский суд оказался скор и жесток.

Лена же была разведчицей белых в Порт-Артуре и несколько раз прицельно выходила замуж за наших агентов: очень красивой уродилась! Двоих — «засветила» она. Третий — «засветил» ее. Уже здесь, в заключении, она дважды прорывалась за зону — искала смерти. Часовые прострелили ей живот, но пленный немец-хирург спас ее.

...То в сорокаградусный мороз ведут Женю из одного места в другое: каждый начальник режима старался теперь избавиться от этой «птички» — слух о бунтарке Врублевской быстро прокатился по всем лагпунктам...

Женя — в китайском нижнем белье бурого цвета, руки — впереди, в механических наручниках, которые впиваются в тело при малейшем движении... Как стащили с верхних нар, так и швырнули, одну, в хвост колонны. Даже в пятерку не поставили. Хорошо, сумела попасть ногами в валенки!

Идет спокойно, в какой-то прострации, не чуя холода... Кругом — лес шумит, как в родимой Беловежской пуще... Рядом, на санях, которые неторопливо везет упитанная лошадка, среди других вещей — ее бушлат и шапка. Один из двух конвоиров, шагающих сзади, вдруг говорит другому:

— Мы ее живой не доведем...

Тот мгновенно накидывает Жене на плечи бушлат.

— Если вы такие хорошие, снимите наручники, чтобы я могла надеть его в рукава, — мирно просит она конвой. Снимают немедленно.

В общем, эти ребята спасли ее, как и доктор Васильева в Волковыске. Шла ведь сорок километров — в один пункт, потом еще сорок — в другой. В нижнем белье явно не дошла бы в самый суровый здешний месяц — «месяц тьмы», как называют его местные жители: пермяки и зыряне. Это случилось третьего декабря пятьдесят третьего года. Со смерти Сталина прошло уже девять месяцев...

Так что Юрию Павловичу на первых порах хватало забот с молодой женой, которую долгие годы «исправляли» — естественно, бесплатно — «созидательным» трудом за колючей проволокой.

Правда, когда она, в Абези, вместе с писательницей Евгенией Таратутой, будущим автором книг о Войнич, создавшей своего пре-

красного «Овода», возила бочку с ледяной водой, чтобы по приказу начальника поливать фигурки зверей, вылепленные из снега заключенными, это мало походило на созидательный труд.

Как и то, когда филолог Таратута, родившаяся в семье профессионального революционера, в Париже, на улице «Шерш миди» («Ищи полдень!»), вместе с певицей Линой Луверой, испанкой, которую наш знаменитый композитор Прокофьев привез из-за границы, но, как и многие, не сумел уберечь, впрягались в бочку с помоями... Когда чистили уборные и скребли «ножами», сделанными из консервных банок, картошку, замороженную до состояния стекла...

Кстати, тот начальник — эстет по фамилии Петрусенко очень любил разгуливать в зоне со своим ребенком, специально доводя матерей, не знавших, где их собственные дети, буквально до безумия. Иногда он забавлялся иначе, приказывая младшему Петрусенке:

— Плюнь на нее: это зэ-ка!

А вот когда неподалеку от Инты строили аэродром — это уже было серьезно. Мыкались вместе с молоденькой Ритой Грановской, киевской студенткой. Ее, еврейку, обвинили... в украинском национализме! И когда сооружали водопровод в Инте, на Полярной улице... И когда там же прокладывали улицу Горького...

Хорошо бы в городах и поселках Коми АССР, да и в десятках других печальных мест, вывесить памятные таблички — что-нибудь в таком роде: «Здесь, в период сталинщины, трудилось такое-то число политических невольников... Несмотря ни на что, ими сделано то-то и то-то...» По крайней мере было бы честно. Да и справедливо!

Новая семья состояла из Юрия Павловича, Евгении Дмитриевны и кота Бобочки, которого Юрий Павлович вырастил и воспитал. Кот этот был, наверное, заколдованным человеком. Он понимал не только интонацию хозяев, но и смысл их слов.

— Покажи, как ты меня любишь, — просит Евгения Дмитриевна. Подходит, обнимает лапами. — Открой рот! — Открывает. — Закрой, иди! — Закрывает, уходит.

Нагулявшись, он мягко стучал в форточку лапой: открывайте, мол, хочу спать...

И очень переживал, когда хозяева затевали с ним некорректные игры.

— Иди ко мне! — звала она. — Нет, ко мне! — вмешивался он.

Бобочка сядет посреди комнаты, пригорюнится, раздумывая, как же поступить. Потом подбежит к ней, лизнет в лицо, чтобы не обижалась, и — к нему, под бочок. Евгения Дмитриевна и не обижалась: тут у Юрия Павловича явный приоритет. Иначе не бродила бы по лесу, когда все вокруг было уже обшарено, в поисках пропавшего однажды любимца...

Нашла его в тайге, с разорванным животом: без сомнения, бился с полярной совой, принявшей его, наверное, или за белку, или за кролика.

Совы здесь огромные, размах крыльев — под два метра. Человек не уцелеет, если нападут! А Бобочка не испугался, не сдался, сражался, кусаясь, царапаясь: и мордочка, и лапы были у него в кровавых перьях. Досталось, видно, ночной разбойнице... Долго пришлось его выхаживать! И зажили они снова втроем — как в сказке.

Храбрый кот, не поддавшийся более жестокой, нежели мудрой, полярной сове, вершившей, как и следователи НКВД, свои черные дела в основном по ночам...

Красивый, с синими, словно васильки, глазами, Юрий Павлович, аккуратист до мозга костей («Почистимся!» — до сих пор поддразнивают его близкие), который и на Лубянке, в камере, клал брюки под матрац, чтобы «стрелки» сохранялись. Сын царского полковника, полного Георгиевского кавалера, перешедшего на сторону Советов. В трудную для Родины минуту командир Егоров повел московских красногвардейцев на Деникина и погиб в бою...

Ну, и душа семьи — высокая, статная, кареглазая Евгения Дмитриевна. «Узница Равенсбрюка и ГУЛАГа», как скажут о ней много лет спустя на мемориальной «Неделе совести» в Москве. Некто, послушав ее рассказы, уронит неосторожно:

— Да, после лагеря трудно остаться человеком...

— Кто вошел туда человеком, человеком и вышел, — твердо отвечает на эту реплику правнучка генерала Парижской коммуны. И люди не посмеют ей возразить.

А секрет оказался очень простым. Вся жизнь этой женщины прошла в полном соответствии не только с ее именем («Евгения» — означает «Благородная»), но и со словами из любимой молитвы, которую она до сих пор помнит наизусть: «Господи Владыко...»

Сколько же раз, в самых невероятных условиях, этот текст спасал ее от душевного распада, возвращал силы. Хоть и не верит Евгения Дмитриевна в какое-то конкретно существо в небесах... То, что у нее после пережитого и теперь напрочь отсутствуют — как в детстве, как в юности — чувства зависти и мести, тоже, конечно, истекает оттуда.

В совсем короткой молитве содержится всего две просьбы к Богу:

— Духа праздности, уныния, любоначала и празднословия — не даждь ми...

— Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви — даждь ми...

Что еще может добавить к этому порядочный человек?

ИЗ ПАМЯТНИКОВ ПРАВА

Если человек станет обличать под клятвой человека, бросив на него обвинения в убийстве, и не докажет этого, то обличавшего его должно убить.

Если человек бросит на человека обвинение в чародействе и не докажет этого, то тот, на кого брошено обвинение в чародействе, должен пойти к Реке и броситься в нее. Если Река овладеет им, то обличавший его может забрать его дом; а если Река этого человека очистит и он останется невредим, то того, кто бросил на него обвинение в чародействе, должно убить; бросавшийся в Реку получает дом обличавшего его.

Законы Хаммурапи, Царя Вавилона.
XVIII век до н. э.

НОГА, ЗАНЕСЕННАЯ НАД ПРОПАСТЬЮ

Когда мы встретились с писателем Вадимом Бурлаком, термометр за окном показывал плюс три градуса, снег, естественно, таял, и по улицам вовсю текли прямо-таки весенние ручьи. Вадим задумчиво посмотрел в окно и сказал негромко:

— А ведь сейчас самый разгар зимы... И мало кто отдает себе отчет, что это не просто каприз природы, а один из реальных, зримых эффектов глобального потепления на нашей планете. Так что беда не за порогом — она уже входит в наш дом.

Так началась беседа с **Вадимом БУРЛАКОМ** — основателем и президентом общественной организации «Спасем мир и природу», организации, с каждым днем получающей все более широкое признание как у нас в стране, так и за рубежом. И тем не менее первым я все же задал такой вопрос:

— Во всем мире, да и у нас в стране за последнее время создано такое множество всевозможных комитетов и ассоциаций в защиту природы, существуют, наконец, Госкомприрода, Всероссийское общество охраны природы. Так стоило ли создавать новую ассоциацию «Спасем мир и природу», не станет ли она дублировать работу уже созданных организаций?

— Вы не первый, кто задает мне подобный вопрос, так что над ответом долго раздумывать не приходится. Дело, видите ли, в том, что многие существующие природоохранные комитеты и ассоциации, как правило, ставят перед собой локальные и, подчеркиваю, природоохранные цели, у них преимущественно экологические направления. Конечно, никто из здравомыслящих людей не станет возражать против призывов спасти Арал, Байкал, Ладожское озеро или выступить единым фронтом против абсурдной идеи переброски стока северных рек. И все же, при всей своей важности, такая постановка вопроса, повторяю, локальна. Мы же в своей ассоциации смотрим на проблему гораздо шире. Она образовалась как реакция на критическую обстановку в мире. Мы рассматриваем себя как общественную лабораторию поисков решения глобальных программ выживания. Уже сложилась наша концепция, что нельзя решать, скажем, экологическую проблему отдельно от проблемы мировой войны или от проблем голода, нищеты, эпидемий.

Мы все это объединили в единую глобальную проблему выживания человечества на земле.

Эта концепция не нова. Многие ученые и у нас, и в мире пришли к ней. Но именно общественной организации, которая взяла бы на себя весь комплекс проблем, еще не было.

Ассоциация наша международная, так как сегодня экологические задачи в рамках одной страны решить нельзя. Вы все можете у себя идеально наладить, но как вы спасетесь от кислотных дождей или от

глобального загрязнения воздушного бассейна. Такие проблемы в одиночку не осилить. Тут нужны совместные усилия всех стран и всех слоев общества. Поэтому наша организация и замысливалась как союз промышленности, науки, экономики, политики, культуры и искусства. Только объединившись, можно решить проблему выживания человечества. Наша цель — от миротворчески-экологических знаний стремиться к миротворчески-экологическому сознанию.

— Все это хорошие, правильные слова, но, не обижайтесь только, мы все ими сыты по горло. Скажите, пожалуйста, а что вам реально удалось сделать и какие конкретные задачи вы перед собой ставите в будущем?

— И не подумаю обижаться на такую постановку вопроса. Я, знаете ли, тоже по горло сыт красивыми словами о необходимости защищать природу и т. д. И почему-то назойливее всего они звучали во времена застоя, когда мы просто выкручивали природе руки, обращались с ней, как варвары-завоеватели, после которых хоть трава не расти. Но это так, к слову. Теперь конспективно о том, что нам удалось сделать.

Мы занимаемся экологическим просветительством с помощью науки, литературы, искусства. Создаем промышленные предприятия, безопасные для природы. Финансируем проекты и программы, направленные на решение глобальной проблемы выживания. Разрабатываем научную концепцию выживания человечества. Выступаем организаторами экологических субботников. Объединяем и координируем деятельность десятков активно работающих в ассоциации коллективных членов, научно-исследовательских институтов, заводов, фабрик, сельскохозяйственных предприятий, кооперативных и иных общественных организаций. Опираемся на авторитет и возможности таких наших уважаемых учредителей, как Советский комитет защиты мира, государственное объединение «Энергомаш», Союз ландшафтных архитекторов, журнал «Вокруг света». Недавно заключили соглашение с известной итальянской фирмой «Бат интернейшел» о возведении всесоюзного центра «Спасем мир и природу» в Крыму. Создали совместную советско-итальянскую организацию «Спасем мир и природу». Под эгидой клуба «Путешествия в защиту мира и природы», который входит в нашу ассоциацию, проводим разнообразные акции и экологические экспедиции, такие, как «Днепр», «Азовское море», «Ангара», «Сахалин» и другие, которые помогают привлечь внимание общественности к нашим экологическим болевым точкам. Например, член нашей ассоциации — «Клуб путешествий в защиту мира и природы» из г. Ростова-на-Дону в результате проведения экспедиции по Азовскому морю смог с помощью общественности добиться закрытия доменной печи, отравляющей воздух.

Значительную работу проводит недавно созданный экологический центр «Спасем Черное море». Он разработал международную региональную программу по экологии Черноморского бассейна.

Эта организация работает в тесном контакте с правоохранительными органами — природоохранной прокуратурой Азово-Черноморского бассейна, аналогичной прокуратурой в г. Анкаре (Турция), с общественностью Варны, Бургаса, с отделением «Гринписа» в Средиземноморье и другими.

В результате активной деятельности членов этой организации (журналистов, юристов, ученых и т. д.) закрыт ряд экологически неблагополучных объектов на Крымском полуострове, проводится в жизнь программа малых рек и т. д.

Мы наладили контакт с рядом зарубежных стран, работаем над созданием межправительственных программ по защите природы. Создаем совместные предприятия и хозрасчетные подразделения нашей ассоциации. Так, уже созданы хозрасчетный научно-технический центр «Тандем», который занимается исследованиями, разработкой и внедрением новых технологий, изобретений и открытий в области экологии, научно-исследовательскими и проектно-конструкторскими работами, направленными на восстановление и сохранение русского Севера, действуют также объединения «Экотехника» и «Конверсия».

Словом, можно сказать: на сегодня сделано немало, особенно если учесть, что наша ассоциация создана не так уж и давно. Но, конечно, неизмеримо больше еще предстоит сделать. И прежде всего — в деле изучения закономерностей всех составных глобальной проблемы выживания. На мой взгляд, это одна из самых важных задач всей мировой науки. Для выживания человечества необходимо изучить взаимозависимость таких составных, как экологические катастрофы, голод, эпидемии, вооруженные конфликты, проблемы минерально-сырьевых и экономических ресурсов, космические катаклизмы, национальная и духовная деградация. Работы непочатый край.

— **А как вы относитесь к сторонникам резких кардинальных решений в области экологии?**

— Я понимаю и разделяю озабоченность людей, ратующих за кардинальные меры. И, как я уже говорил, члены нашей ассоциации нередко идут именно таким путем, но согласен с ними далеко не всегда. Надо все же быть реалистами. На кардинальные меры надо идти только в случае крайней необходимости. Ведь нередко призывы типа «закрыть», «запретить», «остановить» наносят весьма болезненные удары по и без того убогой нашей экономике. А кормиться, одеваться, потреблять энергию между тем надо всем, и от этого никуда не денешься. Поэтому, на мой взгляд, разумнее вести речь не о запретительных мерах, а о создании новых и реконструкции старых предприятий с таким расчетом, чтобы они не наносили вред окружающей среде. Пора наконец научиться считать, научиться быть рачительными хозяевами в своем же доме. Вот, например, Гидропроект предлагает за пятнадцать лет построить еще сотню новых ГЭС. А зачем? Ведь не секрет, что многие действующие ГЭС не загружены полностью. Подсчитано, что если сократить потери энергии всего на 10—15 процентов, то мы в течение нескольких лет вообще могли бы обойтись без ввода новых мощностей.

Или взять вопросы финансирования экологических программ. Правительство с трудом изыскивает из бюджета деньги на охрану окружающей среды, а между тем на счетах предприятий скопилось что-то около 60 миллиардов рублей. Но их не торопятся истратить на решение экологических проблем, хотя многие из владельцев этих счетов повинны в том экологическом кризисе, в котором оказалась наша страна. Разве это по-хозяйски? Пора, наконец, добиться такого положения, чтобы расходы на охрану окружающей среды, на выпуск оборудования для очистки воздуха и воды, на создание и внедрение природоохранных технологий в первую очередь несли те, кто загрязняет и губит природу. Нужно организовать экономику так, чтобы экологически вредное производство было невыгодным.

— Тут мы вплотную подошли к вопросу о законах и законности. У нас вроде бы нет недостатка во всевозможных законах об охране вод, недр, окружающей среды, существует много подзаконных актов и нормативных указаний, а между тем мир, в котором мы живем, от

их принятия лучше не стал. Как вы думаете, в чем тут дело, где следует искать выход из создавшегося положения?

— Конечно же, это нелепица, когда практически бездействуют правильные и нужные законы об охране природы, об ответственности за нанесение ей ущерба. А это, на мой взгляд, происходит от нашего юридического невежества, от неумения, а порой и от нежелания грамотно пользоваться законами.

Но есть случаи, когда законодательство несовершенно. Разве можно считать нормальным, что суммы штрафов и возмещений ущерба, нанесенного природе, не направлены на непосредственное восстановление загубленных лесов, рек, озер и т. д. Эти деньги взыскиваются в бюджет.

Важно серьезно задуматься над подготовкой юристов, специализирующихся на вопросах экологии. У нас таких специалистов очень мало. Мы столкнулись с такой проблемой, создавая юридическую службу у себя, так как с самого начала прекрасно понимали, сколь огромную роль в деятельности ассоциации будут играть юристы. Сейчас эта служба разрабатывает систему взаимодействия различных правоохранительных органов, готовит ряд предложений в Верховный Совет для принятия новых законов, связанных не только с экологией, но и с проблемами выживаемости человечества. И в этом направлении дело движется.

Но вот по мере того, как наша ассоциация стала развивать международное сотрудничество, мы вдруг с удивлением обнаружили, что наши юристы, можно сказать, совершенно не готовы к международному уровню работы. Поэтому мы изыскали возможность и отправили руководителя нашей юридической службы в США, чтобы он обрел необходимый международно-правовой опыт и впоследствии передал его своим коллегам.

— Вот вы сказали «изыскали возможность». Судя по этой фразе, у вас туго обстоят дела с финансами, не так ли? И вообще, из чего складывается ваш бюджет?

— Один остряк как-то сказал: «Деньги не люди, лишние не бывают». Шутка может нравиться или нет, но вот что денег всегда не хватает, тем более для такой большой организации, как наша, это реальность. Но мы с оптимизмом смотрим в будущее. Уверен, что с каждым годом человечество все больше и больше будет осознавать размеры угрожающей всем экологической катастрофы и не станет жалеть средства на то, чтобы отвести угрозу. Что же касается нас, то мы существуем за счет поступлений со стороны организаций-учредителей, а также от деятельности наших совместных хозрасчетных предприятий. Определенная часть средств поступает и от частных лиц.

— А кстати, кто может стать членом вашей ассоциации?

— Любое предприятие, любая организация и любой человек, который разделяет наши взгляды и готов работать на идею выживания человечества.

Беседу вел Петр МОРГУНОВ

убиты не при исполнении...

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО ЖУРНАЛИСТА

Лейтенанта Игоря Холостякова видели на службе в последний раз около 19 часов 17 августа 1989 года. Своему лучшему другу тоже лейтенанту Александру Сидорову он сказал, что зайдет сначала к невесте, а потом уже домой. Так и сказал: «К невесте», хотя никогда раньше не называл так Таню, милую двадцатидвухлетнюю женщину, с которой познакомился полгода назад на танцах.

Игорь с первого вечера раз и навсегда, как все делал в жизни, влюбился в Таню, стал назначать ей свидания, дарить цветы, приглашать в кино. Она охотно принимала ухаживания, но Сидорову со стороны казалось, что взаимным чувством его друг не осчастливлен. Таня, несмотря на свои молодые годы, уже успела побыть замужем и вела себя с новым поклонником заметно сдержанно.

Однажды Сидоров со своей девушкой и Холостяков с Таней поехали в лес на шашлыки. Там, улучив момент, Александр решил поговорить с избранницей друга. Сказал, что отношение Игоря к ней слишком серьезное, чтобы им можно было играть, что лучше не морочить человеку голову, если не лежит к нему душа. Таня внимательно выслушала и ответила без обиды:

— Хороший ты друг. А таких парней, как Игорь, я еще не встречала. Он чистый, добрый, самоотверженный. О таком только мечтать. Но мне еще нужно разобраться в своих чувствах...

И вот теперь Сидоров порадовался за друга, услышав: «К невесте...». Значит, у них все складывается нормально.

К Тане Игорь пришел радостный и взволнованный. В те дни у него гостил отец, офицер запаса. Он уже познакомился с Таней, и вот накануне вечером у Эдуарда Афанасьевича состоялся с сыном серьезный разговор. Отец одобрил выбор Игоря, предложил в отпуске сыграть свадьбу. Вот с этим радостным известием и пришел Игорь к Тане. В разговорах о будущем они и провели вечер. Где-то после десяти Игорь заторопился. Отец должен был уезжать наутро, и хотелось провести с ним остаток вечера.

Однако Эдуард Афанасьевич сына так и не дождался. По своему личному опыту зная, как часты у офицеров длительные задержки на службе, он поначалу не очень-то и обеспокоился. Утром оставил записку и уехал на вокзал. Думал, Игорь успеет к поезду. Сердце начало ныть, когда объявили, что через пять минут отправление. Оно совсем оборвалось, когда к вагону подошел милиционер и спросил, нет ли здесь Холостякова. А затем попросил пройти с ним в комнату дежурного по вокзалу. То, каким сочувственным голосом это было сказано, не оставляло сомнений: случилось ужасное.

Игоря Холостякова нашли утром местные мальчишки. Он лежал недалеко от проселочной дороги, окровавленный, с множеством

ножевых ран на теле. Весь вид его говорил о том, что уже убитого его долго волокли по земле. Рядом с трупом и нигде поблизости не было следов крови. Это констатировали прибывшие к месту происшествия лейтенант милиции А. Мохов и следователь районной прокуратуры О. Семенец. Позже эксперты определили: смерть наступила между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи. Вот такая трагедия.

Хоронить Игоря повезли в родной город Вожегу под Вологдой. А перед этим его провожал весь поселок, где дислоцируется воинская часть. У гроба, стоявшего в клубе гарнизона, плакали не только женщины, но и далеко не сентиментальные офицеры, среди которых было немало «афганцев». Игорь лежал в гробу олицетворением всего чистого, благородного, светлого, чего нам так не хватает в этом мире. Он и в жизни-то выглядел значительно моложе своих неполных двадцати трех лет. Смертельная бледность сделала его совсем юным. Матовую белизну лица оттеняли черные, почти девичьи скобочки бровей.

Каким он был, Игорь? Об этом я спрашивал многих в части. Люди, знавшие его, не могли вспомнить чего-либо значительного в биографии сослуживца. Да и могло ли быть иначе? Ведь он только начинал службу. У него все еще было впереди. Но все отмечали необычайно человеческий характер молодого офицера.

— Таких, как Игорь, среди наших сверстников мало, — рассказывал мне, чуть заикаясь от волнения и боли, лучший друг Холостякова лейтенант Александр Сидоров. — На фоне некоторой общей грубоватости, нигилизма, эгоистичности он резко выделялся романтичностью, бескорыстием, галантностью, верой во все чистое и светлое. Проза жизни будто и не касалась его души. Знаете, есть такие люди — как бы островки идеального в жестоком мире реальной человеческой жизни. Они кажутся несколько странными. Но без них низко бы упала планка уровня нашей общей нравственности. Вы не найдете человека, которому Игорь сказал бы хоть одно грубое слово. Я уверен, что, даже когда его убивали, он до последнего надеялся, что эти подонки опомнятся, совесть у них проснется. Иначе бы хоть одного уложил. Ведь Игорь был кандидатом в мастера спорта по вольной борьбе.

— У него было бы блестящее будущее, — сокрушался политработник части подполковник Виталий Рыжов. — Грамотный, ответственный офицер. Всегда в первую очередь думающий о солдате, потом о себе. Как солдаты его любили! Незадолго до гибели избрали комсоргом. Уж он с ними возился. И умел, и любил общаться с солдатами. Такого парня потеряли! Те подонки, которые убили Игоря, все вместе мизинца его не стоят. И вот его нет, а они живы, гуляют на свободе. Значит, выше стала с его гибелью концентрация дряни в нашем обществе.

Слушал я политработника и думал: ведь действительно — по какому-то парадоксальному закону преступный мир словно выбирает в жертвы своих антиподов — гибнут едва ли не лучшие из нас. На втором Съезде народных депутатов начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал армии М. Моисеев назвал тревожную цифру: за одиннадцать месяцев 1989 года от рук преступников погибли 53 офицера. В декабре минувшего года еще шесть офицеров стали жертвами преступного мира. В 1988 году таких преступлений было зарегистрировано всего два. В 1987 году — тоже. О причинах такого всплеска антиофицерских преступлений речь пойдет

ниже. Сейчас хочется подчеркнуть: в подавляющем большинстве погибли прекрасные люди, отличные офицеры, которых можно смело отнести к цвету нации. И эти слова не дань традиции говорить об ушедших только хорошее. Посудите сами.

В прошлом году поздним сентябрьским вечером к майору Сергею Комиссарову в трамвае пристали хулиганы. Он ехал в военной форме. Хулиганы начали оскорблять офицера, кто-то попытался сорвать с него погоны, а когда он начал сопротивляться, убили его ударом ножа в сердце. Комиссарову к тому времени только исполнилось тридцать три года. Он был научным сотрудником одного из научно-исследовательских институтов, перспективным ученым, способным принести огромную пользу государству, принципиальным и честным коммунистом, отцом троих малолетних детей...

В октябре минувшего года на Северном флоте в одном из приморских поселков тоже ударом ножа под лопатку убит двадцатисемилетний капитан-лейтенант Сергей Задоян, член КПСС, командир турбинной группы подводной лодки, недавно возвратившейся с боевой службы в глубинах Атлантического океана, неоднократно поощрявшийся за самоотверженность и мужество при выполнении ответственных заданий по защите рубежей Отечества.

В декабре минувшего года в Благовещенске два бомжа за десять рублей, которые им были нужны на выпивку, исполосовали ножами, ограбили и бросили в подъезде жилого дома на верную смерть майора Александра Шуринова, тридцати семи лет, члена КПСС, начальника связи части, отца двух малолетних дочерей.

В конце прошлого года в одном из городов Татарской АССР получил двенадцать ножевых ранений и скончался подполковник Владимир Бажанов, тридцати восьми лет, член КПСС, командир дорожно-строительной части, ведущей тяжелейшую работу по строительству дорог в глубинке. А произошло это так.

Идя по улице, Бажанов услышал похабную брань. Подвыпивший хулиган оскорблял прохожих, угрожал им. Офицер, как ему и подобает, вступился, попытался остановить распоясавшегося хулигана. Тот неожиданно выхватил из кармана нож и нанес Бажанову смертельный удар. Затем в неистовой злобе продолжал колоть уже неспособного сопротивляться офицера.

Нужно сказать, что этот трагический случай достаточно характерен. Немало офицеров погибают или получают тяжелые увечья потому, что не проходят мимо хулиганствующих элементов, проявляя гражданское мужество, устремляются на помощь унижаемым и оскорбляемым. К этому их обязывает форма, обязывает и воспитание защитника Родины, советских людей. Но если искать причины возросшего числа убийств офицеров, нужно, на мой взгляд, задуматься о другом. Лично меня всплеск антиофицерских преступлений заставляет говорить о явлении, которое в общих чертах можно охарактеризовать как удар криминогенной части нашего общества в спину Вооруженных Сил, которые его защищают. Возможно, это слишком крепко сказано, но давайте попытаемся разобраться.

Даже самый элементарный анализ убийств офицеров за последний год раскрывает картину, заставляющую о многом задуматься. Часть преступлений в чем-то напоминает случай с Бажановым. Некоторые связаны с ограблением. Есть такие, когда преступники имели целью овладение оружием. Все это не выходит за пределы общей криминогенной ситуации в стране, обострившейся в последнее время. Выяснить же мотивировку наиболее многочисленной части

нападений на офицеров, которые не входят в вышеназванные группы, значительно сложнее. В каждом конкретном случае преступления внешне спонтанные, как будто безмотивные. Но чем больше я задумывался над ними, тем отчетливей понимал: это горький плод общего падения престижа армии в обществе. А точнее — реакция той же криминогенной части общества на снижение уважения в нем самом к собственным Вооруженным Силам. В связи с этим нельзя не сказать с горечью вот о чем.

За годы гласности мы наконец смогли увидеть у себя в стране немало парадоксальных ситуаций, когда все поставлено с ног на голову. Одна из них, если называть вещи своими именами, не очень-то благодарное отношение общества к его профессиональным защитникам, несущим и в мирное время немало тягот и лишений, связанных с военной службой. Но уже в наше перестроечное время эта ситуация становится парадоксальной в квадрате. Если во всем остальном средства массовой информации, а значит, и формируемое ими общественное мнение единодушны в стремлении все поставить с головы на ноги, то по отношению к военным немалая часть прессы до недавнего времени с энергией, достойной лучшего применения, пыталась втоптать в грязь остатки уважительного отношения к людям в погонах. Причем отдельно взятые даже самые негативные публикации не подводят к такому выводу. Но, выстроенные одна за другой, они сливаются в поток односторонней информации, формирующей главным образом отрицательное отношение у непосвященного читателя к Вооруженным Силам и в первую очередь к их профессиональной составляющей — офицерам. Критика, и даже самая острая, нужна военной сфере, как и любой другой. Но если только она да еще и без хотя бы элементарной попытки анализа тех проблем, которые наплодило в армии само общество, к тому же под постоянное брюзжание, что у нас все плохо и на магазинных полках пусто, потому что армия все съела, то это не критика, а создание образа внутреннего врага, из-за которого, мол, все наши беды.

Я ни в коем случае не хочу бросить и тени подозрения на журналистов, пишущих критические материалы об армии, в злонамеренности. Но давайте зададимся вопросом: кому выгодна односторонняя гласность в отношении Вооруженных Сил, на пользу ли она делу? Нередко можно услышать в ответ на это упреки в ведомственности такой позиции. Мол, критикуют, скажем, угольную промышленность, сельское хозяйство и т. п., но к этому же никто не относится как к канонизации образа внутреннего врага. Казалось бы, логика в таком суждении есть. Но нельзя забывать, что военное ведомство занимает особое место среди многих других, так же как, скажем, милиция. Потому, во-первых, что с ним самым непосредственным образом соприкасается судьба каждого советского человека, а значит, в обществе особенно остро воспринимается все с ним связанное. Во-вторых, армия всегда на виду. Поэтому проще всего на ее представителях выместить неудовлетворенность жизнью и злобу толпы, если их еще и определенным образом подогреть. Что, собственно, и происходило и происходит. От подогреваемых некоторыми публикациями выкриков в адрес офицеров: «бездельники», «нахлебники», наиболее криминогенная часть наших сограждан перешла к физическим расправам с ними.

Выше уже было рассказано об убийстве майора Сергея Комиссарова только потому, что он офицер и был в форме. А вот недав-

ний случай. К капитану Александру Панфилову поздним вечером на улице подмосковного поселка привязались хулиганы. Выкрикивая: «Эй, ты, офицер, мы заставим тебя кланяться», начали избивать, оглушили ударом кастета по голове. Только чудом удалось Александру избежать гибели.

Тут нужно сказать, что и в этом, и во многих других случаях офицеры держались достойно. Мужественно защищали себя и свою честь. Но слишком неравны силы, когда против одного — целая группа. В этом отношении убийство лейтенанта Холостякова, о котором рассказывалось вначале, тоже показательно.

На теле офицера обнаружено четырнадцать ножевых ран. Двенадцать из них поверхностные, если позволительно так выразиться, неумелые. И только две завершающие точны и сильны — в самое сердце. Так как следствие до сих пор не закончилось, воздержусь от каких-либо версий. Но даже из сказанного нетрудно сделать вывод, что нападение на лейтенанта было групповым. Над ним долго издевались, по всей вероятности, «тренируясь» работать ножами. Завершающие удары сделал «профессионал», вероятно, закоренелый рецидивист.

Конечно, все это предположения, возможно, весьма далекие от истины. Но группы, подобные этой — гипотетической, характерны для района, где дислоцируется часть, в которой служил лейтенант Холостяков. Причем все они имеют заметную антиофицерскую направленность, при множестве других антиобщественных проявлений.

— По вечерам вокруг военного городка, — рассказал мне командир части полковник Евгений Борисович Абрамов, — бродят, собравшись в стаи по 20—30 человек, юнцы из близлежащих поселков. Подогретые спиртным, а может быть, и еще чем-то, зачастую под руководством бывших уголовников, они ищут стычек с офицерами. Только за последние два месяца минувшего года ими совершено 12 нападений на офицеров. Как правило, это были те, кто возвращался поздним вечером после дежурства. Многие получили тяжкие телесные повреждения. Командование гарнизона вынуждено было выйти с предложением к местным правоохранительным органам сформировать совместные армейско-милицейские патрули для обеспечения безопасности военнослужащих на улице. Но эффект это дало пока небольшой, так как явление слишком массовое.

— Ситуация чрезвычайная, — поделился со мной своим мнением секретарь партийной организации подразделения, в котором служил Холостяков, капитан Петр Коледюк, — но закономерная. Социальное унижение офицеров дошло до такой критической точки, которая вызвала явление «заулюлюкивания». И дело не только в тенденциозно-негативной направленности некоторых выступлений печати об армии и офицерах. Хотя и это важно. О каком уважении к офицеру можно вести речь, если он у родителей тех же юнцов, которые бродят вокруг части, вынужден снимать угол для семьи и терпеть немалые унижения, лишь бы только не выгнали. Мне как секретарю партийной организации доводилось разбираться с такими случаями, когда сынки хозяев, пользуясь отсутствием офицеров, находящихся на боевом дежурстве, оскорбляли их жен, предлагали сожительство. А попробуй прими решительные меры, вообще офицеров на квартиры пускать не будут.

Да, это тот один из многочисленных случаев, когда социальные и криминогенные аспекты сходятся в единой точке. Лейтенант Хо-

лостяков вынужден был снимать себе угол в нескольких километрах от воинской части. Можно с достаточной долей уверенности сказать, что если бы он мог жить в общежитии на территории военного городка, то не было бы у него необходимости идти через лес проселочной дорогой, возвращаясь от невесты. И вряд ли у него бы состоялась встреча со своими убийцами. Конечно, это не исключает того, что в их поле зрения не попал бы кто-либо другой. Но в данной ситуации — что есть, то есть. И сбрасывать со счетов этот аспект, видимо, не следует.

Но вернемся к причинам антивоенных и, в частности, антиофицерских настроений в обществе. В последнее время, на мой взгляд, даже те средства массовой информации, которые наиболее тенденциозно освещали проблемы армии и флота, заметно изменили тон своих выступлений о Вооруженных Силах. Стало больше объективных публикаций о социальной незащищенности офицеров и их семей, о тяжелых условиях службы, делаются серьезные попытки найти решение накопившихся в армии и на флоте проблем. Но сказанное раньше далеко не всегда взвешенное слово до сих пор дает свои горькие плоды. И это лишний раз заставляет задуматься о силе прессы, а значит, об ответственности журналистов за точность, взвешенность, потенциальные последствия своих публикаций.

Я служу в Вооруженных Силах двадцать два года и хорошо помню времена, когда молодой человек, не прошедший армию, вызывал у людей не очень-то уважительные чувства. Армейская школа считалась обязательной для настоящих мужчин. И воин был окружен искренней любовью и уважением народа. Особо уважительное отношение испытывали на себе офицеры, которые, по сути дела, всю свою сознательную жизнь посвящают защите Родины — делу, издревле считавшемуся на Руси самым мужественным и почетным. На бытовом уровне это проявлялось в мелочах: в уважительном обращении на улице к любому офицеру «товарищ командир», в стремлении искать у них помощи в трудных ситуациях... Сейчас по собственному опыту знаю, как часто где-либо в общественном месте в адрес офицера можно услышать злобные выражения, по поводу и без повода упреки и даже угрозы. Раньше офицеры гордились своей формой, сейчас некоторые стараются носить ее только на службе, не показываться в ней, как говорится, на люди.

Конечно, было совершенно несправедливо обвинять в изменении отношения к военным только антивоенный настрой некоторой части прессы. Тут сыграла немаловажную роль и начавшаяся в застойные годы переориентация социально-нравственных критериев в обществе, когда престижными становились те профессии, которые давали возможность максимально получать при минимальных затратах труда и энергии. И воинская профессия все больше теряла свой романтический и патриотический ореол. Безусловно, нужно сказать и о снижении уровня самого офицерского состава, уменьшении в нем концентрации таких важнейших качеств, как дисциплина, ответственность, достоинство поведения, самоотверженность, честь. Это тоже сказалось на авторитете армии. Но причины причинами, а нужно думать, как поправлять дело. Надеюсь, у журналистов достанет мудрости не противопоставлять армию обществу, адекватно отражать негативные и положительные стороны Вооруженных Сил, искать пути перестройки в них, помогать перестраиваться. Убежден, время сейчас такое, когда армия должна сама

уметь защищаться от клеветы и очернительства, привлекая к ответственности через суд своих недобросовестных летописцев. Конечно, меня могут обвинить опять-таки в защите ведомственных интересов, в особом выделении из общей криминогенной ситуации в стране некоего антивоенного аспекта. Но, думаю, когда военные нуждаются в защите, можно и нужно говорить о какой-то серьезной болезни всего общества.

Рискуя показаться банальным, все же повторю общеизвестное. Защита чести и достоинства армии не ведомственное, а общенародное дело. Что бы ни болтали доморощенные пацифисты, мы еще живем в такое время, когда без мощных Вооруженных Сил невозможно сохранить полноценную государственность. Сейчас часто стали кивать на Соединенные Штаты, ища там пример. Что ж, давайте посмотрим, как эта одна из наиболее демократических стран лелеет и пестует свои вооруженные силы. Думаю, у каждого читателя найдется в памяти немало примеров этому. Приведу лишь один, касающийся правовой защищенности военнослужащих. В США законодательно закреплено, что убийство офицера является отягчающим вину обстоятельством. Следственные органы нацелены на стопроцентную раскрываемость подобных преступлений, ибо тут речь идет об одном из столпов государственных устоев. Скажем, когда в прошлом году в штате Кентукки был убит офицер ВВС, на расследование была брошена бригада из шести следователей. Через три дня преступник был задержан.

А теперь посмотрим, как дело обстоит у нас. Из нескольких десятков убийств офицеров в прошлом году далеко не все случаи увенчались поимкой преступников. Этими делами по установившейся практике занимаются территориальные правоохранительные органы. И без того перегруженные сверх меры, они, судя по всему, имеют очень мало возможностей вести их эффективно. Военные же прокуратуры не уполномочены заниматься расследованием подобных преступлений.

Вернемся к убийству лейтенанта Холостякова. Его расследованием занимался следователь районной прокуратуры О. Семенец, затем оно было передано следователю той же прокуратуры А. Лакоченину. К тому времени, когда я знакомился с этим делом, после убийства прошло полгода. А на выходе следствия — почти нулевой результат.

Я далек от мысли обвинять в чем-то следствие. Но его неэффективность не может не тревожить, тем более что случай этот далеко не единичный, скорее характерный.

Но что же делать? Есть ли противодействие произошедшему всплеску убийств офицеров? Об этом мне довелось беседовать в самых разных инстанциях. В МВД СССР сказали, что расследование подобных преступлений проводится по линии Прокуратуры СССР. Руководство следственным управлением Прокуратуры СССР порекомендовало обратиться к старшему прокурору организационно-методического отдела Светлане Михайловне Пилецкой как специалисту в этой области.

— Какой-либо статистики убийств офицеров, а значит, и анализа мы никогда не вели, — сказала Светлана Михайловна. — В том не было необходимости. Ибо никогда раньше не существовало проблемы преступлений против офицеров. Впервые мы услышали о том, что она обозначилась, с трибуны Съезда народных депутатов из

уст начальника Генерального штаба. Безусловно, Прокуратура СССР озабочена такой ситуацией и принимает меры.

Озабочены неожиданно возникшей проблемой и в Главной военной прокуратуре. Вот мнение по этому поводу заместителя начальника следственного управления ГВП полковника юстиции Анатолия Павловича Короткова:

— В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством органы военной прокуратуры расследуют преступления, совершенные военнослужащими либо другими лицами на территории воинских частей и закрытых городков. В тех же случаях, когда жертвами становятся военнослужащие от преступлений, совершенных гражданскими лицами, следствие проводится территориальными прокуратурами. Тем не менее нередко в таких случаях и мы выделяем оперативных работников для участия в совместном расследовании преступлений. Например, в Ленинграде недавно в подвале жилого дома был обнаружен труп флотского офицера со следами насильственной смерти. Сразу же совместно с работниками территориальной прокуратуры к расследованию этого дела подключились два следователя военной прокуратуры. Главная военная прокуратура, конечно, очень озабочена всплеском антиофицерских преступлений. В связи с этим наше руководство приняло решение постоянно координировать усилия с другими правоохранительными органами в борьбе с тревожной тенденцией. А вообще-то эта проблема заслуживает пристального внимания законодательных органов. На мой взгляд, целесообразно ввести в уголовное законодательство положение, предусматривающее, что убийство офицера, так же как и работника милиции, является отягчающим вину обстоятельством. Кроме того, считаю, что необходимо решить и такой вопрос. Офицеры — профессиональные военные. И их личное оружие должно находиться всегда при них, как это практикуется во всех армиях мира. Это бы отрезвило многие горячие головы. И над этим вопросом следует задуматься Министерству обороны СССР.

— Видимо, более действенные меры,— считает заместитель начальника отдела Генерального штаба полковник Анатолий Ильич Шалимов,— следует принять и командованию частей, дислоцирующихся в районах, где наиболее обострилась криминогенная ситуация. Речь идет об установлении теснейших контактов с органами МВД, организации совместного патрулирования для обеспечения порядка в населенных пунктах. Не менее важно в таких районах в первую очередь решить проблему жилья для офицеров хотя бы путем строительства общежитий, чтобы исключить ситуации, подобные той, которая сложилась в гарнизоне, где служил лейтенант Холостяков.

Ну, что ж, проблема вскрыта, на нее обращено внимание в ответственных инстанциях. А это уже первый шаг к ее решению. Теперь нужны конкретные действия. Их оперативности настойчиво требует жизнь. Пока этот материал готовился к печати, в Генеральный штаб поступило еще немало сообщений об убийствах офицеров. Тревожная ситуация, как видим, обостряется.

С. ТУРЧЕНКО,
капитан 2-го ранга

КОММЕНТИРУЕТ ПРЕСС-ЦЕНТР МВД СССР

**Рубрику ведет полковник внутренней службы
кандидат юридических наук Б. МИХАЙЛОВ.**

В настоящее время под контролем органов внутренних дел находится более 230 тысяч складов и других мест хранения, в том числе с огнестрельным оружием около 157 тысяч, пять тысяч складов взрывчатых материалов. Кроме того, на учете в органах внутренних дел состоят 3,2 млн. владельцев, имеющих в личном пользовании 3,6 млн. охотничьих ружей.

Проводимые МВД СССР и его органами мероприятия по упорядочению работы с владельцами огнестрельного оружия, изъятию его у лиц, злоупотребляющих спиртными напитками, страдающих психическими заболеваниями, нарушающих общественный порядок, способствовали тому, что в стране сложилась устойчивая тенденция к сокращению числа преступлений с применением гладкоствольных ружей.

С 1976 по 1988 год за различные нарушения было изъято у граждан более 2 млн. ружей и добровольно сдано населением в органы внутренних дел 1,2 млн. охотничьих ружей.

До 1987 года обеспечивалось также постоянное снижение числа краж оружия. В 1988—1989 годах по сравнению с 1987 годом количество таких преступлений увеличилось.

В условиях осложнения оперативной обстановки в стране МВД СССР в 1989 году осуществило ряд организационно-практических мероприятий, направленных на профилактику хищений огнестрельного оружия, взрывчатых материалов, попадания их в руки экстремистов, лиц, склонных к совершению преступлений, обеспечение их надежной сохранности.

События, происшедшие в связи с обострением межнациональных конфликтов в ряде регионов страны, заставляют со всей остротой поставить вопросы развития и совершенствования службы разрешительной системы МВД, значительного повышения эффективности использования ее возможностей в профилактике массовых хищений оружия и боеприпасов. Как известно, в руки экстремистов попали тысячи единиц огнестрельного оружия, сотни тысяч единиц боеприпасов, тонны взрывчатых веществ, большое количество средств взрывания.

Только в июле 1989 года на территории Абхазской АССР преступниками было захвачено 5069 кг взрывчатых веществ, 4840 единиц огнестрельного оружия, из них 444 — нарезного.

Для раскрытия этих преступлений были созданы оперативно-следственные группы, в которых принимали участие более 100 сотрудников уголовного розыска. К концу года изъято свыше 1600 кг взрывчатых веществ, около 2400 единиц огнестрельного оружия, в том числе свыше 400 — нарезного. По фактам хищений, незаконного ношения, хранения огнестрельного оружия и взрывчатых веществ возбуждены уголовные дела, по ряду из них материалы направлены в суд.

В Армении и Азербайджане в январе текущего года в общей сложности были захвачены тысячи единиц огнестрельного оружия, более 20 тонн взрывчатых веществ, большое количество средств взры-

вания. По состоянию на 15 февраля изъято у населения и сдано в органы внутренних дел 3,7 тысячи единиц оружия и более 600 кг взрывчатых веществ. Принятые решения о сдаче захваченного оружия не нашли должного отклика у ряда руководителей неформальных организаций. При этом следует иметь в виду, что в Азербайджанской ССР в ноябре 1989 — январе 1990 года часть ранее собранного охотничьего оружия (39 тысяч единиц) была возвращена владельцам по решениям райисполкомов. В связи с обострением межнациональных отношений активизировали свою деятельность уголовные элементы, которые, захватив оружие, совершают убийства, грабежи и насилие, усложняя тем самым и без того непростую обстановку в регионе.

Много оружия и боеприпасов похищают несовершеннолетние. Ими неоднократно совершались кражи из склада одной из войсковых частей Бурятской АССР, где похищено более 500 гранат, зарядов, снарядов и взрывателей различных типов. Учащимися школ г. Самарканда совершена кража из склада войсковой части гранатомета и 10 гранат к нему, трех осветительных ракет и 1080 патронов к автомату Калашникова. В г. Кишиневе из бронетранспортера похищено пять коробок с 1250 патронами.

Иногда похищенные боеприпасы становятся причиной тяжких последствий. Два местных жителя пос. Малое Исаково Калининской области, подобрав похищенные подростками из автомашины одной из войсковых частей взрыватели к реактивным снарядам «Град», пытались разобрать один из них. В результате взрыва оба получили тяжкие телесные повреждения.

Одним из каналов приобретения оружия преступниками являются места боевых действий в годы Великой Отечественной войны. Так, трое жителей Туапсинского района Краснодарского края нашли 14 стволов огнестрельного оружия и большое количество боеприпасов. Найденное оружие они продавали лицам, проживающим в Армянской ССР. По данному факту возбуждено уголовное дело и проводится расследование.

Неблагополучное положение с сохранностью оружия сложилось в общеобразовательных школах. В стране насчитывается более 60 тысяч школ, имеющих помещения для его хранения. Из них ежегодно совершается около 40 процентов краж оружия.

Органами народного образования медленно внедряется опыт создания централизованных пунктов хранения оружия на базе межшкольных учебных комбинатов, стрелковых тиров, клубов ДОСААФ.

Представляется, что сокращению числа хищений огнестрельного оружия из школ способствовали бы замена его на пневматическое, проведение практических стрельб из малокалиберных винтовок по программам начальной военной подготовки, сосредоточение спортивно-массовой, военно-патриотической работы в спортивно-оздоровительных лагерях, стрелково-спортивных клубах и тирах ДОСААФ.

Вызывают тревогу участвовавшие факты хищения оружия в подразделениях военизированной охраны. Одной из причин сложившегося положения является то, что в военизированную охрану часто принимаются инвалиды, пенсионеры, которые, по сути дела, не могут качественно нести службу.

Из числа лиц, привлеченных к ответственности за хищение оружия, 31 процент — ранее судимые, 23,6 процента — несовершеннолетние, 32 процента — совершали преступления в группах. В ряде регионов страны эти показатели значительно выше.

Устойчивую тенденцию роста имеет количество преступлений против личности, совершенных с применением огнестрельного оружия. Совершенно очевидно, что оружие в руках преступника всегда создает повышенную общественную опасность, оборачивается особо трагическими последствиями.

Проводимые на местах проверки свидетельствуют, что у населения незаконно хранится значительное количество гладкоствольного оружия, в том числе у ранее судимых, пьяниц, душевнобольных, а работа по его изъятию по-прежнему нуждается в улучшении. Того же требует и необходимость усиления сохранности оружия, имеющегося в пользовании государственных и общественных организаций, учреждений.

Основным источником поступления оружия к преступникам является его хищение. На первое января 1990 года в розыске находится 651 автомат Калашникова, более двух тысяч пистолетов Макарова, свыше трех тысяч единиц иного нарезного оружия.

Вызывает беспокойство и то обстоятельство, что оружие, выданное тем или иным лицам на законном основании, становится бесконтрольным и используется недобросовестными людьми в неблагоприятных целях. Так, 6 февраля на окраине г. Черкассы Украинской ССР в автомашине «Нива» с огнестрельными ранениями обнаружены три трупа. В результате принятых оперативно-поисковых мероприятий по «горячим следам» был задержан житель г. Кировограда, у которого изъят пистолет Марголина. Установлено, что задержанный, работая инструктором парашютной службы в Кировоградском высшем летном училище гражданской авиации, еще в ноябре 1989 года получил для учебных целей указанное оружие и, пользуясь бесконтрольностью, будучи связанным с мошенниками-гастролерами, занимавшимися скупкой и перепродажей автомашин, совершил тяжкие преступления.

В последнее время органами внутренних дел обезврежен ряд опасных преступных групп, совершивших серии тяжких преступлений, в том числе многочисленные умышленные убийства, с использованием огнестрельного оружия на территории Новосибирской, Горьковской, Черкасской, Ленинградской областей, некоторых автономных республик и других регионов. О многих из них уже сообщалось в средствах массовой информации.

С учетом имеющегося опыта представляется необходимым принять действенные меры по профилактике хищений оружия и боеприпасов, взрывчатых материалов, особое внимание обратив на обеспечение их сохранности в условиях обострения ситуации в том или ином регионе, а также при введении чрезвычайного положения. К этой работе необходимо привлечь заинтересованные министерства и ведомства, ЦК ДОСААФ, правоохранительные органы.

В печати активно дискутируется вопрос о разрешении продажи огнестрельного оружия населению. Самый свежий аргумент — защита имущества и обеспечение безопасности жизни людей от преступных посягательств. Приводятся «положительные» примеры других стран, в частности США. Но при этом забывается, что доступность оружия является в этой стране основной причиной гибели людей. Еженедельно там в результате применения оружия погибает до 400 человек.

За последнее время активизировалась деятельность антиобщественных элементов, совершающих нападения на работников органов внутренних дел с целью завладения оружием.

Основным условием, способствующим совершению хищений оружия, является беспечность многих руководителей предприятий, учреждений и организаций, которые не принимают действенных мер к обеспечению его сохранности, не решают вопросов оборудования оружейных комнат надежными средствами сигнализации и передачи их под наблюдение подразделениям милицейской охраны.

В 1989 году организована и проведена Всесоюзная операция «Арсенал» по изъятию незаконно хранящегося оружия, боеприпасов, взрывчатых материалов, выявлению нарушений правил их хранения и использования. В ходе мероприятий было изъято и добровольно сдано населением 14,5 тысячи единиц огнестрельного оружия, около одной тысячи единиц холодного оружия, 350 тысяч штук различных боеприпасов, 30 кг взрывчатых веществ и 1,2 тысячи штук электродетонаторов. Выявлено более трех тысяч нарушений правил хранения оружия, большая часть которых была устранена в ходе операции.

В целях предупреждения хищений огнестрельного оружия МВД СССР совместно с другими министерствами и ведомствами наметили и осуществляют совместные мероприятия. Среди них:

- сокращение числа имеющегося оружия на предприятиях и организациях различных ведомств. Предусматривается пересмотреть штатную положенность оружия в подразделениях военизированной охраны;

- ограничение выдачи разрешений на приобретение нарезного оружия калибра 7,62 мм, охотничьих патронов ОПСКС, ОСК-88, КО-44, изготавливаемых на базе армейских образцов, индивидуальным владельцам;

- повышение уровня технической укрепленности хранилищ с оружием, оснащение их средствами охранно-пожарной сигнализации;

- активизация оперативно-розыскной деятельности по установлению лиц, занимающихся вымогательством, экстремистских элементов, провоцирующих межнациональные конфликты, массовые беспорядки, по выявлению и изъятию у них оружия.

Предусмотрена и комиссионная инвентаризация оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в Советской Армии, внутренних и пограничных войсках, правоохранительных органах, министерствах и ведомствах.

Целесообразно было бы дополнить статью 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик еще одним обстоятельством, отягчающим ответственность, — «совершение преступления с использованием оружия», а также пересмотреть меры наказания за хищение огнестрельного оружия и боеприпасов, их незаконное ношение, хранение, приобретение или изготовление, а также небрежное хранение, создавшее условия для использования этого оружия другими лицами.

На базе Главного информационного центра МВД СССР следует создать единый учет похищенного, утраченного, добровольно сданного огнестрельного оружия Министерства обороны СССР, КГБ СССР, правоохранительных органов, других министерств и ведомств страны.

Намечено осуществить и другие меры организационного, правового и оперативно-розыскного характера.

В Москве прошел **СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ СЕМИНАР**, на котором состоялся обмен мнениями по проблемам формирования правового государства между заместителями министров юстиции США и СССР Д. Айером и Н. А. Осетровым, представителями МИД

СССР, а также видными учеными-юристами двух стран. Особое внимание было обращено на такие вопросы, как конституционное законодательство, принцип разделения властей, федерализм.

РОМАН

Полковник осторожно взял конверт, осмотрел — обычный канцелярский конверт, каким пользуется миллион московских контор. Надо составить акт о приемке денег и отдать купюры и конверт экспертам.

— Это не мои деньги, это не может быть, чтобы у меня оказались такие деньги, вы понимаете, Вячеслав Иванович? — повторял Малышев. — Слушайте, за что они убили Галю?

— Я не знаю, — со вздохом ответил Быков, — пока не знаю, Ким Анатольевич. Где вы нашли эти деньги, где именно?

— В кухне. За плитой. Там идет труба. Ну, нормальная газовая труба. И вот за эту трубу был засунут конверт. У меня упали спички. Под плиту. Я не полез под плиту, я просто наклонился, чтобы заглянуть за плиту, где они там валяются, эти спички... И увидел конверт.

— Как он попал туда, догадываетесь?

— Мать сказала, приходил газовщик. Была женщина из собеса, ну, эта новая служба... Была соседка.

— Ваша мама могла бы опознать газовщика?

— Она его не видела.

— Кто же открыл дверь?

— А никто. У нас дверь не запирается, только на ночь, когда я дома, иначе в квартиру никто не попадет. Мама больна болезнью Паркинсона, так что...

— Я понимаю, но как же можно не закрываться? Это опасно!

— Иначе не войдут ни соседка, ни врачи, ни Наташа из собеса, а без их помощи... Воров я не боюсь. Деньги, какие есть, ношу с собой. Ценностей не держим. Есть, конечно, дорогие вещицы, но они дороги только нам... И район у нас спокойный. Ей-богу, дальше нас только кольцевая.

— Вот вам бумага, — вздохнул Быков, — пишите, а я выйду ненадолго.

Информация, которую ждал Быков, обескуражила его. Чернов и Воздвиженский мирно гуляли по Цветному бульвару, потом обедали в кафе на Кропоткинской. Расплачивался Чернов. Несколько раз Чернов куда-то звонил из автомата. Сейчас Чернов и Воздвиженский находятся в кооперативе «Здоровье» — цель их визита проясняется.

— Что они задумали? — спросил Быков дежурного офицера. — Зачем Воздвиженский предпринял странный обходной маневр?

Дежурный офицер улыбнулся и пожал плечами.

Оставшись один, Быков пытался понять, кто с кем, кто против кого и почему в этом странном сообществе под названием «Эллада».

Позвонила майор Левченко:

— Учитель математики Максимов никогда не работал в других школах. Чернов в сто двадцать второй не учился. Они не знакомы. Я допросила Максимова, завтра утром он будет у вас, повестку я вручила. Веры Максимовны Гурьевой нет ни дома, ни у родителей. Участковый побежал разыскивать ее отца. Я хочу допросить ее мать.

— Подожди. Поезжай домой, Валя, десятый час...

22

По радио предсказали дальнейшее похолодание и заморозки на почве. Вера заехала к себе за плащом и сапожками. В ее квартире было темно, но она сразу разглядела на тахте мощную фигуру лежащего отца. Он спал. Вера решила тихо собраться и поскорее уйти, пока он спит.

На кухонном столе стояла пустая коньячная бутылка и фужер. Вера бросила бутылку в ведро, фужер вымыла и уже хотела поставить его в сервант, как услышала из комнаты голос отца:

— Это ты? Где ты шляешься? Почему не на работе?

— Добрый вечер, папа. Я на больничном.

— А где ночуешь? У сожителя?

Вера обиделась. В конце концов они тянут с регистрацией только из-за упрямства отца, ему, видите ли, кажется, что Гриша не достиг потолка, когда можно жениться.

— Если угодно, — холодно ответила она, — у своего гражданского мужа, — и тут только подумала, отчего на кухне оказался один фужер. Покупая эту квартиру дочери, Максим Максимович оговорил для себя право встречаться здесь со своими деловыми партнерами. Естественно, не каждого повезешь в хоромы, которые он сотворил для себя и матери. Вера сама старалась бывать там пореже. Уходила, задавленная сознанием, что бьющая в глаза роскошь в один страшный момент может... нет, есть вещи, о которых лучше не думать.

— А мы все в гражданском браке нынче состоим, — с едким смешком проговорил отец. — Кто теперь венчан? Так что не может быть товарищ Горохов твоим гражданским мужем, в мэрию вы не ходили... Сожитель он тебе. Вот о нем я и хочу с тобой поговорить.

— В чем дело? — Вера испугалась. Ведь бюллетень, если честно, она взяла после встречи с милиционершей в школьной канцелярии. И была, очевидно, права, потому что милиционерша развила ужасную активность — спрашивала у всех подряд про кооператив «Эллада».

— Меня вызывают в КГБ, тьфу, чтоб не накаркать, в МВД, — поправился Максим Максимович. — И организовал мне эту радость твой миленок. Наследил Гришенька там, где не следовало. Дурак, любое дело надо с умом делать, а не на хапок. Говорил ему, сначала инсценировка, потом доказательства... Но это тебя не касает-

ся. Короче говоря, голубка, ты с ним прощайся. Придется Гришке платить сполна.

— Сколько? — сурово спросила Вера. Она плохо понимала отца и думала, что он, должно быть, изрядно пьян, несет, что в голову лезет, но какой-то смысл в его речах есть.

Максим Максимович желчно рассмеялся:

— Сколько? Побежишь бриллиантики в ломбард закладывать? Не поможет. У Гришкиного долга денежного выражения нет. Но если ты хочешь ему помочь, скажи только одно: «Беги, родимый, не то пришьют тебя, чтобы помочь милиции дело закрыть. Пришьют, убийство Ламко на тебя повесят, потому что получается так по-дурацки, выпутываясь, ты, милочка, запутался».

— Папа, какая чушь! Ты пьян!

— Нет, детка, я встревожен... — вдруг совсем иным тоном проговорил Максим Максимович, и у Веры сжалось сердце. Иди, сядь рядом, а то стоишь там, как чужая. А ближе тебя у меня и нет-то никого. Да разве я так когда-нибудь поговорю с мамой? Она со страху еще и разведется на старости лет. А ты... ты умница.

Вера растроганно тронула отцовскую руку, села рядом, зажгла бра над тахтой, но страх подозрений держал ее в напряжении. Отец поник головой. Рисовался он при этом или нет, Веру не занимало.

— Я ничем не могу помочь твоему Горохову. А мне сейчас никак нельзя в передрагу. Поэтому пусть он лучше бежит, хочешь, беги вместе с ним, но обязательно сообщи мне, где вы прячетесь. Надо выиграть время, детка. Видишь ли, у нас ведь существует соглашение, по которому преступника надо выдавать. Я должен уехать чистым.

— Папа, я ничего не понимаю...

— Почему, Верунчик? Неужели не ясно тебе, что здесь мне больше делать нечего? — голос отца был удивленным, а лицо странно отрешенным, взгляд отсутствующим.

«Неужели он решил рвануть? — холодея, догадалась она. — А как же мама? Как же я?»

— Лапочка моя, ты увидишь сады Семирамиды... Здесь их еще долго будут строить, а жизнь коротка. Все, что я мог сделать здесь, я сделал — деньги отмыты. Так что во имя чего мне еще тут, как они говорят, жить и работать? Деньги отмыты и даже переправлены. Они сделали глупость...

— Кто, папа?

— Не перебивай, слушай, иначе вовсе ничего не поймешь... У них не было выбора. И они придумали кооперативы, чтобы мы, которых они называли деятелями теневой экономики, стали легалами. Ведь все равно мы правили бал. И они поняли: бороться бесполезно, проще пойти на сотрудничество. Худосочные соцпредприятия себя достаточно показали, разве нет, Верочка? — Максим Максимович тоненько засмеялся, и от его смеха Вере стало очень страшно. Голос отца будто гипнотизировал, его слова парализовывали. Давно понимая, что стоит за тем, что имеет семья, Вера всегда чуралась открытых разговоров о том преступном, что окружало жизнь отца. Он любил бравировать, он бывал беспощадно циничен, как сейчас, словно никогда не боялся ни за себя, ни за близких, но они-то боялись за него, хоть и заставляли себя верить в его неуязвимость и суперосторожность.

— И как ты думаешь, Верочка,— он вдруг взял ее руку в свою,— Гришка и его патрон, этот дурак-чиновник, марионетка в моих руках, как они налаживали дело? На это надо жизнь ухлопать, а им понадобился квартал, чтобы раскрутить такое предприятие, как «Эллада». Я им дал все. Цеха и деньги. Но, прежде чем дать, я должен был иметь. Логично? Логично, я спрашиваю тебя, дочь моя?

— Да...— выдавила из себя Вера.

— А как я завел двадцать — двадцать пять лет тому назад эти цеха и деньги? Кто их мне дал? Кто позволил построить, сработать, а? Откуда они у меня очутились? Догадалась? Хочешь, чтобы это все теперь стало известно?

— Папа, но при чем тут Гриша? Он помогал тебе, я знаю, как самый преданный... работал на тебя, как раб! Нужно его было делать председателем, а не этого тупого идиота Арбузова!

— Кого? Нищего студента? Надеюсь, Вера, ты не так наивна. Так вот, ни я, ни Арбузов, ни Гришка никого не убивали. Ламко, конечно, была не подарок, но не таких заламывали, и с ней бы со временем справились. Не кнутом, так пряником. Она мне, кстати, сорвала выход «Эллады» на внешний рынок. А получилось бы, будь она жива, мурлыкала бы как довольная кошка, катаясь в Париж и в Вену. Я бы ее в школу менеджеров или на курсы Кардена... И была бы она на все во всем и со всеми согласна. Ах, как мне ни к месту эта история, знала бы ты! — сокрушенно вздохнул Максим Максимович. — Гришаня твой это понял. Но, как говорится, заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет. И придется его убирать. Или пусть прячется. Если его возьмут, все... А я завтра поверчусь там, как уж в тавоте, не бойся, вывернусь. Хотя столько Гришка глупостей наделал, столько глупостей!..

— Папа, спаси его!

Максим Максимович отстранился от простертых к нему рук дочери:

— А что ты за него цепляешься? — вдруг спросил с издевкой. — Он унизил тебя до положения любовницы!

— Но ты же...— оторопела Вера.

— А может, я его проверял? Проверял чувства, а? Да я тебя там за лорда выдам! Миледи будешь!

— У них там,— усмехнулась Вера, вставая,— действует принцип трех «р» — респонсибл, респектебл и еще не помню что. А у тебя, значит, сформулировались три «М»: отец был милитопольский колхозан, сам — миллионер подпольный, а дочь — миледи с импортной фамилией... Неплохо! — и Вера, забыв и про плащ, и про сапожки, выбежала из квартиры.

Когда хлопнула входная дверь, Максим Максимович довольно улыбнулся: она сделает все, как надо. Особенно, если хорошенько обмозгует свое собственное положение на данный критический момент. А что еще в кризисной ситуации более компрометирует, чем уход в бега? Но об этом они с Гришей не задумаются...

Воздвиженский вернулся домой почти успокоенный. Через неделю он будет работать в «Здоровье», нужно несколько дней, чтобы правление лечебного кооператива утвердило новую ставку юрисконсульта. И сам там подлечится. Хирург его уже осмотрел. Ничего

серьезного не нашел. Умело били, только устрашая... А боль снял укол анальгина.

В квартире его удивил густой запах валерианки. «Флакон разбили, наверное», — подумал Вадим Федорович. Было так тихо, что Вадим Федорович решил: дома никого нет.

— Вадим, — раздался не то зов, не то стон жены.

Он быстро распахнул дверь спальни. Сноха, белая, с остановившимися глазами, лежала одетая на их кровати поверх одеяла. В ее ногах, обхватив голову руками, неестественно скрючившись, сидела жена.

— Что такое? — у Воздвиженского упало сердце, неужели им что-то стало известно? Что?

— Настю... Настеньку... — угадал Вадим Федорович тихое лепетание невестки. — Настю...

— Настю увезли... С прогулки, в детсаду... — рыдая проговорила жена.

Какое дикое, запредельное вероломство! Воздвиженский вспомнил помертвевшее лицо Арбузова, его призыв обоюдно забыть все... Они обманули... Грозили убить жену, а нанесли удар с другой стороны. Под ногами Вадима Федоровича, казалось, закачался пол, он взмахнул руками, чтобы удержаться, схватился за притолку. И тут опять нахлынул утренний кошмар: это они же, серые, безликие, надругались над малышкой... Он боялся себе представить это. Он гнал от себя видения, но они вспыхивали в мозгу отчетливые до деталей...

Его стал бить озноб.

— Где Константин? — спросил о сыне.

— На Петровке. Мы искали тебя... Где ты был?

Он не ответил, сел на постель рядом с женой. Кулаки сжались от ярости, бессилия и страшного неведения. Из груди вырвался натужный стон. Невестка вздрогнула. Тамара громко с причитанием зарыдала. А он все отчетливее понимал, что ничем, совершенно ничем не может помочь. Зачем поверил этим негодяям? Почему старый, опытный, профессионально мыслящий человек сразу же, утром, не пошел к Быкову? Какое затмение на него нашло? Они бы уже все сидели! Они даже не успели бы подумать о Насе! Костя на Петровке — это хорошо, Быков получит ориентировку, увяжет события... Но девочку надо искать. Вряд ли милиция способна действовать быстро, усомнился он.

— Группа гуляла... — тихо заговорила Наташа. — Эти воспитатели, сволочи, говорят, что ничего не видели... Потом повели детей на полдник, а Наси нет. Искали, звали, по улице бегали... Расстрелять их всех!

— Мне надо позвонить, — быстро проговорил Вадим Федорович. «Не искупить мне вины перед Настенькой...»

Никак не набирался номер. Руки не слушались. Ответили сразу.

— Саша? У меня беда. Кроме вас, боюсь... Исчезла моя внучка.

— «Эллада» веселое местечко, не так ли? — ответил Чернов. — Надо искать Горохова. Это его работа. Ребенка он, конечно, увез из Москвы.

Вадим Федорович легко поверил Чернову. Око за око, зуб за зуб. Если даже не сам Горохов, его люди мстят. Да, надо искать этого висельника. Но где?

— Я с ума сойду...

— Мужайтесь. Мы тоже кое-что умеем. Где мы увидимся?

Воздвиженский на минуту задумался.

— Мне придется поехать за машиной,— снова заговорил Чернов.— Это за городом. Но через полтора часа я буду у вас. Продержитесь?

— Через полтора часа? Вам надо за город? — повторил Вадим Федорович.— Саша, я тоже не хочу терять времени. Может быть, нам есть смысл встретиться возле магазина «Все для дома» — это на развилке Новорязанского? Если вам удобно, конечно.

— Хорошо. Только не берите такси. Раскошесьте на частника. А я буду за рулем черной «Волги». И больше, прошу вас, не двурушничайте.

— Мне нужно ехать,— решительно заявил Вадим Федорович жене. Та только головой затрясла.

— Мне нужно,— с нажимом повторил он.— Главное не волнуйся и надейся. Молись,— добавил он, сам не зная, почему и зачем.

24

Вера уехала за теплыми вещами, испугалась похолодания, Гриша взгрустнул. Проводить вечер в одиночестве ему не хотелось, и он решил поехать к тетке. Давно не виделись.

Его задержал телефонный звонок. Гриша довольно улыбнулся — это был первый звонок установленного утром телефона. Вера же без телефона жить не может. И тут же Гриша скис. Звонил капитан Сиволодский. Любезно приглашал завтра, в девять, к полковнику Быкову.

«А что будет, если там уже известно про деньги и про Малышева? — уныло думал Гриша.— Не для собственного же развлечения Макс послал гниду Воздвиженского... И коль Воздвиженский деньги нашел, он должен этими самыми деньгами и адресочком прихлопнуть меня в подходящий момент. Сейчас момент для него что надо. Но, с другой стороны, мы неплохо его потрепали. Лишних телодвижений он не совершит — и больно, и жутко, и перспектива мрачная. Короче, все зависит от того, насколько Вадик труслив. Донес или не донес... Утром меня не было, но он в одну строку поставит все, что знает про меня. Дурак я, сам виноват. Плохо, неправильно рассчитал. А теперь не успеть. Надо было сначала проводить акцию, а потом... и логичнее — деньги бы нашли, проводя обыск в связи с расследованием обстоятельств самоубийства. Так и причислили бы Малышева к сонму раскаявшихся грешников, куда там — убийц. Хорошо, хоть деньги догадался поменять. Как не вовремя запаниковал Арбузов, подсунулся с усмирением Вадима — и карты спутал, и с темпа сбил», — сетовал Гриша, осторожно ведя машину по непростому пути от Свиблова до Каланчевки.

В теткиной квартире слышалась телевизионная разноголосица, сквозь нее прорвался вопрос Тони:

— Гришенька, ты?

Тоня знала, что у него был свой ключ.

— Я... Дядя Коля дома?

— В ванной. Слышишь? Он тебе нужен?

Из ванной комнаты доносился надтреснутый дядькин баритон: он всегда пел, стоя под душем.

— Ладно,— вздохнул Гриша.— Не горит. Я бы поел. Что по телеку?

— Да показывают чтой-то,— беззаботно ответила Тоня и пошла на кухню.

Зазвонил телефон. Гриша машинально снял трубку и услышал взволнованный голос Веры:

— Гриша, Гришенька, я ни в чем не виновата, я не хотела, только слава Богу, ты здесь... Я в Свиблово, я испугалась, что тебя нет. Нам надо... Гриша, приезжай... Нет, давай я приеду. Тебе опасно. Гриша, ты с машиной?

— Что?

— От ужаса я все забыла, и плащ, и зонт, попроси у Тони хоть кофту. Бежать надо! Ладно, я еду! — и она бросила трубку.

Гриша вздрогнул. Что за наваждение? Что случилось? Накрыли, что ли, всех?

Он набрал номер Макса, ждал. Не скоро, но Макс ответил. Не начиная разговора, Гриша повесил трубку. Коль патрон цел, лампочка горит...

Телефон зазвонил снова. Вера, конечно, очнулась, сейчас дельно объяснит... Но Гриша услышал мужской голос:

— Знаешь новость? У Воздвиженского похитили внуку.

Гриша молчал. Этого Вера знать не может. Что же ее напугало?

— Слышишь? У Воздвиженского похитили внуку.

— Кто... вы? — хрипло от внезапного ужаса спросил Горохов. — Кто?..

— Ты что, не узнаешь? Чернов моя фамилия. Старик, дела такие, что похищение вешают на тебя. И Ламко заодно. Ситуация хреновая, самое удобное — избавиться от нее, сыграв твою фигуру. Советую: иди в милицию, кричи «слово и дело», прикидывайся жертвой мафии и закладывай Макса. Усек? — В трубке послышались короткие гудки.

— Гриш, уж все стынет! — как сквозь вату услышал Горохов голос тетки.

Грише было не до еды.

Он ничего не понимал. Концы с концами не сходились. Откуда Сашка знает Макса? Этого не может быть, потому что не может быть никогда!

В прихожей раздался короткий, нервный звонок. Гриша бросился к двери.

— Скорее... — затараторила Вера с порога. — Нельзя медлить. Тебя посадят, не разобравшись, даже убьют... — зашептала она. — Отец сказал... Убьют и все концы в воду, при таких обстоятельствах он ничем не может помочь... Но вдруг отсидимся, милиция же тоже работает. Найдут настоящего убийцу, тогда вернемся...

В переднюю вышла Тоня.

— Извините, Антонина Васильевна, — заговорила Вера совсем иным тоном. — Мы уходим. Даже уезжаем. На несколько дней, я на больничном, Грише тоже надо отдохнуть... Гриша, где ключи от машины?

Горохов будто проснулся.

Он посмотрел на Веру, на Антонину:

— Давай, Тонь... Жратвы сложи. И Вере что-нибудь теплое... Кофту... У тебя есть сотни четыре?

Тоня смотрела на племянника со страхом, ничего не понимала, но чувствовала: происходит что-то ужасное. Вера, Вера-то, бледней покойницы...

Гриша гнал на предельной скорости. Выскочил на Щелковское — как и сам не знал. Дорога не занимала его. Вера пересказала разговор с отцом. Гриша — разговор с Черновым. Они решали, как быть...

Впереди замелькали фонари, появилось ярко освещенное здание. Вера узнала автовокзал.

Гриша вдруг начал резко тормозить. Припарковался к стоянке и молча вышел из машины. Вера никак не могла понять, что он затеял.

Наконец он вернулся.

— Пойдем, — сказал сухо и властно.

Вера невольно подчинилась.

Гриша взял с сиденья сумку, закрыл все дверцы «Жигулей» и повел Веру к светящемуся окнами «Икарусу».

— Ты с ума сошел, — прошептала Вера. — Бросить авто...

— Слава богу, разум чудом сохранился, — и Гриша подтолкнул ее к автобусной двери. — Давай-давай, это последний...

25

В старом «каблукке», почтовом «Москвиче», только его водителя удалось уговорить проехать по Подмосковию за столыжник, трясло так, что звенели стекла. Но эта монотонная тряска притупляла восприятие бытия, и Воздвиженский начал думать зло, ненавидя весь мир, свою беду ему хотелось выместить на ком-то.

«Если бы не этот кретин Быков! Разве так работают?! Упустили следствие, одно преступление начало плодить следующие... За Ламко последовал несчастный пьянчуга, за ним теперь — моя девочка... Показал бы Быков сразу же Арбузову и всем нам кузькину мать, уже и Гришка и Арбузов имели бы срок. Но Быков чиstopлюй... Или хочет числиться в гуманистах... Это же модно! Даже Чернова не задержал после моих-то показаний! Только откуда в Быкове щепетильности взяться? Мы с ним одного посева... У обоих нагайка в крови... В плоть въелась власть кнута...» — в Воздвиженском все больше крепло убеждение, что именно ему уготовано спасти Настю и расправиться с злодеями. И он не станет церемониться с наглецами, которые уверены, что их безнаказанность — в его страхе, в его зависимости. «Свинья Арбузов! Надеялся, что сломал меня... Нет!»

«Москвич» остановился возле ворот поселка садоводов, под фонарем, на темную улочку заехать не решился.

— Я не надолго, — пообещал Воздвиженский.

Поселок казался вымершим. Воздвиженский зашел на участок, сразу пошел в сарай, достал лопату. Нашел пенек и принялся отсчитывать шаги. Двенадцать шагов к забору. Со злобой, с досадой, с сердечной болью вогнал Воздвиженский в землю острие лопаты. Нужно прорыть вглубь на метр. Воздвиженский рыл, пока лопата не ударилась о железо. Там, в железном ящике, лежал пистолет, который он однажды, проводя обыск у отставного полковника, «сгоревшего» на руководстве оптовой базой, украл. Полковник этой кражи «не заметил». Ко всем его неприятностям не хватало статьи за незаконное хранение трофейного оружия. Воздвиженский осторожно взял оружие в руки «Вальтер» был в прекрасном состоянии. Отдельно в промасленной тряпочке лежали две обоймы.

На встречу с Черновым он уже опаздывал. Объяснил шоферу «каблучка», куда ему теперь нужно, чтобы тот не заплутал. Но шофер и сам неплохо знал местность.

Темный силуэт «Волги» Воздвиженский разглядел, но не возле магазина, а напротив. Чернов словно развернулся, чтобы ехать к Москве. Когда почтовый «Москвич» остановился, в «Волге» вспыхнул свет, раскрылась дверца. Вадим Федорович вздохнул с облегчением — и он не ошибся, и Саша не подвел.

— Куда ж мы теперь? — спросил Вадим Федорович Чернова.

— Пока прямо и по кольцевой... — загадочно ответил Саша и посоветовал. — Подремите, Вадим Федорович, кто знает, чем эта ночь кончится...

Но Воздвиженский не мог и думать о сне. Он без умолку болтал. Он рассказывал Саше о Настеньке. Говоря о ней, он в яви представлял ее рядом с собой, и ему становилось легче.

И вдруг что-то пропищало прямо под левой рукой. Раздался зуммер. Воздвиженский обомлел. По спине пробежал холодок. Машина, оказывается, телефонизирована! Мысли заметались. Чернов эту машину угнал? Но... Кто же может тогда держать с ним связь? Чернов... вовсе не тот, за кого?.. А Чернов рубил команды в черную эбонитовую трубку:

— Блокировать все конечные пункты! Следить, кто придет за машиной. С кольцевой контроль не снимать!

Положил трубку на рычаг, где красновато мигали небольшие лампочки, и, словно ничего удивительного не произошло, сказал Воздвиженскому:

— Горохов бросил свой «Жигуль» на автовокзале. Дальше, конечно, поехал междугородным автобусом. Не так уж и скверно, хотя угол поиска широк: но регион определился.

— Бедная Настя, ее всегда сильно рвет в автобусах... — пролепетал ошарашенный Воздвиженский.

— Вы, Вадим Федорович, молодец, что взяли оружие, — Чернов явно хотел ободрить его, но Воздвиженский напугался еще сильнее:

— Откуда вы знаете?..

— А зачем еще можно мотаться ночью за город, на участок, когда жизнь держит за горло?..

— Саша, — Вадим Федорович решил расставить все точки над i. — Саша, вы из?.. — и осекся, так весело и искренне расхохотался Чернов.

Утренняя ориентировка ошеломила полковника Быкова. Нет, потряс даже не факт похищения ребенка — родная столица уже и это выдавала: крадут детей ради выкупа, шантажа ради. Другое сбивало полковника с толку. Этим преступным актом оказался наказан — совершенно определенно — Вадим Федорович Воздвиженский. За что? За то, получается, что дал показания против Чернова? Того самого Чернова, с которым вполне мирно провел почти весь вчерашний день? Вчера, получая сообщения о совместных прогулках и визитах Воздвиженского и Чернова, Быков пытался разгадать их замысел, понять, что стоит за действиями этих людей. А сегодня получается, что вчерашние друзья — заклятые враги? Или Воздвиженский совершил нечто еще, что серьезно задело интересы

третьей силы? Что он сделал? Против кого выступил? Как? На эти вопросы мог бы ответить только сам Воздвиженский. Быков позвонил ему домой. Жена ответила, что Вадима Федоровича нет со вчерашнего вечера и она ничего не знает о нем. Быков понял: бесполезно расспрашивать измученную рыдающую женщину. На Петровке, где фактически ночевал сын Воздвиженского, тот тоже не объявлялся. Не было его и в «Элладе». Быков вызвал Арбузова.

А через пятнадцать минут после того, как за Арбузовым отправился нарочный, выяснилось, что куда-то исчезли Чернов, Горохов

и Вера Гурьева. О Вере что-то расскажет ее отец, он уже здесь, этот вальяжный господин актерско-богемной наружности в дорогом заграничном батнике, замшевом пиджаке, с красным шейным платком вместо галстука. Ждет, не скрывая нетерпения, беседы с полковником Быковым.

— Значит, вот что...— сказал Быков Сиволодскому.— Поезжай в автосервисный кооператив под Люберцами, нет ли Чернова там. И пожалуй...— Быков потер челюсть: как всегда в минуты сомнений и трудных решений,— пожалуйста, возьми с собой трех-четырех ребят из группы захвата. На всякий случай. И сам переоденься в штатское.

«Что ж,— сказал себе Быков,— нужно работать с теми, кто еще под рукой. Вот именно — еще... разбегаются преступники... Как бы сказал мой друг Саша Павлов: «что характерно». А я бы добавил: «и симптоматично».

О Максиме Максимовиче Гурьеве Быков уже знал, что он не только администратор Москонцерта, но и недавно стал содиректором совместной концертной организации «Мосрида», что расшифровывается как Москва-Флорида со всеми вытекающими отсюда последствиями. Устраивает совместные концерты рок-групп.

Быков пригласил раннего посетителя. Зайдя, Гурьев немедленно попросил разрешения закурить. И закурил гаванскую сигару.

— Где ваша дочь? Вы знаете, что ее нет в школе?

— Она больна, насколько мне известно.

— Как стало известно мне, ее нет в Москве.

— Вот как! — совершенно равнодушно буркнул Гурьев.— Это с ней порой бывает. Хотя... Обычно она со своим дружкой уезжала во время детских каникул то в Крым, то на Пицунду, на Домбай или в Карпаты, смотря по сезону. А сейчас, значит, и каникул дожидаться не стала. А в чем, собственно, дело? Почему вдруг у вас, товарищ полковник, возник интерес, естественно, профессиональный,— значительно подчеркнул Гурьев,— к моей Вере? Что она могла натворить?

— Все это нам предстоит выяснить. Вы ждете звонка от Веры Максимовны? Как обычно, отлучаясь, она телеграфирует?

— Ах, Боже мой...— сокрушенно вздохнул Гурьев,— молодежь нынче самостоятельная. Позвонит — спасибо, нет — так нет. Мы с матерью давно привыкли. А давать телеграмму! Это же на почту надо идти, целое дело,— он выразительно хмыкнул.

«Попробовала бы моя Ирина,— с раздражением подумал Быков,— вот эдак... Тоже самостоятельная, даже замужняя, ребенка имеет... Да я бы, я бы...» — но он не мог придумать, что бы он сделал со своей взрослой дочерью, если бы она не дала о себе знать, если б плюнула на родительское беспокойство, отцовскую и материнскую заботу. Что же за отношения в семье Гурьевых, если каждый сам по себе?

— Когда вы виделись последний раз?

— Вчера вечером.

— Она предупредила, что уезжает? Не сказала, куда именно? — недоверчиво спросил Быков.

— Она сообщила, что, возможно, на три-четыре дня поедет отдохнуть со своим дружкой, но куда и когда, не уточняла. Вероятнее всего, сама не знала. Ее мальчик водит машину, и они решают, где им побывать, наверное, уже в пути...— Гурьев почему-то рассмеялся.

— Что за дружок?

— Так... Мальчишка. Студент. Мне он никогда не нравился.

— Как его зовут?

— Гриша...

Быков выжидательно молчал. На столе лежали показания Гороховой, которая рассказала о спешном отъезде племянника и его возлюбленной, но куда они собрались, она тоже не знала. Гурьев, видимо, понял, что для Быкова не секрет, с кем путешествует его дочь, и спешно добавил:

— Григорий Борисович Горохов. Я надеюсь, у Веры хватит ума не притащить в дом эту шелупонь, извините за выражение. Их отношения — это их дело. Мы с матерью считаем, пусть хоть один, но постоянный, чем каждый месяц разные — теперь и так девочки устраиваются.

— Максим Максимович! — Быков был искренне удивлен. Как отец отцу он сейчас был готов даже посочувствовать своему собеседнику, которого, как ему показалось, дочь своим поведением довела до притупления всех естественных чувств и смещения понятий. Или он сознательно избрал свою позицию как защитную? Иначе, чего доброго, свихнуться недолго. Дочь-то единственная... — Максим Максимович, неужели вас не шокирует создавшееся положение?

Гурьев глубоко вздохнул. По кабинету поплыли колечки синего дыма, напомнившие вдруг Быкову растревоженных медуз.

— А что я могу сделать? Притерпелся... Директор школы — и та притерпелась. Ну, выгонит она Верку, а учителя начальных классов днем с огнем не сыщешь. Вот так и сосуществуют. Вера — молодой специалист, сама уволиться тоже не может. Не поверите, когда первый год она начала работать, директриса меня даже вызывала, будто Верка не педагог, а разгулявшаяся старшеклассница. Ну и что?

— Не всегда же ваша дочь была такой неподконтрольной, непослушной? Может быть, это чье-то дурное влияние?

— Конечно. Я же говорю: ее мальчик мне никогда не нравился. А что делать с любовью Веры к нему? Как говорится, не запретишь. Есть доля и моей вины. Купил ей квартиру. Но что делать? Обстоятельства тогда содействовали, подвернулся готовый кооператив. Не отказываться же. Сами понимаете. Все мы, родители, радеем о будущем наших детей. Порой им во вред, да... Что говорить, благими намерениями устлана дорога в ад.

— Вот и давайте поговорим об этой дурной дороге.

— Что — наркомания? — вскинулся Гурьев.

— Нет. Другое. Убийство, — Быков потер челюсть и, глядя исподлобья, проговорил: — Поиск убийцы привел нас к вашей дочери, к Вере Максимовне Гурьевой. Кстати, как вас зовут дома?

— Жена кличет Максимушкой. Мама-покойница Максимкой звала... — снисходительно улыбнулся Максим Максимович. — Мы говорим обо мне или о дочери? Зарубежные партнеры зовут меня Ми-ми. От имени и отчества. Максом никто не называет, — пояснил Гурьев. — Какое отношение к убийству имеет моя дочь?

— Мы бы спросили ее, но ее нет.

— Неужели Вера связана с преступниками?.. — после минутного молчания горестно проговорил Гурьев. — Ведь этот ее парень... — он поморщился. — Он кооператор ко всем прочим прелестям. А я этой публике не доверяю. Всегда испытывал брезгливость к их шашлыкам, тряпкам, рассчитанным на вкусы лимитчиц. Бедная моя Вера!

Между прочим, преступность расцвела, как только этим нуворишам дали волю!

— У вас нет врагов, Максим Максимович? Только честно...

— У кого же их нет,— серьезно ответил Гурьев.

— Каковы ваши отношения с Гороховым? Не приходило ли вам в голову, что он мог бы спровоцировать некие неприятности для вас — крупные неприятности? Ну, хотя бы ради того, чтобы вы не мешали их роману, не настраивали Веру против него?

— Роману их третий год, если не больше. Я доказал свою лояльность. Он знает: открыто я не вмешиваюсь и не вмешуюсь. Не думаю, чтобы он хотел мне неприятностей — они же, естественно, отразятся на Вере. А ее он любит. По крайней мере, так утверждается.

— Вы знаете Воздвиженского?

— Кто это? Из министерства культуры? Или из Союзгосцирка?

— А Горохов знает Воздвиженского. В цирке и в минкультуры этот человек никогда не работал. Он юрист и служит в том же кооперативе, что и Горохов.

— Станный вопрос. Я не интересуюсь, с кем якшается этот молодой человек, в том числе и по своей службе.

— А Арбузова Олега Александровича вы знаете?

— Не припомню такого имени.

— Но кооператив «Эллада» вам же известен. Именно там работает Горохов, и, кажется, ваша дочь заказывала в «Элладе» какие-то вещи.

Быков тянул время. Он понимал: окажись Максим Максимович тем самым Максом, он так и будет давать правдоподобно-уклончивые ответы на любой вопрос. Поэтому, чтобы особо не насторожить его, Быков не стал углубляться в вопросы о Горохове и «Элладе». Он приготовил для Гурьева более эффективное средство проверки — внезапную встречу с Арбузовым.

А пока Быков выложил на стол фоторобот, изображающий того самого парня, который подозревается в убийстве Фролова, фотографию Воздвиженского и еще один фоторобот, сделанный со слов официантов и метрдотеля ресторана «Будапешт», — так должен был выглядеть спутник Ламко...

На фоторобот «мальчика в белом» Гурьев даже не взглянул, но две другие фотографии сразу взял в руки.

— Что-то неуловимо знакомое,— пробормотал он.— Это один и тот же человек?

— Нет. Это разные люди, хотя, как утверждается, похожие внешне. Вот этот, на фотографии, ниже ростом, subtilнее, но в нем нет, как мне доверительно сообщили, нет той породы... Что следует понимать под этим словом, вы, конечно, догадываетесь.

— Я могу знать, почему эти люди заинтересовали вас? Это друзья Веры?

— Не уверен, что они знакомы с вашей дочерью, хотя не исключаю этой возможности. Один из них встречался с убитой женщиной в день ее смерти.

— Что за женщина, если не секрет? Верина подруга?

— Ваша дочь шила у нее. Она художник-модельер. Галина Алексеевна Ламко. Вы ее знали?

— Нет. Но я могу поговорить с нашими хозяйственниками, навести справки. Может быть, она шила сценические костюмы?..

— Нет, никогда.

— Жаль. А то вдруг я помог бы вам, а вы — мне, были бы снисходительнее к моей девочке... — Гурьев театрально закинул голову, будто пряча набежавшие слезы. — Я чувствую, только вы положите конец ее ненужной связи с этим, мягко говоря, странным пареньком. Он имеет отношение к убийству?

— Чем странным он кажется вам? — не отвечая, спросил Быков, протягивая Гурьеву подписанный пропуск и незаметно одновременно нажимая кнопку вызова, — пусть введут Арбузова, пусть два этих человека встретятся лицом к лицу.

— Учиться бросил, хотя оставалось лишь написать диплом. Ударился в кооперацию, ничего в ней не смысля, лишь бы набить карманы. Алчность несвойственна молодости, как мне кажется. Или я заблуждаюсь?

Быков все больше приходил к выводу, что перед ним Макс — глава некой преступной группировки. «И мне совершенно нечего ему предъявить, — думал он с горечью. — Я не имею права его задержать, хотя знаю, как это необходимо. Одна надежда: что-то раскроет их внезапная встреча с Арбузовым... Как они сейчас встретятся? Как разыграют, что незнакомы? Гурьев, может быть, готов к спектаклю. Арбузов — вряд ли. Как бы ни было, я же увижу, что они играют...»

— И милости прошу на наши концерты... — проговорил Гурьев, поднимаясь.

— Спасибо, всего доброго, желаю дальнейших творческих успехов и надеюсь, вы не скроете от нас местонахождение вашей дочери. Это для ее же блага, — проговорил Быков, наблюдая, как открывается дверь и заходит Арбузов.

Гурьев встал и пошел к двери. Он прошел мимо Арбузова чуть посторонившись, совершенно равнодушно, даже без любопытства, мельком взглянув на него. Арбузов же словно не заметил уходящего. Игры не было. Это Быков смог бы и под присягой подтвердить. И это было самым удивительным... Ломалась вся концепция.

Какие-то первые дежурные фразы. Взволнованный, Быков даже не зафиксировал, что сказал Арбузову, что он ответил.

Потом посмотрел в лицо председателя правления «Эллады» и жестко спросил:

— Где Воздвиженский? Что вы знаете о похищении его внуки? Арбузов, побледнев, проговорил заплетающимся языком:

— Боже, какое несчастье...

— Когда вы последний раз видели Воздвиженского?

— В пятницу. Он был на работе.

— А вчера?

— Вчера? Нет, мы не виделись. У меня не было к нему вопросов.

— Куда вы направили Горохова и Чернова?

— Никуда, — растерянно проговорил Арбузов. — А что? Я не знаю, я ничего не знаю. — Он был явно напуган, это не скрылось от Быкова.

— Берите бумагу, ручку, садитесь вот за тот стол в углу и пишите все, что произошло с вами в пятницу, когда вы последний раз видели Воздвиженского, при каких обстоятельствах, о чем с ним говорили. Напишите о том, что вы делали в выходные дни и вчера. Укажите, был ли на работе Воздвиженский, если нет, почему. Были ли на своем рабочем месте вы сами, если нет, почему, и почему вы вчера, в рабочий день, не встретились со своим сотрудником.

— Но... Я не знаю, что писать,— неестественно задержался Арбузов.— Мы не виделись, потому что не виделись. Разминулись. У меня была масса дел, я выезжал в филиалы, а Вадим Федорович... Я не знаю. Может быть, с утра был, а потом ушел куда-то... У нас свободный, достаточно свободный режим...

— Также пишите о том,— не слушая Арбузова, продолжал полковник Быков,— когда, при каких обстоятельствах вы виделись последний раз с Черновым и Гороховым, почему они именно сегодня оба не вышли на работу и, как предполагается, уехали из Москвы. Почему это случилось не вчера, не позавчера, а именно после похищения внуки вашего сотрудника? Каковы, на ваш взгляд, причины? У Воздвиженского в коллективе были недруги? Опишите отношения Воздвиженского с Черновым и Гороховым.

«Должна знать кошка, чье мясо съела»,— подумал Быков и решил, что уж Арбузова он из кабинета не выпустит, пока не выдавит из него всю информацию. Этому человеку есть, что предъявить, вполне достаточно для задержания, пусть как следует подумает о своей жизни. Может быть, очнется.

Руки Арбузова, держащие лист бумаги и шариковую ручку, мелко дрожали. Дрожали и колени, он никак не мог зацепить ножку стула, чтобы, присаживаясь, подтащить стул ближе к столу. И тут Быков громко и внятно спросил:

— Олег Александрович, где Макс?

Арбузов медленно повернул голову. Быков увидел, как слегка одутловатое лицо Арбузова будто при замедленной съемке вытянулось, пошло землистыми пятнами и посерело.

— Вы...— еле выдавил из себя Арбузов,— вы... уже...

Упала, звякнув о край стола, ручка и покатилась, издавая drobный звук, похожий на тихое тарахтение игрушечного трактора. Легко спланировал на пол листок бумаги. Арбузов беспомощно взмахнул руками, привалился боком к столу и все же не удержался. Покачнулся, осел, заскользил каблуками по лакированному паркету. Быков подскочил к нему, чтобы поддержать, но тут же понял, что помочь вряд ли сможет. Перекосившийся рот, остановившийся зрачок левого глаза — это insult.

Что же делать?! Только быстрее вызвать врача. А он так и не ответил на самые главные вопросы!

27

Им понравилось название остановки — «Кузнецы», и они вышли из автобуса. Было девять часов утра. Огляделись окрест — поле, старые березы вдоль дороги. Свежая зелень, чистый холодный воздух. Там, за полем, перелесок, поднимающийся на холм. С другой стороны — озеро. А между озером и перелеском редкие крыши домов. Деревня или дачный поселок, кто знает?

— Пойдем туда,— сказал Гриша.

Вера обреченно выдохнула:

— Ноги уже не держат... Посмотри, вдруг еще бутерброд остался.

— Да ты все смолотила,— завистливо проговорил Гриша.

Вера мотнула головой, поправила рассыпавшиеся волосы:

— А на меня всегда на нервной почве аппетит нападает...— и засмеялась не к месту.

Они двинулись по утрамбованной песчаной дороге.

— Хорошо еще сухо,— проворчала Вера,— а то топали бы тут в вековой российской...

— Еще Пушкин писал: «Авось дороги нам исправят...»

— Не «исправят», а «исправит», это он на Николая Первого надеялся...

— Тебе виднее... Значит, разыгрываем молодоженов-дачников. Ясно?

— Дальше некуда. Свадебное путешествие по деревням и весям... Следопыты родного края.

— Да будет тебе...— огрызнулся Гриша, и дальше они шли молча.

Так и дошли до первого, стоящего над озером дома. От всех остальных он отличался отсутствием ограды и сада — на двери висела написанная от руки табличка «Отделение колхоза «Рассвет». Деревня «Кузнецы», а над дверью сработанный тушью по трафаретке лозунг: «Мы кузнецы и дух наш молод».

— А тут народ с юмором,— подмигнул Гриша Вере. Она устало подняла голову и усмехнулась:

— Лубок конца второго тысячелетия...

Из открытого окошка высунулся немолодой человек с широким обветренным лицом и защурился на солнце:

— Здравствуйте, молодежь. Вы к кому?

— Может быть, к вам. Извините, вы кто?

— Торопов я, Василь Иванович, заотделением.

— У вас тут можно снять дачу? — Вера решила разговор не затягивать.

— Дачу? — Торопов удивился так искренне, будто его спросили, где тут ближайшие алмазные копи.— У нас тут дач не бывает... Но, как говорится, был бы спрос, будет и предложение. Я сейчас.

Вера и Гриша переглянулись. А Торопов уже спускался к ним с низенького крылечка.

— Дачники, значит? Облюбовать приехали?

— Может, и сразу у вас останемся. Мы в свадебном путешествии,— пояснил Гриша.— Так как?

— А я не знаю...— нерешительно ответил Василий Иванович.— Я думал, новые арендаторы приехали. У нас, знаете ли, деревня возрождающаяся. То были неперспективные, теперь возрождающиеся, вот, мы, Кузнецы, как раз из таковых. Вы откуда?

— Из Москвы,— ответила Вера.

— Москвичи или лимитчики?

— А вам-то какая разница? — не понял Гриша.

— Лимитчик человек на подъем легкий. В Москве намыкался, физического труда не боится. Все жду, когда ж из города к нам крестьянствовать поедут, как в газетах пишут.

— Нет, мы не лимитчики и не арендаторы,— нетерпеливо перебила его Вера.— Вы нам сразу скажите, можно тут снять дом, полдома, на месяц, на сезон?..

Торопов смотрел вдаль, на озеро, на лес, что-то обдумывая.

— Вообще-то у нас тут сплошь одни бабки да коты... С застойных времен которые уцелели. Но есть и молодежь. Пошли к ним. Они ребята хорошие. Пустят вас,— и он зашагал вперед.

— Может быть, у вас есть пустующие дома? — поспешая за Тороповым, расспрашивал Гриша.

— У нас все есть... Как в Греции... Во... Хоть этот,— Василий

Иванович показал на дом, утонувший в кущах сирени, и было сразу видно: дом нежилой, хотя окна и дверь не были заколочены. Запыленные стекла, перекошенное крыльцо ясно указывали — нет тут хозяина.

По деревне плыл аромат яблоневых цветов. Ударил колокол. Вера вздрогнула:

— Что это?

— А церковь,— махнул Торопов рукой куда-то ввысь, и Вера увидела над перелеском колоколенку и маковку с крестом.

— Да, начала церковь действовать,— с неожиданной гордостью сказал Торопов.— Значит, оживаем... Как ведь раньше-то деревни складывались. Первым делом искали место, где храм заложить. Специалисты были, знатоки, умели... Наша-то уцелела. Чудом, можно сказать. К тысячелетию крещения епархия священника прислала. И он тоже влился в наш молодежный коллектив,— Торопов рассмеялся.— Матушка, кстати, учительница. По-английскому она, но пока за всех... за весь педсовет.

— И как вы тут живете? — недоуменно проговорила Вера.

— А так. Живем, не ждем тишины. Слышите, как славно звонит наш батюшка? Я неверующий, а все равно приятно. Он в Ростов Великий ездил стажироваться. Где по нынешним временам звонаря сыскать?.. Да живем, хлеб жуем, из Киржача автолавка приезжает... Ну, а остальное — натуральным хозяйством стараемся добыть. Хватит деревне в городе кормиться. Наоборот должно быть, к чему и стремимся. И ни нитратов, ни городских очередей...

Торопов остановился возле низкого забора.

— Света! — крикнул.— Света! Саня!

Залаяла собака. Выскочила к забору, еще раз для порядка гавкнула, но сразу же дружелюбно завиляла хвостом, видно, узнала Василия Ивановича.

— Бой, где Света? Ну-ка, зови хозяйку...— весело сказал Торопов собаке.

Она завертелась волчком, заскакала, подняла на заборчик передние лапы — смотрела умно и доверчиво. Вера от души рассмеялась. Ей вдруг стало легко-легко. И тут вспомнила про отца — про звонок, свое сообщение... Ее смех резко оборвался. Пропал — она сама не заметила как.

По дорожке от дома шла совсем юная женщина лет двадцати — с девическим смышленным лицом и крепкой крестьянской фигурой. Сильные руки устало свисали. Улыбнувшись Торопову, она доброжелательно посмотрела на незнакомцев.

— А Сани нет, на выпасе,— сказала она,— комиссия, что ль?

— Да нет, дачники. Может, сдашь им комнату да и поагитируешь? Глядишь, им понравится, переедут. Из Москвы они,— добавил Василий Иванович с важностью.

Женщина отворила калитку:

— Проходите... Света меня зовут.

Гриша протянул ей руку и представился по всей форме. Вера назвала себя, но руки не протянула.

— Не стесняй тебя гости, если на месячишко задержатся? — спросил Василий Иванович, идя за хозяйкой к дому по тропке меж грядок, на которых росла не то редиска, не то капуста — Вера не поняла. На дачных-то участках вдоль дорожек обычно цветочки сажают.

— А им хорошо у меня будет? Да вы не жмитесь, Василий

Иванович, пускай они в шестом доме поживут. Я туда вчера ходила, Матрену искала — это козу, — пояснила она, оглянувшись на Веру, — там и мебель есть, и печка нормальная, а всякое полотенце, подушку я дам. Там даже посуда есть, старенькая, конечно...

— А привидений там нет? — спросил Гриша, внезапно обрадованный открывшейся возможностью пожить отдельно.

— Дом без привидений, — на полном серьезе ответил Торопов. — Привидения там, где кто-то умер и долго не хоронили. А это просто брошенный дом. Уехали люди, все бросили, чего рухлядь тащить... Ключи у меня, так что, думаю, можно вам и там обосноваться. Дом-то этот и стоит всего тысячи полторы по оценке. Может, он вам подойдет потом... Если решите.

Вера ступила на высокое крыльцо. Доски не новые, но отмыты до белизны. Вера принялась усердно тереть подошвы о половики.

Гриша будто увидел ее со стороны. А ведь могла бы она вот так стать обычной уютной женщиной, какая и нужна нормальному мужику — такой, как выглядит сейчас, без косметики, без золотишка, без парикмахерской укладки. Или для этого превращения и самому прежде надо стать иным — нормальным мужиком? Испугался своей мысли. Потому что за ней логически следовало, что он ненормален, ибо та жизнь, к которой он привык, не есть норма человеческая. В сущности, все слишком далеко зашло...

— Вот, Света, — говорил Торопов, заходя в комнату, устланную коврами дорожками, — посиди с людьми, расскажи про себя, про Саню, как живете, как работаете... — и он хитренько подмигнул хозяйке. Подмигнул и ушел. Из сада слышался его веселый голос и лай собаки.

Вера огляделась. Большая печь с плитой, с духовкой — она такие видела только на иллюстрациях к рассказу Толстого «Филиппок». А мебель — совершенно городская, чешская жилая комната. Шторки югославские. Обои, кажется, тоже югославские. Или финские. Интересно, как их клеили на бревенчатую стену? — удивилась Вера. Села в кресло у журнального столика, принялась рассматривать посуду, книги, все, что виднелось в застекленных дверцах «стенки».

— Вы бы, наверное, поели? — спросила Света. — Я вам сейчас мяса поджарю. Своего...

Вера почувствовала себя неловко:

— О... Не возитесь, — но от мысли о свежем мясе у нее свело в животе.

— Чего возиться! — Света перехватила взгляд Веры, брошенный на печку. — У нас газ. Баллонный.

Обед завершился чаем из самовара.

— Это у вас английский «Липтон»? — поинтересовалась Вера, кивнув на заварочный чайник.

Света ее не поняла, а когда догадалась, о чем речь, пожала плечами:

— У нас и свой-то почти не бывает. А это «тридцать шестой», я в него добавляю сушеные листья иван-чая, знаете, длинные такие, цветочки фиолетовые, и зверобой — это маленький, с желтыми цветочками. Я тут всех, кто к нам из городов приехал, научила так чай заваривать — благодарят... И Лилю, жену отца Виктора, и Зину из Новгорода, и Иру из Эстонии. Ире, правда, не нравится. Ей тут вообще не очень нравится. Все Эстонию вспоминает, а жить там боится. Вот они и уехали оттуда.

Вполуха слушая женскую болтовню, Гриша оценивал ситуацию: «Здесь, наверное, нельзя жить, но вполне можно перекантоваться месяц-другой. А за это время хоть что-то прояснится в Москве. И я буду просто свидетелем, а не как сейчас подозреваемым, чье место в следственном изоляторе».

— А я люблю,— продолжала Света,— и Саня мой любит. Здесь края красивые. У нас и дом, и сад, и скотина, и свежий воздух, и работа своя, на себя, а не на дядю чужого... У кого из молодых такое есть? Я почтальоном работаю и Сане помогаю. У нас бычки на аренде. Пока только двадцать пять. В этом году первый раз будем мясо сдавать. Посмотрим... Не должны вроде внакладе остаться. Ну, что еще рассказать?

— Все вроде ясно,— поскучив, вяло ответила Вера. Глянула на Гришу, его разморило от сытости.

Пришел Василий Иванович с ключами от пустующего дома. Потом они таскали перины, пуховики, подушки, лоскутное постельное белье с тщательно, на руках, заделанными швами.

Гриша сам стелил деревянную постель на высокой самодельной кровати. Света затопила печку. Сразу стало уютнее, обжитее.

— Шторки поищу, может, завтра принесу,— пообещала она.— Но все равно тут с улицы не видно, зелени-то, гляньте, никаких штор не надо. Зимой, конечно, похуже, поскучнее, но тоже хорошо. Как завалит снегом — тишина... На другой планете будто.

Заснул Гриша быстро и крепко.

Вера осторожно вылезла из-под одеяла, тихо спустилась с кровати. Стараясь бесшумно двигаться, оделась. Вышла в сад. Вечерело. А позвонить, наверное, можно из сельсовета или как там называется эта изба — «Мы кузнецы и дух наш молод». Вас вызывают «Кузнецы»,— отец будет долго смеяться...

— Линия у нас новая, сейчас соединимся,— подмигнул Вере Торопов, когда она объяснила про крайнюю нужду связаться с Москвой, с отчим домом, в котором ждут не дождутся весточки, ведь впервые отпустили от себя дочку. Когда хотела, Вера могла изобразить и пайнюку, никто б не распознал подделки.

— Я первым делом, как деревня оживать начала, добился, чтоб нас с миром не разлучали...— пояснил Торопов, и через двадцать минут Вера услышала голос телефонистки:

— Говорите... Ваш номер, Москва...

28

На воротах висела табличка: «Часы работы с 14 до 18.30». Сиволодский и оперативники ждали уже час. Время подходило к двум. На сигналы клаксона с той стороны ворот не реагировали.

Ровно в два ворота раскрылись, но казалось, что автосервисный пункт безлюден.

Сиволодский, миновав ворота, увидел большой ангар с подиумом и ямой — все как положено. На подиуме стоял «Жигуленок», точнее, каркас «Жигуленка». Из ямы виднелась светловолосая коротко стриженная голова.

— Здравствуйте,— сказал Сиволодский громко,— я от Чернова Саши... А вы, наверное...— и Сиволодский словно запомнил, к кому же следует обратиться.

— Да, да, Ян... Я — Ян, у меня редкое имя,— отозвался блондин. Он пружинисто выпрыгнул, схватившись за крыло машины,

и Сиволодский на секунду остолбенел — это же он, «мальчик в белом». Только вместо белых джинсов, голубой рубашки и белой кожаной куртки на нем был темно-синий джинсовый комбинезон с фирменным знаком «Фиата» на нагрудном кармане.

— Ну что, где ваш кобыздох? — проговорил Ян. — Что с ним? Давно Чернов вас направил?

— На той неделе. Но выходные, то, се... — стараясь держать себя в руках, отвечал Сиволодский, понимая — его проверяют. Не мог же вчера или сегодня он видеться с Черновым, если Чернова нет в Москве, о чем здесь вполне может быть известно.

— Ну ладно, — Ян достал из нагрудного кармана чистую тряпку, принялся старательно вытирать руки, — загоняйте...

«Хорошо, — решил Сиволодский, — будь по-твоему».

— Этот тип — «парень в белом», — прошептал капитан своей группе. — Его надо брать.

Оперативник уступил Сиволодскому место за рулем, два других, что сидели сзади, легли на пол машины, укрылись мешковиной.

Походкой от бедра, эдак небрежно, Ян подошел к «Волге»,

— Новая? За сколько взял? Ладно, слезай... Сам загоню ее на яму, вторая у нас за домом.

Сиволодский открыл дверцу, Ян сел к рулю, поставил ногу на педаль, протянул руку к ключу зажигания. И в этот миг сильные руки перехватили его запястья, опрокинули назад, приподняли. И не успел он опомниться, как на руках оказались наручники.

Ян дернулся.

— Тихо! Не двигайся! — приказал Сиволодский.

— Там... Я ее только что кормил, — проговорил Ян, поводя безумными голубыми глазами. Только сейчас Сиволодский понял, отчего Лена Фролова сравнила их с глазами дикого кота.

— Где девочка? Вы говорите о девочке? Кто еще в доме?

Ян уронил голову и почти неслышно прошептал:

— Она одна. Я сам покажу, где. Она вас испугается.

...Бравада и спесь быстро слетели с «мальчика в белом», едва он оказался в комнате с привинченной к полу табуреткой, за решетчатым окном и яркой настольной лампой, чей свет помогал следователю лучше видеть его лицо, а его, Яна Крынкина, заставлял щуриться и опускать глаза. Единственное, за что он цеплялся, это за то, что сам не принимал участия в злодеяниях. Да, Лену Фролову он пугал, но только пугал... А отца не убивал, нет... Девочку ему привезли, но он не знает этих ребят, они привезли ее и продукты, сказали, чтоб обращался хорошо, кормил, и тут же уехали.

И так, может быть, он пел бы до бесконечности, если бы Левченко на следующий день не ввела еще одного задержанного — бармена из пиццерии «Тоскана» Валерия Демкина.

Они мгновенно узнали друг друга, спектаклей не устраивали.

— Вот он, он скажет, — Крынкин едва не бросился к Демкину. — Я девочку не бил... не похищал... Ничего плохого ей не сделал. Мы ж не как на диком Западе...

Демкина увели.

— Вот что, Крынкин, слушайте меня внимательно. Вы можете сколько угодно утверждать, что не убивали Фролова. Однако я вас сейчас познакомлю с заключением экспертов, которые подтвердили, что серьги убитой Ламко, прежде чем попасть в карман убитого Фролова, находились в кармане ваших брюк. Это ваши брю-

ки? — Быков брезгливо приподнял за пояс изъятые при обыске в автомастерской белые джинсы. — Ваши, и не вздумайте отвергать, потому что у нас есть масса средств и методов доказать принадлежность носильной вещи.

— Да, мои это штаны, мои... — нехотя согласился Крынкин.

— В таком случае ознакомьтесь с заключением экспертов.

Крынкин со страхом смотрел на бумагу с грифом, протянутую полковником Быковым, но не взял и даже отвернулся:

— Я и так вам верю...

— Что, ужас пробирает? Небось, думали, все шито-крыто, никто не узнает, организовывали дело — комар носа не подточит? Ан нет... Да, Крынкин, много вы натворили.

— Да не убивал я Фролова, гражданин следователь! — взвыл Крынкин. — Не знаю, чем доказать! Серьги мне дал один парень, я его первый раз видел, он мне передал привет от Саши, ну, от Чернова. Потом сказали пугнуть Ленку, как сумею. Я пугнул. А ее отца я не видел.

— Хорошо, вы вышли из дома, довольный, что нагнали страху на беззащитного человека, что дальше?

— Ко мне подошел мужик и передал привет от Саши и Валеры. Ну, от Демкина. Мужик сказал, давай серьги, я отдал.

— Так, а что же Саша? Вы его видели в тот день или в ту ночь?

— Сашу? Нет... Он на место не выходит. Он шеф нашей пятерки.

— Какой еще пятерки?

— Ну, нашей... — Ян тяжело вздохнул, — не знаю, как объяснить.

— Когда вам привезли девочку?

— Вчера вечером, в понедельник...

— Кто?

— Валера. Потом позже приехал Саша, дал деньги, взял машину и уехал.

— Куда?

— Не знаю. Велел дать команду блокировать Окружную, потом блокировать направления автотрасс с Щелковской... И все. Больше я его не видел.

— И каким же образом вы выполнили его команду? Вы что, впятером с таким заданием справились, которое только полку под силу?

— У меня пять номеров телефонов. Если это смягчит мое положение, я все вам назову. И шестой — Сашин. Вот... Я звоню по пяти, они тоже звонят каждый по пяти, каждый по своему списочку, передают команду, потом выходят в пикеты, если надо, или еще делают, что надо. А девочку я не обижал. Маленькая... Что я, не понимаю? Гражданин полковник, это же смягчает...

— Крем для бритья смягчает, Крынкин. Где сейчас Чернов?

— Не знаю.

— Он уехал из Москвы один?

— Не знаю. Но мы вчера переговаривались, вроде с ним какой-то мужик был, я второй голос слышал.

— Кто? Чернов называл имя этого человека? Голос был вам знаком?

Крынкин отрицательно покачал головой.

— Кто такой Макс?

— Не знаю.

— Воздвиженский, Арбузов, Горохов?

— Нет, не знаю никого... Ничего я не знаю... Знаю, что убивали, шантажировали, они ж смеются над вами, когда похваляются... Но кто, не знаю... Мне не говорят! — парень озлобился, начал кричать. — Мне говорят — делай! Говорят, куда, с кем, как! А за что? Почему? Приказы не обсуждают! За исполнение платят! Я винтик! Они не хотят быть винтиками. А я — делай, что говорят!

— Зачем же ты это делал, Ян? — Быкову показалось, сейчас он докопается до сути этого подонка.

— Ну, потому что... все... Потому что я не трус. И потому что хочу жрать, как они, красиво одеваться хочу, как импортный. Я что, из другого теста? И мне интересно, мне интересно, что, кроме вставай и пошел на работу, есть на свете, может быть, другая жизнь, как в кино, когда можно убедиться, что ты не быдло!..

— Сколько вам лет, Крынкин? — спросил Быков, чтобы сбить начинающуюся истерику.

— Двадцать один, гражданин следователь, — Крынкин посмотрел умоляюще, — если вам нужен Чернов, я вам его достану. Только скажите, что это смягчит. Смягчит?

— Ну, зачтется.

— Тогда доставьте меня к телефону, я ему позвоню.

— Куда? Может, я ему сам позвоню?

— Я ж ему в машину позвоню.

— Вы что, ребятки, спецмашину угнали?

— Нет, что вы... На «Волге» смонтировали рацию, как у такси. Это не проблема. Я хочу позвонить сам, чтобы мне зачлось, что я добровольно содействую, без принуждения...

Сержант отвел задержанного в комнату с телефоном. Рядом сел Сиволодский. Быков в соседней комнате снял трубку параллельного аппарата.

— Саш, ты чего не отвечаешь, как дела? — услышал Быков голос Крынкина.

— Что тебе нужно? Что случилось? — голос прерывался. Слышались эфирные помехи.

— Девчонка дурит. Что делать? Долго еще?

— Плюнь, разотри и жди. Я скоро скажу, куда ее привозить.

— Где ты, Саш?

— Не задавай дурацких вопросов.

Сейчас определяют, откуда шел разговор. Быков вернулся к задержанному.

— Коль уж ты начал, — сказал он, — надо продолжать помогать нам. Вот что, Крынкин, сейчас капитан Сиволодский отведет тебя на вашу базу. Вместе там будете ждать звонка Чернова. И не советую валять дурака, Крынкин. Мы должны точно знать, куда, когда и зачем нужно доставить девочку.

Крынкин согласно кивнул.

Быков направился к себе в кабинет.

В холле у открытого окна сидела майор Левченко. Лицо усталое, глаза измученные.

— Ты что, Валя? — спросил Быков участливо. — Запирается бармен?

— Если бы... Слава, Славочка, хоть ты объясни... Ну, есть в сознании образ преступника. Не то рецидивист с кайлом, по фене ботающийся, не то... циничный лицемер, хапнувший миллион, его день-

ги от всего мира отгородили... А тут сидит мальчишка, мальчик, ты понимаешь, Слава, и порет... о примате силы, о подчинении разболтавшегося общества, о красоте власти, о всеподчиняющей воле... Я чувствую, для него это чужие слова, он не только марионетка, он еще и чей-то рупор... Но он верит в то, что говорит! Кажется, мы встречаемся с каким-то психологическим феноменом, вот что страшно, Слава... Убить человека ничего не стоит, кроме денег...

— Мда,— буркнул полковник,— чтоб было, как в кино, чтобы знать, что ты не быдло...

— Что?

— А это из репертуара Яна Крынкина.

— Вот видишь...— безнадежно вздохнула майор.

— Все это было под луной,— понимающе кивнул Быков.— Что Демкин показал по существу?

— Из ценного — он не знает, кто такой Макс, но утверждает, что это человек, содержащий «Элладу». Дал Арбузову денег на открытие кооператива, теперь Арбузов выплачивает ему долг с процентами. Объединение, которое представляют Чернов, Демкин и Крынкин, он так и говорит, объединение, заинтересовано в переориентации «Эллады». Поскольку у Ламко с Арбузовым имелись разногласия, некоторое время рассчитывали на то, что она поможет убрать Арбузова, переизбрать его, посадить на его место человека их круга, с ней даже велись переговоры, как я и думала, в «Будапеште». Но она отказалась сотрудничать. Переговоры вел человек, известный Демкину как Король. Кроме Чернова, Демкин руководства так называемого объединения не знает. У меня такое впечатление, что, хоть Демкин и бравирует, и чушь несет, он говорит правду. Я пыталась выяснить степень его информированности, но... В принципе он сказал то, что мы и так знали. Скорее, чувствовали и понимали.

— Нет, дорогая, это мы знали. Только сделать ничего не могли. Опоры не имели. Фактов, доказательств, свидетелей...

Служба сообщила, что передатчик работал в сорока километрах от города Киржач Владимирской области.

Машину Горохова обнаружили на стоянке автовокзала, откуда уходят автобусы на Киржач и Владимир. Так что получается, Чернов гонится за Гороховым? А где Воздвиженский? Куда Чернов поедет дальше? Куда вызовет своих подручных?

29

Вера еще спала, когда Гриша ушел с Саней на ферму. Он надеялся, что Вера отойдет от их ночной ссоры и успокоится.

Саня вел непривычные для Гриши странные разговоры ни о чем. Нет, смысл в них, конечно, был, но это были просто разговоры человека с человеком, а вовсе не то, к чему Гриша привык. За этими разговорами не стояло ничего, кроме тяги к общению и доброжелательного любопытства. Именно любопытства, а не интереса в Гришином понимании, когда контакт с человеком обусловлен тем, что с него можно иметь.

Вчера вечером к ним с Верой нагрянула знакомиться, как выразилась Вера, «земская интеллигенция». Гриша даже не сразу понял, что симпатичный парень с чеховской бородкой — местный поп. Он рассказывал об истории деревни, некогда богатого и обширного села, которую он взялся описать по уцелевшим церковным кни-

гам. А жена его Лиля — женщина как женщина, с образованием, инязовка, и надо же — попадья. Как-то прежде Гриша не задумывался над существованием подобных людей.

Любопытной оказалась и пара из Нарвы, местные арендаторы. Она — экономист, он — инженер. У них своя программа, они шутя ее окрестили «Программа Соя». Буквально на днях знакомые из Ленинграда прислали им соевые семена прямо из всемирно известного института растениеводства.

— Это прекрасный корм, — доказывали они, — вся Западная Европа, вся Америка растит скот на сое, страшно рентабельно, — и они развивали грандиозные планы возрождения отечественного животноводства и молниеносного личного обогащения. Инженер вдохновенно горячился, как и положено дилетанту.

— Словом, вы начинаете с нуля, — скептически заметила Вера.

— Так это же прекрасно, Верочка, сумеешь начать с нуля, — не сдавался бывший инженер.

— Это значит, в руках есть силы, а в душе нет места разочарованию. — И его жена принялась уговаривать Веру и Гришу присмотреться, сделать выбор, на их примере убедившись в преимуществах развивающейся сельской жизни. — Все только начинается!..

Гости опустошили самовар и разошлись за полночь. Гриша сказал Вере:

— Знаешь, а ведь в жизни один раз, но приходится делать выбор. Казалось, свой я уже сделал, но... Расплатой запахло. Все, что я имею и могу иметь, не стоит этой цены, когда над головой висит закон, мало того, твой батяка в придачу. Чего мне ждать — тюрьмы или смерти из-за угла? Ни того, ни другого не желаю. Почему я должен был бежать сюда, как шелудивый пес? Почему по ночам мне должно сниться, как переворачивают мою новенькую квартирку, как машину мою, «зубилку», конфисковывают? Твой батяка решил меня в жертву принести. Не поняла еще? Следствию решил отдать. И «пришить», чтоб на допросах я рот не открыл, оправдываясь. Он бы меня давно убрал, да я ему нужен такой замазанный, чтоб никаких сомнений не оставалось, что я, я убил Ламко! Одна надежда. Пока тут сидим, там разберутся. В деле убийства Ламко моей вины нет. А другое... Похоронить, забыть и точку поставить. И снова не начинать, ну вас, я жить хочу, выжить и жить.

Вера серьезно глянула на него:

— Здесь начать новую жизнь? А папы тебе нечего бояться. Был бы отцу нужен твой свеженький труп, он не дал бы доброго совета уносить ноги, — она усмехнулась.

— А не дал ли он тебе этот добрый совет, чтобы навлечь на меня еще большее подозрение? Бежит и скрывается тот, у кого есть к тому очень серьезные причины.

Вера тяжело вздохнула:

— Все можно вывернуть наизнанку. А вообще, — она презрительно поморщилась, — тебя чуть поприжало, так ты и поплыл... Не крепок на излом, однако. Или это пейзажная идиллия расслабила тебя? Дорогой мой, да ты участвуешь в ней, как кинозритель в сюжете фильма! Давай завтра отсюда мотать. Прямо с утра.

К Вере он вернулся только вечером.

Ее глаза светились яростью.

— Ты мне назло пропадал целый день? Я все собрала, со всеми расплатилась. Пошли

— Ты с ума сошла? Я устал, я есть хочу! И куда? Зачем?

— Дурак! — в сердцах выпалила Вера. — Ладно. Как знаешь. А хочешь жрать, вон консервы, больше ничего нет. Если б ты видел эту знаменитую автолавку! Тот еще «Елисеевский»!

Гриша не мог понять, что с ней происходит. А она не могла, а после вчерашнего разговора с отцом не смела ему это объяснить. Ей стал понятен замысел отца. Она сразу почувствовала себя его пособницей. Нет, она такого не хотела. Она не могла не позвонить отцу, как условились, она была уверена, что он беспокоится, хочет знать, все ли у них в порядке, надежно ли их убежище. Теперь единственный выход она видела в том, чтобы скорее бежать из этой проклятой деревни, о которой знает отец. Но она не знала, как, не признаваясь в предательстве, уговорить Гришу уехать. Ему тут хорошо, черт побери! Он даже не чувствует опасности.

Вера подошла к Грише и опустилась на колени:

— Прости меня. Христом Богом прошу, уедем отсюда.

Под окнами раздался хруст, будто наступили на кусок шифера.

Вера обернулась, вскочила на ноги. Ей показалось, что кто-то глядит на нее из сумерек. Определенно, за окном кто-то стоит. Она вгляделась. Мужчина. Она решила, это отец.

— Гришенька... — шепнула, — я так и знала... Он... Приехал... Это конец... Смотри... — и она прижалась к Грише, как к шаткому, ненадежному, но укрытию. Так во время грозы прижимаются к единственному дереву в чистом поле. Гриша ее не понял, отстранился и подошел к окну. Да, там стоял человек и рассматривал их. Он сразу узнал его. Это был Воздвиженский.

«Значит, он нас выследил, — понял Гриша. — Кто же нас продал? Макс? А он как узнал, где мы?»

— Это мой знакомый, — сказал он Вере, — наверное, лучше его впустить. Успокойся, тебя это вряд ли касается. И не надо лишнего шума.

Гриша толкнул неплотно притворенную раму.

— Здравствуйте, — донеслось из темноты. — На пару слов, Григорий Борисович. Вы позволите?

— Входите. Дверь не заперта.

Воздвиженский вошел. На нем был светлый плащ. Руки он держал в карманах.

— Ее я нигде не видел. Но раз вы здесь, значит, и она... — тихо и печально заговорил Воздвиженский. — Вы не сможете мне отказать, — он умоляюще посмотрел на Веру, — верните ее.

— Кого? — глухо спросила Вера и посмотрела на Гришу — бледный, растерянный, молчащий, он испугал ее больше, чем появление незнакомца.

— Я третьи сутки на ногах. Я объехал столько деревень...

— Вы не один? — настороженно спросил Гриша.

— Григорий Борисович, давайте по-хорошему. Я готов предложить вам выкуп, все, что у меня есть, все, что удалось сколотить за последние четыре года...

— Вадим Федорович, я тут ни при чем. Я все знаю, но я тут ни при чем, — торопливо ответил ему Гриша, надеясь на том и закончить разговор.

— Зачем же вы тогда здесь?

— На отдыхе... Я к этому не причастен. Понимаете? Я этого не

совершал. Да вы представляете?..— он оглянулся на Веру.— Вы представляете, что я реально мог?..

— И к тому, как меня отделали, вы не причастны? — с ненавистью выпалил Воздвиженский.— Неужели вам было мало? Но сейчас не о том речь. Я готов забыть, я уже забыл, как велели. Я хочу разойтись мирно.

— Я не могу вам помочь, поверьте...

— Понятно. Вас не уполномочили вести со мной переговоры. Но вы ведь здравомыслящий человек, Григорий Борисович. Вы не можете не понимать всех последствий. Если хотите, сейчас мы оба страдаем напрасно. А вы еще и сильно рискуете, таская из огня чужие каштаны. Отдайте девочку, и мы расходимся. Вы мне верите? Если ее здесь нет, проводите меня к ней. Пойдемте. Ведь, кроме вас, никому... Если не вы, то кто же поможет мне найти ее?

— Не знаю, как вам объяснить...— смешался Гриша. Ему вдруг стало ужасно тоскливо... Бьешься в стену, а стена с шипами. Он махнул рукой, в изнеможении сел на старомодный продавленный диван и обхватил голову руками.

— Девушка,— обратился Воздвиженский к Вере,— у вас же есть мать, у вас есть сердце... Сколько страданий... Представьте, что ваша мать должна чувствовать, потеряв вас! То же самое...

— О Господи...— прошептала Вера.— Какая девочка? Кто потерялся? О чем вы говорите?

Воздвиженский подскочил к Вере, попытался схватить ее за плечи, она увернулась.

— Вы издеваетесь! — закричал он.— Вы пойдете со мной!

И Вера увидела, как медленно он достает из кармана светлого плаща черный пистолет. Животный ужас, кошмар смертельной опасности, какой, должно быть, испытывает безответная жертва скотобойни, подбросили Веру.

— Й... яа! — дико заорала она, изгибаясь всем телом выбрасывая вперед ногу в своем молниеносном полете, вкладывая в удар каратэ всю силу страха и отчаяния. Грянул выстрел.

Вера не поняла, успела ли она ударить. Резкая боль, жаркая волна затопила ее. Гришино лицо закрыла красная завеса.

Гриша рванулся к ней, но что-то сломало и его, и он рухнул рядом, так и не поняв, что же случилось и с ним, и с Верой.

30

Услышав выстрелы, Чернов грязно и смачно выругался. Делать нечего. Теперь Воздвиженский пусть сам изворачивается.

Чернов сдал назад и начал разворачиваться, выбираясь из густого кустарника на берегу озера, где они с Воздвиженским прятались. Если завтра местные пинкертонеры и обнаружат след протекторов — ерунда, может же автотурист просто заехать помыть машину.

На выезде из проселка черновскую «Волгу» обогнала «Нива». В свете фар Чернов увидел профиль водителя и вздрогнул. Макс?! Черт побери, эта сволочь уже мерещится. Откуда ему тут взяться? «Даже если Воздвиженский скажет в милиции, что завез его в эту глухомань соучастник, некто Чернов,— размышлял он, стараясь забыть о водителе «Нивы»,— ну и что? Он уже на стольких людей наклепал! Поклепом больше, поклепом меньше. Алиби у меня будет. Пил без просыха с Яном и Тимониным, именины отмечали... Однако какое-то начальство в деревне есть, конечно, и оно уже заше-

велилось. Ну, не начальство, так общественность, она теперь везде резвая. Пойдет писать губерния... Могут перекрыть дороги. Где же мне лучше перехватить Яна? Где-то здесь, до развилки на авто-страде».

Чернов резко сбавил скорость, подыскивая место, где можно остановиться и спрятать машину.

Из-за старого потерявшего голову идиота все пошло наперекосяк! Начиналось все, как планировалось. Три дня поиска не прошли даром. Горохова они обнаружили на хоздворе, когда день клонился к закату. Как заправский механик Гришка возился в моторе старого «Кировца». Чернов отправил Воздвиженского проследить, в каком доме остановился Горохов, узнать, с кем он тут, у кого живет, вдруг родственники или друзья, словом, своя кодла? В отсутствие Воздвиженского нужно было связаться с Яном. Не при любящем же дедушке речь вести о девчонке!

— Бери атлас дорог, открывай на Владимирской области и следи по карте, я буду давать ориентиры. Я вас встречу на дороге, где окажется удобнее.

Ян уточнил, где именно.

— Не разминемся,— ответил ему Чернов.

Воздвиженскому было сказано четко: только разведать обстановку и возвращаться, ведь идти за девочкой все равно одним нельзя, нужно прежде найти местных представителей власти, брать Горохова с поличным. Чернов таким образом собирался выиграть время, придержать Воздвиженского на те два—два с половиной часа, за которые Ян с Тимониным привезут малышку и спрячут ее в одной из построек двора, где обретается Горохов. Вот тогда и начнется настоящий спектакль. Сам Чернов, разумеется, принимать в нем участие не собирался. Он только анонимно вызовет милицию — телефоном областного управления он запасся.

После разговора с Яном прошло сорок минут. Воздвиженский не возвращался. И только услышав выстрелы, Чернов понял, почему. Кто же кого там порешил? Это уже не имело практического значения. Все полетело в тартарары. Теперь нужно только перехватить Яна, чтобы он с девочкой не прикатил в Кузнецы, где наверняка уже началась заваруха.

В это время в тишине над его головой застрекотал вертолет. Чернов проследил за его полетом и понял: вертолет идет прямо на Кузнецы. Значит, это милицейский вертолет. Он бросился к машине. Схватился за телефонную трубку. Мастерская не ответила. Конечно, Ян давно уехал. Поручить кому-то перехватить его нереально. Маршрут знает только Ян. «Что же делать? — Чернов начал кусать старый болезненный заусенец. — Яна не остановишь, придется сидеть и ждать его здесь, что тоже рискованно». Волей-неволей в мыслях Чернова начала складываться взаимосвязь: выстрелы, померещившийся Макс, милицейский вертолет и молчание телефона в мастерской,— в такой момент там не могло никого не быть. Чернов даже начал сомневаться, кого настигла пуля. Горохова ли? А если Воздвиженского? Макс мог и не привидеться. Так что же главное? Перехватить Яна, отмежеваться от Воздвиженского. Остальное уже детали.

«В этой машине,— думал Чернов,— полным-полно отпечатков пальцев, и моих, и Вадима... И это бесспорное доказательство, что мы действовали заодно. А если поискать, найдутся и отпе-

чатки пальцев девочки. Ведь я ее вез на этой машине. Вот и получается... А, машина дело наживное. Да и не моя она в конце концов. Общая, то есть ничья».

Чернов снова сел за руль. Вывел машину на дорогу. Прислушался. Нет, гудения моторов, звуков приближающегося транспорта он не услышал. Вышел из машины, открыл багажник, вытащил канистру. Полная, да и в бачке почти под завязку. Это хорошо. Хорошо, что он запаслив. Раскрыл канистру, потом раскрыл дверцу и вылил бензин на оба сиденья — на переднее и на заднее. Обивочная ткань не сразу впитывала маслянистую жидкость, она стекала на пол и застывала мелкими лужицами на резиновых ковриках. И это тоже по-своему хорошо. Чернов скомкал газету, вложил в нее камень, поджег и бросил в раскрытую дверцу «Волги». А сам побежал вперед. За его спиной взметнулось пламя. Потом раздался взрыв.

А он бежал и бежал, всматриваясь в синюю тьму. Ни машина Яна, ни какая другая не встретились ему.

31

Вадим Федорович не собирался стрелять. Он взял оружие и держал его в кармане потной рукой лишь на случай, если придется поугадать, оставляя за собой последнюю возможность принудить. Он не верил в существование людей, не боящихся смертельной угрозы.

Он впервые стрелял в человека. Он побежал в ужасе, так и не поняв, убил ли, ранил ли? И почему как мертвый упал Горохов? Он услышал за своей спиной возбужденные голоса. В домах вспыхивал свет в окнах. Улица пошла в гору. На пригорке она кончилась. Воздвиженский увидел густые заросли. Бросился к деревьям и не заметил, как перемахнул через ограду. Сделал несколько шагов и понял, что очутился на кладбище.

— Он здесь! Обходите слева! Гена, заходи со стороны озера! Василий Иванович, Василий Иванович, вы где? Не пускайте народ, он вооружен!

Голоса перекрыл рев вертолетного двигателя. Воздвиженский все понял. Как он ошибся! Надо было прорваться сквозь безоружную толпу к Чернову, к машине. Теперь поздно. Он бросился к белеющей среди деревьев церкви. В старых церквях всегда есть обширные подземные лабиринты. А может быть, и подземный ход.

Алтарные врата были притворены, но не закрыты. Он вошел в алтарь и присел на корточки у подножия распятия. Разрыдался. Он ни о чем не сожалел, кроме одного, — Настю не увидел. И он устал, смертельно устал... Потом снова услышал голоса:

— Надо позвать отца Виктора, он знает, где тут что...

— Товарищи, разойдитесь... Здесь опасно.

Голоса шли с улицы.

Воздвиженский заметался. Вход в подземелье должен быть где-то рядом. Вот! Уходящую под пол лестницу окружали низкие перильца. Он начал спускаться на ощупь. И очень быстро остановился возле заколоченной, обитой холодным железом двери. Он привалился к каменной стене и застыл. Снова услышал голоса и приближающиеся шаги. Опустил руки в карман. Отстреляться — это последнее, что дано. Ему показалось удивительным, что в панике он не выбросил пистолет. Проверил затвор. Подумал, как странно,

что в церковь никто не заходит, его не ищут, даже не окликают. Он решил подождать сам не зная чего. Но скоро понял, что продрог до костей. Снова поднялся в молельню и увидел: она полна света. Наступало новое утро. Заметил выход на звонницу и пошел по ступенькам. Прямо перед собой увидел небо и темный силуэт колокола на нем. Встать во весь рост не решился. Осторожно заглянул в бойницу и увидел милицейский желтый газик. Они ждут его... Или собрались вступить в переговоры? А это... это... Неужели это полковник Быков?!

Внизу его, видимо, заметили. Раздался голос, усиленный мегафоном:

— Бросайте оружие! Выходите!

Воздвиженский отпрянул от просвета в толстой стене колокольни и понял, что сам себя загнал в ловушку. Куда идти? Только вниз, по этой лестнице, потом — на эту площадь. Чтобы протянуть руки к наручникам и сесть в милицейский газик. Как, однако, просто все кончается в его жизни, которая всегда казалась ему такой сложной! Сколько в ней было накручено надежд, суеты, стремлений, потуг... И такой прямой финиш... Даже смешно. Он тихо горестно засмеялся.

— Храм окружен! Выходите! Выходите добровольно! — снова проговорили в мегафон.

«Я обречен» — кроме этой мысли, ни одна другая не посетила Воздвиженского. Голова была пуста, свободна. Он не знал, что делать дальше. Но знал, как закон поступит с ним. Его охватило поразительное безразличие ко всему, даже к Насте. Но он чувствовал в той степени, насколько в эти секунды чувства, ощущения заменили ему мысли, что теперь таким, каким стал за этот день, во что превратился, таким он Насте не нужен, даже вреден. Единственно, кому он сейчас нужен, это тем людям внизу. А они ему нет.

Воздвиженский подошел к низкому парапету звонницы. Он рванул ворот рубашки и простер руки. Перегнулся через перила и зажмурился. И вдруг ощутил несказанное блаженство. Счастье освобождения. Мысленно он уже парил над людьми, над деревней, над желтым милицейским газиком, над лесом, над яркой кромкой зари, неожиданно вспыхнувшей на границе дальнего поля. Надо только оттолкнуться пятками, чуть сдвинуться с места, и муки уйдут навечно.

32

Максим Максимович привез в «Националь» менеджера фээргевской группы «кантри-мюзек», ужинать с ним он не собирался. Но немец настаивал, пришлось согласиться. Не расскажешь же гостю, что на днях похоронил единственную дочь. Увы, пока с этим немцем надо считаться. У него свои прихоти. И не скажешь ему, что проводишь последние часы на родной земле.

Немец сносно говорил по-русски, но беседа текла вяло, деловые вопросы давно уже были утрясены, а чтобы выпить и похвалить угощение, достаточно нескольких слов. Подали кофе, и Максим Максимович вздохнул с облегчением. Сейчас немец пойдет в свой номер, а он поедет домой прощаться с Ольгой. Она не хочет выезжать за рубеж. Ничего... Одумается. А в общем, не все ли равно. Так и так здешняя жизнь кончена. Может быть, он и сам от горя впал бы в апатию, но все же он-то еще жив, и ему интересно еще

раз начать, начать новое свое дело, но уже в других условиях и с иным размахом, с другими возможностями, главное, ничего не боясь, не сдерживая свое предприимчивое изворотливое нутро, глядя на свет Божий широко и открыто. Впереди еще столько всего: ведь ему нет пятидесяти. Он будет много работать, окружит себя роскошью — и все забудется. Максим Максимович хотел надеяться. Он всегда жил надеждой — она ведь умирает последней...

Об одном сожалел Максим Максимович: что не уложил мерзавца Воздвиженского. Хотя знал, что поступил правильно, сдержавшись, когда понял, что Вера мертва. И все же судьба справедлива. Она сама расквиталась за Веру.

...Наконец гость поблагодарил за удачные деловые встречи, приятный вечер, прекрасную беседу. Они оба поднялись из-за стола, Максим Максимович проводил менеджера до дверей зала, вернулся к столу, чтобы расплатиться, и вдруг ему захотелось водки — именно водки, фужером, не закусывая, хотя он давно забыл ее вкус, так как в основном если пил, то только коньяк или виски. Он снова сел к столу и стал ждать официанта. А мысль крутилась все та же: «Я был прав, когда ушел, не стал даже глядеть на нее, мертвую... Не может быть три трупы и ни одного убийцы, не может быть. Пули разные, конечно, но на то налогоплательщик и кормит милицию, чтобы она шарады разгадывала».

— Добрый вечер, Максим Максимович, — раздался сзади велеречивый голос, — позвольте принести искренние соболезнования... Бедная девочка! Но риск всегда сопутствует нам, не так ли?

Гурьев искоса глянул — Лебедев... Верно говорят, борода его облагораживает. И как только он сюда попал? А впрочем... Если внимательно оглядеть столик за столиком, станет ясно, что среди иноземных бизнесменов, ловящих в Москве миг удачи, сидят-посиживают и дельцы отечественного образца.

«Наверное, напрасно я не отдал его Быкову, — слушая сочувственные тирады старого конкурента, думал Гурьев. — Знал бы ты, Борода, что я в руках держал фоторобот, с твоей физиономией срисованный. А в принципе, как бы я ни ненавидел тебя, отдать не смог бы. Это значило бы раскрыться самому. И меня ты никогда не продашь по той же причине. Мы спаяны, как не каждые друзья и братья... Быков, если найдет тебя, то не скоро. Прописка-то, небось, сочинская или все еще воркутинская. Пока доищешься среди трехсот миллионов сограждан. Что обидно — в милицейской картотеке ты не значишься, не попадался, прохвост!»

Максим Максимович тяжело посмотрел на Лебедева и сказал:

— Замолчи. Я знаю цену твоим сочувствиям. Знаю, за что несукрест. И с чего все началось, знаю. Хоть и поздно, к сожалению, узнал. На своих грешил. А это ты мне подножку поставил тем убийством. Тебе, дружок, надо было давно связаться со мной лично, а не доверяться мальчишкам, охочим до псевдоромантики, — он кивнул на высокого стройного парня с тонкими очками на интеллигентном лице, стоящего поодаль.

— Это моя гордость, — усмехнулся Лебедев, — Черныш... Надежнейший из воспитанников.

— Ты меня слушай, мне твой Черныш неинтересен. Кстати, не он собрался со мной тягаться, нет? Так вот скажи своему воспитаннику — руки коротки... Макса ментуре отдал! А «Элладу» я бы вам просто подарил. Не настолько это доходное место, как вам показалось издаля на палочке. — Гурьев крикнул — Особенно после

убийства Ламко. Дураки, на нее-то и можно было делать ставку, если уж чего-то хотеть... Все, «Эллада» мне не нужна, завтра я уезжаю.

— Знаю, потому и подошел, Максим Максимович. Мне понятна твоя щедрость. Раньше ты таким не был. А с остальными точками как? Из Европы контролировать будешь?

Максим Максимович понял: Лебедев догадался — из очередной краткосрочной поездки за рубеж Гурьев не вернется. А он надеялся, что, кроме него и Ольги, об этом пока никто не знает. Но сделал вид, что открытого намека не понял, сказал буднично:

— Я передам Арбузову, когда он поправится, чтобы остатки долгов возвращал тебе. Черт с тобой. Что еще хочешь? Я, к примеру, хочу водки и дать тебе в морду...

— Благодарю, Макс, но твоего Арбузова посадят, как только выпустят из больницы. А Ламко мне самому жаль. Но я боролся не с ней. Признаю, я в проигрыше. А на «Элладе» висит дело, она мне тоже больше не нужна. И тут я проиграл.

— Ты, дурак, мне даже краплеными картами проигрывал. Варианты считать не умеешь. Уходи.

Лебедев кивнул своему спутнику и величественной походкой проследовал к дверям. Ему улыбнулся и поклонился метр — с той мерой такта, которая не позволяет поклону выглядеть лакейским.

Максима Максимовича обуяла злоба. Этот негодяй играл и заигрался. Он не одну Ламко погубил. И Вера в конечном счете на его счету. И Гришка, если разобраться. И Воздвиженский, если вдуматься. Он должен быть наказан.

«Это не в моих правилах, — подумал Гурьев. — Бог простит, а следов не останется. Имею же я право напоследок получить удовольствие остаться отомщенным».

Максим Максимович поднялся из-за стола и тоже вышел из зала. Увидел, как Лебедев и его подручный спускаются по отливающей золотом лестнице. Когда они подошли к дверям и створки автоматически распахнулись перед ними, Максим Максимович сделал несколько шагов и встретился взглядом с сидящим в углу на банкетке под зеркалом юношей. Тот встрепнулся. Максим Максимович кивнул на удаляющуюся пару, и юноша бросился бегом к парадному выходу, не спуская глаз с Лебедева, — того было хорошо видно через стекло витрины. А Максим Максимович вернулся в зал ресторана, ведь он так и не выпил водки. Сейчас, пожалуй, он мог бы себе позволить и два фужера. Придется задержаться здесь на пару часов, пока обернется этот малый.

«Вольво», в которую уселись Лебедев и Чернов, устремилась к Дзержинке, а потом свернула на Рождественку и понеслась вперед, к Бульварному кольцу. Затем свернула к Сретенке и выехала в пустынный переулок. По обе стороны проезжей части стояли дома с пустыми глазницами окон — ремонт еще не начался, а жизнь уже затихла. Вдруг из подворотни проходного двора вылетел «Москвич». Сзади неспешно ползло такси. Таксист притормозил, опасаясь столкновения. Неожиданно раздалась автоматная очередь. Таксист резко взял влево, едва не опрокинулся, разворачиваясь на двух колесах, ударился днищем о высокий край тротуара и исчез. Человек стрелял по «Вольво», приоткрыв дверцу «Москвича», опустив ногу на мостовую. «Вольво» сначала заметалась, словно поскользнулась, а потом встала как вкопанная. Стрелявший подбе-

жал к ней, через лобовое стекло выпустил еще две очереди по уже недвижимым окровавленным телам. И все стихло...

33

Левченко стояла у окна, глядела на дождь и ритмично стучала пальцем по стеклу. Получался марш Черномора.

— Перестань,— сказал Быков,— на нервы действует...

Он отодвинул от себя стопку фотографий. Изрешеченный пулями автомобиль «Вольво», простреленная голова Чернова, прошитая очередью грудь некоего Лебодидзе, если верить найденному при убитом паспорту.

— Да... гора трупов, десятков арестованных «шестерок», Арбузов, утративший дар речи вследствие перенесенного инсульта... Это все, что мы имеем. Опоздали, как же мы опоздали в эти Петушки!

— В Кузнецы,— машинально поправила Левченко.

Зашел капитан Сиволодский.

— Вячеслав Иванович, звонил Боря Михеев из Пресс-бюро. Вас на брифинг приглашает. Надо идти. Журналисты требуют объяснений.

— Не пойду. Иди сам, если хочешь.

— Ну и что я там скажу?

— Что произошла перестрелка между двумя преступными группировками, чьи действия вышли из-под контроля органов внутренних дел,— с раздражением ответил полковник.— Придумали же формулировку! Что тебе еще надо?

— Надо как-то объяснить, почему Горохов застрелен из макаровского пистолета, а при Воздвиженском нашли только «Вальтер», из которого убита Гурьева. А на крыше дома в Даевом переулке обнаружен новенький пулемет...

— Скоро они танки из своих гаражей выпустят! — Быков хрустнул пальцами.

— Не пропустим, Вячеслав Иванович, грудью закроем родную столицу, как в сорок первом...— попытался отвлечь руководителя Сиволодский, но видел только, как все тяжелеет его взгляд.— Вы на брифинг пойдете, Вячеслав Иванович? Мне это пока не по чину. Что полковнику Михееву ответить?

— Не ерничай,— сказала Левченко,— это какой-то жуткий замкнутый круг! Ведь ясно, ясно же, что этот Макс сидел вот в этом кабинете, говорил со Славой, отказался опознать Лебодидзе, который наверняка какой-нибудь Лебедушкин, уж поверьте мне, на грузина или осетина он не похож, хоть паспорт вроде неподдельный. Вот чей человек Чернов, вот кто патрон Чернова, вот кто стремился устранить Макса, вот ради чьей прихоти убита Ламко... А Макс уже над Атлантикой. Уверена, это он приказал расправиться с этими людьми. Сн! Больше некому. Получилось, не они его, он их укатал! Утром звонили из таксомоторного парка. Один из шоферов вечером после смены рассказывал, как оказался свидетелем перестрелки на Сретенке. Стреляли из старого «Москвича» в упор. А утром, когда инспектор районного угро хотел допросить этого водителя, он отказался давать показания и заявил, что просто напросто выдумал эту историю, чтобы потешить сотоварищей.

— Новая Шехерезада! — Быков выругался сквозь зубы.— Скорее примет клеймо лжеца, чем согласится «ввязаться в историю»... Что будешь делать? Так ничего и не добились от этого таксиста?

— Ничего. А как его заставишь говорить правду?

Сиволодский сказал с досадой:

— Хотя бы номер этого «Москвича» знать! Приметы водителя, цвет машины! Уверен, нашли бы способ доказать его контакты с Максом. Спрашивается, что мы тут сидим? Надо давить показания, надо связываться с Аэрофлотом, разворачивать самолет... Вираж над Атлантикой — и курс к родным берегам.

— Даже если воспринимать твой треп всерьез, что мы предъявим Гурьеву? — спросил Быков, не глядя на Сиволодского. — И что значит «давить показания»? Пробиваться к совести, к гуманности? Скоро я забуду, что это такое!.. Где эти добрые чувства, какая лира их способна пробудить и, черт возьми, где эта лира, в чьих руках? «А при чем тут я?» — скажет таксист. Слово в слово, точно так же скажет Гурьев: «А при чем тут я?» — Быков отшвырнул фотографии. — А эти свидетели... они уже ничего не скажут. Они ввали живые, а теперь, мертвые, молчат... Вот спросите меня, за что погибли эти люди. Скажу: ни за что!

— Люди гибнут за металл, — заметил Сиволодский.

— Нет, Миша, — покачал головой Быков. — За металл они борются. А эти погибли как путники, потерявшие ориентир. Не то снежная лавина их настигла, не то наводнение на них обрушилось, не то лава испепелила их...

— Да, новые законоположения в некоторой своей части весьма туманны, — вставила Левченко, будто поняв полковника.

— Да нет, Валя, — продолжил он, — не в законах дело, даже не в гениальной многоликости формулы «разрешено все, что не запрещено». Шпана типа Крынкина поняла демократию как слабость власти. Арбузовы, возомнив себя первыми прогрессистами, решили, что на свободный рынок достаточно выйти с алчностью во взоре и пачкой купюр в кулаке. Чернов, Горохов и им подобные и вовсе перепутали путь к инициативе с большой дорогой и вышли туда с кистенем. Воздвиженский... Среда родила, если хотите, приспособленца нового типа. Приспособленца к криминогенным условиям. Если бы мог, я так бы и сказал на брифинге, не углубляясь в экономические, социальные или нравственные аспекты. Да ведь некоторые нервные идеалисты меня, пожалуй, ошарашивают. Нацелившись на абстрактный гуманизм, они забыли, знать не хотят, что преступление страшно именно конкретностью зла.

— Господи, — вздохнула Левченко, — когда все это кончится, когда слепцы прозреют?..

Быков не ответил, подошел к окну, встал рядом с Левченко, тоже начал глядеть на струйки дождя, ползущие по стеклу. Дождь припустился сильный, летний. Москва умывалась.

Капитан Сиволодский смотрел на них и не знал, что сказать.

ШЕРЕМЕТЬЕВСКИЕ ВОРЫ

Кто сказал, что только фантасты мечтают о машине времени? Ах, как пригодился бы этот экологически чистый агрегат фельетонисту!.. И не стал бы я забираться с ним в глубь веков и доискиваться, за что и при каких обстоятельствах убил Иван Грозный своего сына, в каком тогдашнем загсе зарегистрировали рождение княжны Таракановой и какое отделение полиции выдало ей первый настоящий паспорт. Пусть этим занимаются историки.

Эх, будь у меня машина времени, я бы вернулся всего-навсего в одну из жарких ночей минувшего лета и совершил бы небольшую прогулку по живописным берегам Клязьмы. И пригласил бы с удовольствием туда вас, дорогие читатели.

...Представим себе на миг, что такая прогулка состоялась, и вот мы уже возле той самой подмосковной речки. Еле слышится приглушенный рокот автомобильного мотора. Никак еще одни бесприютные влюбленные пожаловали под гостеприимную сень приречных чепыжей? Но нет.

Высидевшиеся из машины две очаровательные девы и стройный отрок влюбленных никак не напоминали. Во всяком случае, своим поведением. Сообща, дружными усилиями они вытащили из багажника большой бумажный мешок и, осторожно вскрыв его при свете фар, с лихорадочным нетерпением стали извлекать содержимое. Видимо, их ожидания оправдались, потому что подмосковная ночь огласилась тихими вскриками восторга.

Юные прелестницы тут же принялись примерять на себя мужские кожаные пальто, куртки и костюмы. В штаны, правда, не влезали, но пиджаки на свои хрупкие плечики набрасывали.

Их спутник снисходительно посмеивался, однако, когда девицы натешились, не отказал и себе в удовольствии покрасоваться в обновках. К тому же ему достался еще и спортивный костюм, которым дамы вообще пренебрегли.

Покончив с примеркой, странная троица запалила на берегу костерок из того самого мешка и, присев на корточки, по складам начала разбирать маркировку на вещах.

— Смотри, по-заграничному написано — «Луски ман». Клевые куртки!

— А на костюмах — какое-то «Санинандо»...

— А у меня «Хонда». Тоже красиво...

Между тем костерок догорел. Молодые люди погрузились вместе с вещами в машину и уехали.

Я же воспользуюсь возникшей паузой и открою маленький секрет: мешок они украли в международном аэропорту «Шереметьево» всего за час перед приездом на берег Клязьмы.

Все остальное догадливый читатель уже себе вообразил: удачливые воры на предельной скорости несутся прочь, как можно дальше от места преступления. Ведь нужно замести следы, срочно сбыть добычу, чтобы избавиться от улик, обеспечить себе алиби...

Любимых мною читателей неудобно опровергать, но я вынужден это сделать, хотя бы ради удовольствия сокрушить набор детективных штампов.

Водитель уже знакомой машины лихо подкатил именно к международному аэропорту «Шереметьево», ничуть не скрываясь. Припарковался на стоянке, после чего вместе со своими спутниками отправился к месту прохождения службы. А службу они несли в аэропорту: Юра Киселев — водителем, Света Долгодумова и Наташа Иванова — операторами службы организации почтово-грузовых перевозок. Иными словами, они в эту свою ночную смену должны были обеспечить безопасность и гарантировать сохранность тех самых кожаных пальто, курток и костюмов, которые украли и разделили. А не скрывались они потому, что эта кража была для них далеко не первой и чувство опасности давно притупилось, как дешевенький кухонный нож из скверного металла.

Да и чего, а главное, кого им следовало опасаться? Не начальства же, проявлявшего полное безразличие и равнодушие к тому, что делали подчиненные. Поэтому все они ходили на работу, как на праздник. И не только они, но и грузчик Юрий Евдокимов, диспетчеры Елена Забалуева и Игорь Золотов, также промышлявшие кражами заграничного добра. Разве это не праздник, когда приезжаешь на работу с пустыми руками, а уезжаешь с двумя громадными чемоданами, только что доставленными самолетом из Австралии? И разве не будешь на такую работу лететь, как на крыльях, если знаешь, что именно сегодня из бельгийского города Антверпена могут прибыть очень симпатичные, с яркими, красочными наклейками ящики. И ты без всякого риска имеешь возможность вытащить для себя из них цветной телевизор «Джи-Ви-Си», видеоплеер «Акай» и музыкальный центр «Пионер» японского производства.

Правда, из-за незнания иностранных языков порой случались приятные курьезы. Скажем, присмотрели девушки коробку с видеомангнитофоном (так им показалось), унесли в женский туалет, разрежали, а там действительно видео-, но не магнитофон, а камера «Панасоник». Пришлось в тот же день продать ее за одиннадцать тысяч, по дешевке, госцена ей — двенадцать тысяч рублей.

Можно бы еще много говорить о том, как эта «великолепная шестерка» украшала свою жизнь импортными сапогами и рубашками, косметикой, одеялами и покрывалами, колготками и зажигалками. Но вряд ли целесообразно, потому что список похищенных вещей слишком велик.

И знаете, какая крамольная мысль приходит? Там, где без всякого присмотра валяются заморские посылки и багаж пассажиров, всегда найдутся люди, которые позарятся на чужое добро. Фраза «так поступил бы каждый», конечно, в некотором роде риторическая. Но факт остается фактом: за последние годы в немалой степени из-за отсутствия должного контроля со стороны администрации десятки работников аэропорта, присвоивших заграничные вещи, отправились в места, от столицы очень даже отдаленные.

Скажу вам с предельной откровенностью: будь я аэропортовским начальником, то тоже пальцем о палец не ударил бы, чтобы сберечь почту и багаж, поступившие из-за рубежа. А зачем? На зарплате это никак не отразится, пусть хоть вынесут и разворуют все! Зарплата обозначена в штатном расписании, и повысить или понизить ее никак нельзя. Добавить, скажем, премию за образцовое обслуживание и перевыполнение объема перевозок в тысячах тонн, пожалуйста, можно. А то, что для преступной деятельности расхитителей создан режим наибольшего благоприятствования — это никак не повлияет на платежную ведомость.

Правда, есть такое понятие, как патриотизм, профессиональный престиж. Но ведь это нечто эфемерное, вроде заоблачной мечты. Тем более обокраденному пассажиру или отправителю груза все равно больше некуда податься: конкурентов у «Аэрофлота» нет.

Это хорошо усвоила киностудия Рижской киностудии, из дальних странствий возвратясь к родным пенатам как раз 1 января 1990 года. «Аэрофлот» преподнес им новогодний подарок: ящик с отснятой и не проявленной пленкой украли на коротком отрезке от места посадки самолета до пункта выдачи багажа. И теперь лететь в повторную творческую командировку в Израиль киношникам придется тем же рейсом. А ведь по возвращении обратно, в аэропорту, их опять могут обокрасть, если только режиссер и оператор предусмотрительно не проявят пленку там, где ее отснимут, и не опояшутся кинолентами наподобие пулеметных.

А пока что в «Шереметьеве» удалось создать идеальную обстановку по части неразберихи и разгильдяйства. Доходит до того, что хватают работники милиции вора с поличным и не знают, кого облагодетельствовать, кому вернуть свалившееся с неба добро: кража нигде не значится, с какого рейса что пропало, неизвестно, пострадавшие якобы знать о себе не давали и пожелали сохранить инкогнито. Такие, понимаете, богачи и занятые люди, что не пожелали тратить время на розыск той же, скажем, видеокамеры. Знающие люди подозревают, что утешительно малое число зарегистрированных жалоб о пропаже вещей не более как один из секретов фирмы, то бишь аэропорта.

Начальство могло бы при желании задействовать кадровое сито и, принимая на работу в «Шереметьево» новичков, сразу отсеивать потенциальных жуликов. Способ этот достаточно прост.

— Что вас, молодой человек, особенно привлекает в малопrestижной и низкооплачиваемой работе грузчика? Ведь вы классный водитель, на любом автобусном маршруте заработаете в два раза больше, а отправитесь в дальний рейс, то и в четыре? Нет, ваши резоны невразумительны, вы нам не подходите...

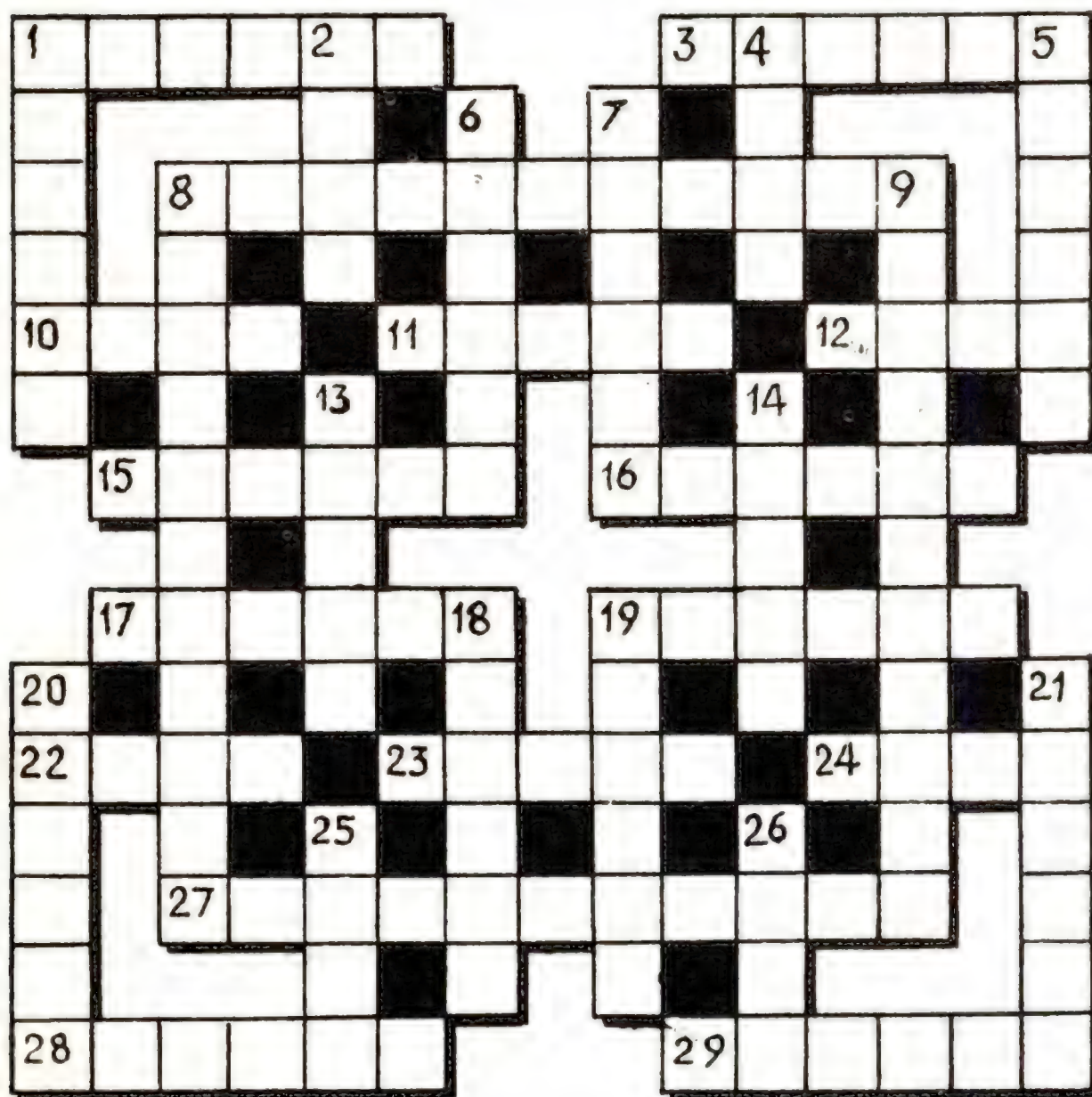
— А вы, квалифицированная сестра милосердия, зачем бросаете родную больницу рядом с домом и собираетесь тащиться к нам два часа на трех видах транспорта? Зарплата у нас такая же... Может быть, кто-то вам сказал, что здесь можно воровать? Вас нагло обманули, здесь все сплошь честные люди. Как в больницах...

Но такой способ кажется кадровикам непродуктивным и обременительным. Вот и набирают в результате с бору по сосенке нечистых на руку работников...

Чем это заканчивается, мы уже знаем.

М. ХАЗИН,
старший советник юстиции

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

По горизонтали: 1. Артист, сыгравший роль Шарапова в кинофильме «Место встречи изменить нельзя». 3. Прикрепляемый к векселю дополнительный лист, на котором ставится поручительская гарантийная подпись. 8. Принудительное и безвозмездное изъятие имущества, денег в собственность государства в соответствии с судебным решением или административным актом. 10. Русский юрист и общественный деятель, под председательством которого суд вынес оправдательный приговор по делу В. И. Засулич. 11. Подразделение учреждения или учреждение, входящее в состав какой-либо организации. 12. Английский социалист-утопист, основатель опытной коммунистической колонии в США. 15. Предварительный текст какого-либо документа. 16. Захваченные у противника или сданные во время капитуляции знамена, военная техника и другие материальные ценности. 17. Обращение денежных средств и товаров для воспроизводства, получения прибыли. 19. Банкомет в игорном доме, который следит за игрой, выдает участникам их выигрыш и забирает проигранные ставки. 22. Необходимое условие привлечения к юридической ответственности. 23. Совокупность вооруженных сил государства. 24. Акт Президиума Верховного Совета СССР. 27. Советский писатель, автор повести «Сатурн» почти не виден», романов

«Возмездие», «Суд». 28. Вид спортивной борьбы, нарушение правил обучения которой влечет административную ответственность. 29. Наем имущества во временное пользование на определенный срок и за определенную плату.

По вертикали: 1. Единый законодательный акт, регулирующий какую-либо однородную область общественных отношений. 2. Денежная единица Японии. 4. В гражданском праве: субъект (носитель) гражданских прав и обязанностей. 5. Лицо, дающее на обороте векселя, чека передаточную надпись; индоссант. 6. Неравноправный международный договор. 7. Согласие заключить договор на условиях, указанных в предложении. 8. Тайный провоз через государственную границу товаров, валюты с нарушением таможенного законодательства. 9. Президент Республики Польша. 13. Часть природной среды в СССР, принадлежащая государству. 14. Дополнительная скидка, предоставляемая продавцом покупателю в соответствии с условиями сделки или отдельного соглашения. 18. Вид исправительно-трудового учреждения. 19. Английская писательница, автор многочисленных детективных романов и повестей. 20. Узкая полоса папируса, пергамента или бумаги, свернутая в трубку. 21. По советскому уголовному праву — одно из особо опасных государственных преступлений. 25. Неписанный закон, обычай у народов, исповедующих ислам. 26. Советский военачальник, командарм I ранга, необоснованно репрессированный в 1937 году.

Составитель Ю. КРАСНОВ

г. КИНЕШМА

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 5.

По горизонтали: 1. Драгоман. 3. Расправа. 8. Шеффен. 9. Редкин. 12. Ависта. 13. Батов. 14. Консул. 17. Глоссатор. 20. Клевета. 21. Майорат. 22. Цензура. 24. Косушка. 30. Завещание. 33. Оговор. 34. Буков. 35. Патент. 36. Грефье. 37. Надзор. 38. Сецессия. 39. Нотариат.

По вертикали: 1. Дознание. 2. Оферта. 4. Привод. 5. Апеллянт. 6. Инкассо. 7. Ареопаг. 10. Фискал. 11. Ссылка. 15. Альтернат. 16. Мораторий. 18. Авизо. 19. Форум. 23. Егоров. 25. Кастет. 26. Ордонанс. 27. Декувер. 28. Таможня. 29. Дистрикт. 31. Допрос. 32. Жалоба.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

Задача 1

Наниматель жилого помещения и проживающие с ним совершеннолетние члены его семьи могут по взаимному согласию разрешить временное проживание в находящемся в их пользовании жилом помещении другим гражданам (временным жильцам) без взимания платы. Однако вселение временных жильцов на срок свыше полутора месяцев допускается лишь при условии соблюдения установленной нормы жилой площади (статья 81 Жилищного кодекса РСФСР).

В РСФСР норма жилой площади установлена в размере 12 кв. метров на одного человека (статья 38 ЖК РСФСР).

Задача 2

Отказ обоснован.

Наниматель вправе вселить в занимаемое им жилое помещение своего супруга, детей, родителей, других родственников, нетрудоспособных иждивенцев и иных лиц. Но на это необходимо получить письменное согласие всех совершеннолетних членов своей семьи. Не требуется согласия остальных членов семьи только на вселение к родителям их несовершеннолетних детей (статья 54 ЖК РСФСР).

В сложившейся ситуации дочери можно посоветовать заключить на приходящуюся на ее долю комнату отдельный договор найма (статья 86 ЖК РСФСР) и прописать на эту площадь мужа.

Сдано в набор 28.03.90. Подписано в печать 20.04.90. А 07460.
Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56.
Уч.-изд. л. 9,40. Зак. 2106. Цена 60 коп.

Адрес редакции:

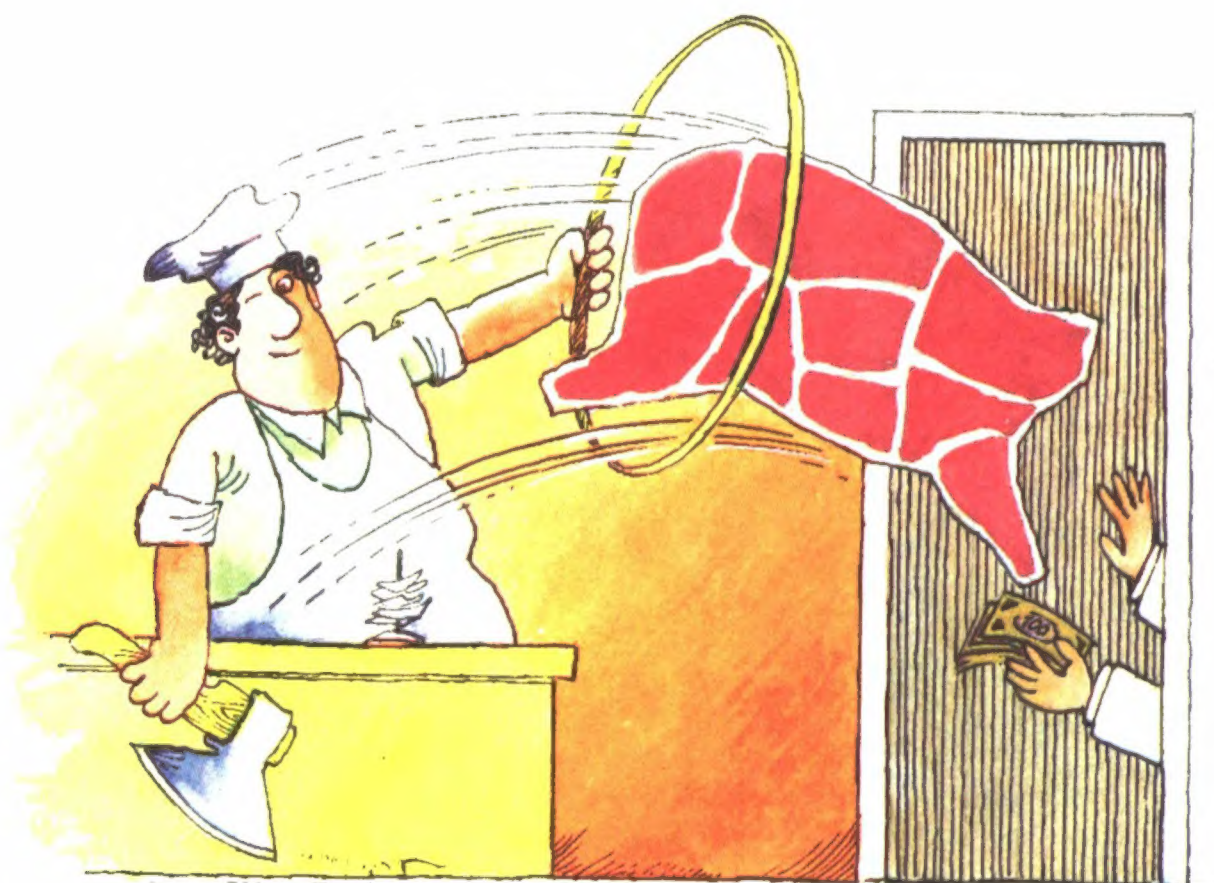
129850 ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12

Отпечатано 1 100 000 экз. (из общего тиража 9 150 000 экз.) с фотоформ ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда» в типографии издательства «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49. Зак. № 670.

В случае обнаружения полиграфического брака просим обращаться в ОТК типографии, печатающей данную часть тиража журнала.

— Надеюсь, ты знаешь, к чему приводят шалости на дорогах!

Коронный номер.

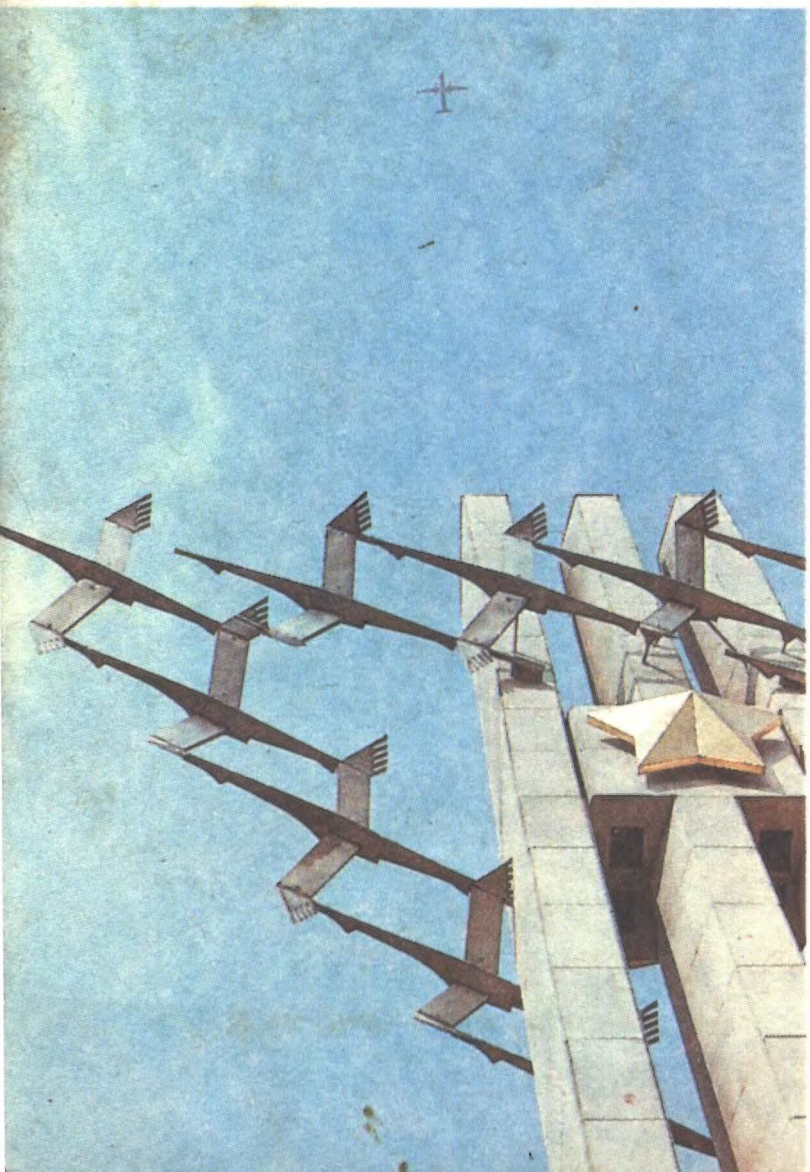
Рис. Н. Щербакова

60 коп.

Индекс 71075

145

Память о минувшей войне.

ISSN 0132 0821